

САХАРОВСКИЙ

Владимир
Антонов,
Валерий
Прокофьев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

История советской внешней разведки интересна не только событиями, но и судьбами тех, кто верно и преданно служил ей многие годы. В последнее время стали известны имена целого ряда выдающихся советских чекистов, благодаря самоотверженному труду которых была создана великая Советская империя. Одним из них был генерал-полковник Александр Михайлович Сахаровский, человек, всю свою жизнь отдавший работе в органах государственной безопасности. Шестнадцать лет он возглавлял советскую внешнюю разведку, и не будет преувеличением сказать, что это были ее звездные годы. Под руководством Сахаровского сформировался коллектив выдающихся чекистов-разведчиков, не знавших себе равных в мире.

[Адаптировано для AIReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Владимир Антонов](#)
 -
 -
 - [ЛЮДИ ОСОБОГО ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Детство](#)
 - [Переезд в Ленинград](#)
 - [Работа в комсомоле](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Выстрел в Смольном](#)
 - [Секретарь парткома](#)
 - [Сотрудник НКВД](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Накануне Великой Отечественной](#)
 - [Блокада Ленинграда](#)

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2043

(1843)

***Владимир Антонов,
Валерий Прокофьев***

САХАРОВСКИЙ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Антонов В. С., Прокофьев В. И., 2020
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2020

*100-летию Службы внешней разведки России
и ее сотрудникам
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

ЛЮДИ ОСОБОГО ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ

Двадцатый век стал свидетелем множества революционных преобразований в самых разных областях, но нигде это не проявилось настолько ярко, как в разведывательной деятельности.

Джеффри Т. Ричелсон, ведущий американский эксперт в области разведки и контрразведки

Ежегодно 20 декабря Служба внешней разведки Российской Федерации отмечает день рождения. В этот день в далеком 1920 году Феликс Эдмундович Дзержинский подписал исторический приказ № 169 о создании Иностранного отдела ВЧК, преемницей которого в наши дни является СВР России.

Внешняя разведка — это необходимое звено государственного механизма, решающее целый ряд важнейших государственных задач. Нужна или не нужна разведка — вопрос чисто риторический. Ни одно более или менее крупное, а тем более — великое государство не может обойтись без нее. Это доказала история. Это доказывает и современность. Ведь основной задачей внешней разведки является добывание для высшего руководства страны достоверной, во многом упреждающей информации по тем вопросам, которые могли бы нанести ущерб ее интересам.

Следует особо подчеркнуть, что на любом историческом этапе, при любом строе, в любых обстоятельствах внешняя разведка защищает интересы государства. С течением времени могут измениться акценты в ее деятельности, может произойти отказ от некоторых методов работы, но никогда государственный аппарат не откажется от разведки как важнейшего инструмента своей политики.

Октябрьская революция 1917 года положила начало появлению на огромной территории земного шара нового независимого государства — Советской России.

Первая мировая война, крах монархии в России, неспособность Временного правительства удержать ситуацию под контролем, переход власти в руки Советов привели к тому, что в стране в результате революционного процесса распались или были разрушены старые социально-политические структуры.

С первых своих шагов советская власть была вынуждена отражать удары внешних и внутренних врагов, отстаивать независимость и территориальную целостность нового государства, выводить его из изоляции. Для защиты национальных интересов наряду с другими государственными органами создавались и новые спецслужбы, в том числе внешняя разведка. В соответствии с декретом Совета народных комиссаров 20 декабря 1917 года была образована Всероссийская чрезвычайная комиссия при Совете народных комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). Возглавил ее Ф. Э. Дзержинский.

Чекистам сразу же пришлось столкнуться со сложной ситуацией, угрожавшей существованию советской власти: ведущие мировые державы — Англия, Франция, Италия, Япония и США — организовали заговор против Советской России, предусмотрев, в частности, арест советского правительства и убийство В. И. Ленина. «Заговор послов» был успешно ликвидирован чекистами благодаря энергичным мерам, предпринятым Дзержинским. Затем последовали вооруженная интервенция, которую страны Антанты предприняли против своей бывшей союзницы, Гражданская война. Советская Россия сумела выстоять в этих сложных условиях, разгромить интервентов и изгнать их из страны, ослабить внутреннюю контрреволюцию.

Зарождение советской внешней разведки относится к 1918 году, когда органы ВЧК в ходе Гражданской войны и интервенции вели острую и напряженную борьбу с многочисленными врагами Советского государства. На базе армейских чрезвычайных комиссий и органов военного контроля был создан Особый отдел ВЧК. В его задачу входили борьба против контрреволюции и шпионажа в армии и на флоте, против контрреволюционных организаций, а также организация агентурной работы за границей и в оккупированных иностранными державами или занятых белогвардейцами областях молодой республики. Безусловно, эта борьба носила в основном силовой характер. Однако в ходе ее применялись и методы разведывательной деятельности (агентурное проникновение во враждебные организации, добывание информации об их планах и кадровом составе, разложение контрреволюционных структур изнутри).

В то же время уже с первых месяцев существования ВЧК предпринимались попытки вести разведывательную работу за кордоном. Так, в мае 1918 года председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский издал приказ, регламентирующий деятельность закордонных агентов ВЧК и их взаимодействие с российскими дипломатическими представительствами за рубежом.

Особую опасность для советской власти представляли тайные контрреволюционные организации внутри страны и за рубежом, большая часть которых была связана с иностранными разведками, опиралась на их помощь и поддержку и тесно с ними сотрудничала. Именно взаимосвязь между внутренней и внешней угрозами вынудила советское руководство активизировать контрразведывательную и разведывательную работу ВЧК.

Для совершенствования разведывательной работы в апреле 1920 года внутри Особого отдела ВЧК было создано специальное подразделение — Иностранно-осведомительное бюро. При особых отделах фронтов, армий и флотов, а также в некоторых губернских ЧК были сформированы иностранные отделения. Они работали в контакте с Регистрационным управлением Реввоенсовета Республики, в котором в те годы сосредоточивалась военная разведка.

В ту пору Советская Россия имела дипломатические отношения с Турцией и Германией, а в связи с подписанием в 1920 году договоров о нормализации отношений со странами-лимитрофами (Эстония, Латвия, Литва и Финляндия) в столицах этих государств также открылись дипломатические представительства РСФСР^[1]. В них с разрешения ЦК РКП(б) создавались резидентуры внешней разведки. В их задачу входило агентурное проникновение в контрреволюционные белогвардейские организации и формирования.

Одновременно руководством ВЧК была разработана и вступила в действие инструкция для Иностранно-осведомительного бюро, в которой оговаривались условия создания и функционирования в капиталистических странах «легальных» резидентур с целью «агентурного проникновения в разведываемые объекты: учреждения, партии, организации». Инструкция предусматривала, что в страны, не имевшие дипломатических отношений с РСФСР, агентура органов ВЧК должна направляться нелегально.

Таким образом, советская внешняя разведка, созданная в недрах Особого отдела ВЧК, не имела до декабря 1920 года самостоятельного статуса и действовала внутри структур армейской контрразведки.

Что же произошло в 1920 году? Он стал годом окончания Гражданской войны на европейской территории России. На Дальнем Востоке боевые действия продолжались еще два долгих года. Завершилась Гражданская война полной победой Красной армии.

Но в тех же временных рамках Гражданской войны проходили «локальные» войны против интервентов — стран Антанты и некоторых других государств. Среди них по масштабу военных действий и последствиям для Советского государства следует выделить российско-

польскую войну 1920 года.

Во-первых, это была война упущенных для Советской России и ее вооруженных сил возможностей. Во-вторых, она стала единственной войной, которую за всю свою историю Красная армия проиграла.

Российско-польская война обернулась тяжелым поражением войск Советской Республики. Красная армия потеряла 150 тысяч убитыми, 66 тысяч ее бойцов попали в польский плен и в дальнейшем практически все погибли. 30 тысяч красноармейцев были интернированы в Восточной Пруссии.

12 октября 1920 года в Риге начались российско-польские переговоры о перемирии, которые завершились подписанием крайне невыгодного для Советской России мирного договора. Россия потеряла более 52 тысяч квадратных километров своей восточной территории, а также признала независимость Литвы, Латвии и Эстонии, провозглашенную ими в условиях германской оккупации.

Война с Польшей, сложный комплекс взаимоотношений с Эстонией, Латвией, Литвой и Финляндией со всей остротой поставили вопрос о необходимости более полного и качественного обеспечения руководства страны разведывательной информацией.

В сентябре 1920 года, рассмотрев на своем заседании причины поражения в польской кампании, Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о кардинальной реорганизации внешней разведки. В нем, в частности, говорилось:

«Слабейшим местом нашего военного аппарата является, безусловно, постановка агентурной работы, что особенно ясно обнаружилось во время польской кампании. Мы шли на Варшаву вслепую и потерпели катастрофу.

Учитывая ту сложившуюся международную обстановку, в которой мы находимся, необходимо поставить вопрос о нашей разведке на надлежащую высоту. Только серьезная, правильно поставленная разведка спасет нас от случайных ходов вслепую».

В соответствии с решением Политбюро ЦК РКП(б) и материалами комиссии председатель ВЧК Дзержинский издал 20 декабря 1920 года приказ № 169 об организации Иностранного отдела (ИНО) ВЧК как самостоятельного разведывательного подразделения.

Этот приказ явился административно-правовым актом, оформившим создание советской внешней разведки.

За всю историю внешней разведки нашего государства высокий и ответственный пост руководителя разведки занимали 30 человек. Созданный 20 декабря 1920 года Иностранный отдел ВЧК возглавил

профессиональный революционер и дипломат Яков Христофорович Давыдов (Давтян). В 1930-х годах у руководства внешней разведкой стоял видный политический и военный деятель, один из организаторов советской контрразведки Артур Христианович Артузов. В годы военного лихолетья внешней разведкой руководил Павел Михайлович Фитин, самый молодой из ее начальников, назначенный на этот пост в 31 год. Первым директором Службы внешней разведки России был академик Евгений Максимович Примаков. С 5 октября 2016 года российскую внешнюю разведку возглавляет государственный, политический и военный деятель Сергей Евгеньевич Нарышкин...

Некоторые из начальников разведки занимали этот ответственный пост лишь несколько месяцев, другие — несколько лет. Но всех их объединяло то, что это были яркие личности с обостренным чувством долга и преданности делу, талантливые организаторы и руководители, самоотверженные люди.

В своих мемуарах ветеран разведки генерал-лейтенант Вадим Алексеевич Кирпиченко, который 17 лет являлся заместителем, из них 12 лет — первым заместителем начальника советской внешней разведки, подчеркивал: «Каждый из них вносил посильную лепту в становление разведки, каждый отдавал себя целиком этому нелегкому делу».

Основываясь на личном знакомстве и служебном общении с большинством начальников разведки нашей страны послевоенного периода, он отмечал: «Работа в этом качестве практически не оставляет времени для личной жизни, как бы ни были высоки организаторские таланты того или иного руководителя. Начальник разведки должен быть в курсе всех более или менее значительных событий, происходящих в мире, и даже предвидеть эти события, чувствовать различные тенденции, давать им оценку и в необходимых случаях предлагать возможные решения возникающих политических проблем».

Все неприятные происшествия в наших загранучреждениях докладываются круглосуточно начальнику разведки. Этот человек живет в обнимку с телефоном. Неписанные законы запрещают ему хотя бы на миг расставаться с ним. Оперативный телефон у него стоит на письменном столе, у изголовья в спальне, в автомашине и в комнате санатория, где он проводит отпуск.

Подобный режим существования с невидимой цепью на шее при бесконечном рабочем дне, с перерывом лишь на ночь в течение многих лет подряд может выдержать только очень здоровый физически человек с хорошо отлаженной нервной системой».

А вот что пишут в одной из своих работ видные историки отечественных спецслужб Анатолий Терещенко и Александр Вдовин о руководителях другой отечественной разведки — военной (Главное управление Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, более известное под своим прежним наименованием — Главное разведывательное управление Генерального штаба — ГРУ):

«Высокие качества управленца в современном научном понимании заключаются в его умении анализировать информацию (оперативную, военную, политическую, научную), мобилизовывать в нужный момент все управленческие ресурсы на решение сложнейших задач, организовывать работу всей системы ГРУ ГШ, причем в самые тяжелые и критические периоды международной обстановки. Во время провалов ценной агентуры, предательства отдельных сотрудников, при смене высшего руководства страны и т. п.

...Должность начальника ГРУ ГШ особая. Набор знаний и умений, которыми он должен обладать, не существует и вряд ли определен каким-либо документом. На эту роль назначается человек, в наибольшей степени способный, по мнению руководства страны, решать задачи и проблемы, стоящие перед военной разведкой».

Эти слова в полной мере относятся и к руководителям советской внешней разведки органов государственной безопасности.

И еще хотелось бы обратить внимание читателя на следующие слова из работы историков. Начальнику разведки, по их мнению, «приходится работать с гигантскими массивами информации. Как организовать работу с ней? Возможны два пути. Первый — вникать во все самому, докапываться до деталей, тонкостей, мелочей. А где взять время?

Другой путь — окружить себя профессиональными помощниками, обладающими профессиональными знаниями и умением работать с информацией и хорошо владеющими оперативной обстановкой». По мнению авторов, наиболее оправданным является второй путь. Ну а мы не раскроем большой тайны, если скажем, что сила руководителей советской внешней разведки всегда была в их заместителях и помощниках.

Александр Михайлович Сахаровский — незаурядный человек и выдающийся чекист, проработавший на посту начальника советской внешней разведки с середины 1950-х годов более шестнадцати лет.

Сахаровский стоял во главе советской внешней разведки с июня 1955-го по июль 1971 года, и ему довелось работать в один из самых сложных послевоенных периодов — период холодной войны, когда произошел новый раскол мира на военно-политические блоки, а Советский Союз со

всех сторон был окружен сетью военных баз, в том числе с ядерным оружием. Берлинский и Суэцкий кризисы, осложнение обстановки на Ближнем Востоке, распад колониальной системы, агрессия против Кубы, поставившая мир на грань ядерной войны, — все это значительно обостряло международное положение.

В трудные времена наиболее ярко проявляются лучшие качества человека, такие как преданность благородной идее, умение взять ответственность на себя и повести за собой людей. Чтобы в сложных условиях быть лидером, надо являться незаурядной личностью, человеком «особого предназначения».

Ясный ум, стойкий характер, терпение, непоколебимая вера в правоту своего дела, помноженные на глубокие патриотические чувства, — все эти качества присущи людям «особого предназначения».

Именно к таким людям, безусловно, принадлежал и Александр Михайлович Сахаровский, который длительное время возглавлял советскую внешнюю разведку и своим бескорыстным служением Отечеству заслужил право встать в почетные ряды активных создателей его могущества.

Глава первая

НАЧАЛО ПУТИ — НАЧАЛО СУДЬБЫ

*Всему начало здесь,
В краю моем родимом...*

Н. А. Некрасов

Детство

Александр Михайлович Сахаровский родился 3 сентября 1909 года в деревне Большое Ожегино Костромской губернии, в самой российской глубинке.

История этого края как самостоятельного удельного княжества восходит к началу XII века, а с середины XIV века оно вошло в состав Московского государства. Расположение в глубине России не спасло этот край от нашествий чужеземцев (татар, новгородских ушкуйников, польско-литовских войск). Может быть, с тех далеких времен и происходила фамилия Сахаровский, редко встречающаяся в данной местности? Кстати, отчество прадеда Александра Михайловича было тоже несколько странным, его звали Федор Вулевич.

Издавна население края играло видную роль в различных освободительных движениях, в том числе и в ополчении Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, помогая им как материальными средствами, так и непосредственным участием костромичей. Не одно поколение русских людей воспитывалось на легендарном патриотическом подвиге в борьбе с интервентами костромского крестьянина Ивана Сусанина.

Родители Александра Михайловича тоже крестьянствовали в тех местах. Большое Ожегино было типичной русской деревней средней полосы, окруженной обширными лесами, где сосновые боры сменялись березовыми рощами, а в междулесье благоухали луга попеременно с небольшими, но богатыми живностью болотами.

Именно в такой деревне в начале XX века и жила семья Сахаровских. Как и в любой простой крестьянской семье, особого достатка не было. Поэтому и отец, и мать постоянно работали. Мать, Анна Марковна, с детства — в поле. Она и сына Александра родила там, в стоге сена. «Повивальными бабками» были соседки, а домой после родов добирались на телеге, предназначенной для перевозки сена, по ухабам да рытвинам.

Отец, Михаил Федорович, с двенадцати лет занимался отхожим промыслом в Костромской губернии: трудился в бригаде по строительству и ремонту церквей. Приходилось ему не только малярничать, но и заниматься живописью. В народе таких людей называли «богомазами». Михаил Федорович был человеком талантливым и настойчивым в работе. Сколько специальностей пришлось ему освоить за свою жизнь! И везде помогали ему его «золотые руки», а также исключительная

работоспособность. До Первой мировой войны Михаил Федорович успел потрудиться и в крестьянском хозяйстве, и у подрядчиков из Санкт-Петербурга. Позже работал на заводах, в том числе — на Балтийском судостроительном и Галерном (позднее — Судостроительный завод имени Андре Марти).

В 1914–1917 годах Михаил Федорович служил в армии, участвовал в сражениях Первой мировой войны, получил награды и чин унтер-офицера. Вернувшись в деревню, работал старостой лесозаготовительной артели, затем на лесозаготовках был начальником участка по ремонту железнодорожных путей. В 1935–1941 годах являлся мастером по реставрации памятников культуры и искусства в Ленинграде, а в последние годы жизни руководил практикой в Высшем художественном училище. Являлся автором брошюры, посвященной технологии реставрации архитектурных сооружений.

Разносторонние интересы отца, его недюжинные способности, пример других членов семьи, особенно трудолюбивой матери, имели огромное влияние на формирование характера Александра Сахаровского.

Одновременно следует подчеркнуть, что такие традиционные качества, как взаимопонимание в семье, взаимопомощь и стремление старших родственников держаться вместе и чаще общаться друг с другом, сохранились у Александра Михайловича на всю жизнь.

Интересно рассказывал о детских и юношеских годах Александра Сахаровского со слов своих родителей его племянник Юрий Александрович.

Наша справка

Юрий Александрович Сахаровский родился 16 июля 1931 года в поселке Антропово Костромской области.

После окончания средней школы учился в Московском химико-технологическом институте (МХТИ) имени Д. И. Менделеева и в аспирантуре этого института.

В течение ряда лет руководил отделом научно-исследовательских работ МХТИ. Являлся ведущим ученым в области каталитических методов разделения изотопов водорода. Один из научных руководителей коллектива, разработавшего новую концепцию очистки от трития водных потоков термоядерного реактора, а также новую технологию утилизации тяжеловодных отходов, в частности, получаемых при разрядке термоядерных боеголовок. Доктор химических наук, профессор, почетный химик Российской Федерации. Им опубликовано более 140 научных работ.

Юрий Александрович рассказывал: «История рода Сахаровских уходит в прошлое ровно настолько, насколько помнил ее наш прадед Федор Вулевич. А рассказывал он, надо сказать, очень немного. Но все-таки, чтобы оценить жизненный путь человека, необходимо обратиться к его истокам, то есть к тем людям, которые еще в детстве оказывали на него наиболее сильное влияние. Впрочем, слово «влияние», возможно, и не вполне точно отражает сущность процесса воздействия родственников на Александра. Он сам выбрал свой неповторимый жизненный путь.

У Федора Вулевича было три сына: Павел, Василий и Михаил. Жили они в соседних деревнях, но дружили крепко. Павел и Михаил даже своих сыновей назвали одинаково — Александрями. Когда их семьи собирались вместе, то одного из них, то есть моего отца, звали Саша-старший, а второго, героя этой книги, — Саша-младший. Подростками они ничем не выделялись среди других босоногих деревенских мальчишек. Только Саша-младший все время старался ни в чем не уступать старшим товарищам и отличался повышенной любознательностью. За это он однажды серьезно пострадал. Дело было так.

Деревенские подростки отправились в соседний лес охотиться на белок, которых они потом сдавали местному скорняку. Охота заключалась в том, что они загоняли белку на отдельно стоящее дерево и, стуча по нему обухом топора, заставляли ее спрыгнуть на землю, где и накрывали шапкой.

В тот день с топором был Саша-старший. И когда во время удара по дереву Саша-младший из-за его плеча попытался разглядеть, спрыгнула ли белка, то получил острием топора удар по голове. К счастью, рана оказалась неглубокой, и родители дружно наказали обоих Александров: одного за то, что был невнимателен, а второго — за излишнее любопытство.

Из детей Федора Вулевича наиболее склонным к перемене мест оказался Павел Федорович, мой дед. Он был, как говорится, «на все руки мастер» и смог трудоустроиться в Петрограде. В трудные и голодные годы к нему часто приезжали все остальные родственники.

Павел Федорович был на три года старше Михаила Федоровича и являлся как бы лидером среди братьев. Его сын, Саша-старший, сначала был рабочим в литейном цехе судостроительного завода, потом окончил комвуз и стал комсомольским работником. Затем служил в ЧОНе (части особого назначения. — В. А., В. П.), некоторое время плавал на гражданских судах, был старшим политруком, организовывал совхозы в

Краснодарском крае, работал парторгом крупного строительства».

В семь лет Саша пошел учиться в начальную сельскую школу. Застал еще Закон Божий, но после февраля 1917 года его отменили. Учеба шла легко. Быстро пролетели три года. Начальная школа окончена. Но до последних дней жизни помнил Александр Михайлович свою первую учительницу Ларису Михайловну, увлекательно проводившую занятия. Особенно нравилась ему математика, и когда он приехал в старинный русский городок Галич поступать в школу второй ступени, то удивил учителей на экзамене своими знаниями.

Переезд в Ленинград

Окончив в Галиче восемь классов школы второй ступени, Александр отправляется в Ленинград. Время было горячее. Страна брала курс на индустриализацию, и четырнадцатилетние школьники, вступавшие в пору юности, уже понимали, что именно на заводах и фабриках будут свершаться большие дела. Слова «металл», «станки», «машины» определяли дискуссии на всех мальчишниках. В 1926 году он поступает учиться в фабрично-заводское училище (ФЗУ) при Балтийском судостроительном заводе, а по окончании работает там же учеником разметчика.

Следует отметить, что Балтийский судостроительный завод, расположенный в Василеостровском районе города, был основан еще в 1857 году. К 1917 году численность рабочих на нем достигала 6700 человек, и организация РСДРП, созданная в марте 1917 года, вела борьбу за влияние на заводских рабочих с крупными заводскими организациями эсеров и меньшевиков. Члены РСДРП завода были ядром одного из подрайкомов партии Василеостровского района. В дни Октябрьского вооруженного восстания на заводе был создан ревком. Отряд Красной гвардии участвовал в охране района, захвате Главного телеграфа, Биржевого и Тучкова мостов, штурме Зимнего дворца. Рабочие завода помогали красногвардейцам других предприятий оружием и снаряжением. Работая на заводе со второй половины 1920-х годов, Александр Сахаровский уже в юности получил хорошую рабочую и политическую закалку.

Эти годы были чрезвычайно сложными в истории нашей страны. В повседневной политической жизни все чаще звучали слова «ленинизм» и «троцкизм». Но на молодежь, в силу их возраста, большее влияние оказывали первые итоги нэпа. Они внесли заметное оживление в экономику страны, в жизнь крупных городов. Развернулось частное предпринимательство. По праздникам людей радовали шумные, многолюдные ярмарки с каруселями и цирковыми представлениями. В условиях нэпа для людей, перебравшихся из деревень в город, существенным было то, что им стало легче найти работу.

С 18 по 31 декабря 1925 года в Москве проходил XIV съезд партии. По решению XIII съезда он должен был пройти в Ленинграде, однако был перенесен в Москву.

XIV съезд проходил в напряженной внутривнутрипартийной обстановке. За все время существования партии еще не было такого случая, чтобы вся делегация крупнейшего партийного центра — ленинградская — выступила против ЦК. Так, на третьем заседании съезда, 19 декабря, содоклад по отчету ЦК сделал член политбюро ЦК партии, лидер левого крыла («новой оппозиции») Григорий Зиновьев, поднявший вопросы разногласий по следующим пунктам:

оценка структуры экономики в СССР (выступил против «идеализации» нэпа);

вопрос о крестьянстве и середняке (выступил за «остановку нэпа в деревне» и активное противостояние кулачеству);

вопрос о приеме в партию (выступил против активного приема крестьян) и коллективном руководстве партией с «полновластием» политбюро и «подчиненностью» ему секретариата ЦК.

Выступление Зиновьева было активно поддержано ленинградской делегацией. Так, ее представитель, зиновьевец Сокольников, предложил на съезде план развития, по которому СССР должен был оставаться аграрной страной, производящей главным образом сырье и продовольствие.

Позже выступивший Лев Каменев прямо предложил сместить Сталина с поста генсека.

Эти выступления и предложения не нашли поддержки большинства делегатов. XIV съезд принял план социалистической индустриализации. Зиновьевцы, неудовлетворенные таким решением, пытались его сорвать.

Делегаты съезда также приняли специальное обращение к ленинградской партийной организации «ввиду совершенно неправильного поведения делегации от Ленинграда... создающего опасность подрыва единства нашей партии».

XIV съезд постановил переименовать РКП(б) в ВКП(б).

Сразу же после XIV съезда Зиновьев инициировал собрание Ленинградского губкома комсомола, которое вынесло постановление об отказе подчиниться решениям съезда партии. Большевики, в свою очередь, направили в Ленинград группу представителей, среди которых были Молотов, Ворошилов, Киров и другие, для разъяснения решений съезда. Собрания с участием большевиков проходили бурно.

Оставаться в стороне от общественной жизни было не в характере Александра. В 1926 году он вступает в комсомол.

Партийному и комсомольскому активу предстояла большая разъяснительная работа в массах по ликвидации последствий раскольнической линии Зиновьева и Каменева. Не случайно партийный

съезд в своей резолюции «О работе комсомола», выразив озабоченность деятельностью комсомольских организаций, рекомендовал «усилить привлечение в комсомол передовой молодежи из рабочих и крестьян, улучшить коммунистическое воспитание комсомольцев». Осудив теории «нейтральности» и «равноправия» комсомола с партией, съезд предложил партийным организациям совершенствовать руководство комсомолом.

Молодой рабочий Александр Сахаровский активно, с увлечением включился в комсомольскую работу. Его двоюродный брат Александр Павлович, который в то время также жил в Ленинграде и дал ему рекомендацию в комсомол, позже вспоминал случай, когда Александр-младший проявил смелость и находчивость при задержании троих грабителей:

«Дело было на судостроительном заводе в 1928 году. Комсомолец Сахаровский был дежурным (что-то вроде комсомольского патруля) и, обходя завод, заметил в здании заводоуправления взломанную дверь в одной из комнат на третьем этаже по соседству с кассой для выдачи зарплаты рабочим. Не растерявшись, он сумел быстро закрыть дверь, подперев ее железной арматурой, и только после этого вызвал охрану. Грабители были задержаны. Этот случай позднее рассматривался среди родственников как своего рода «предзнаменование» его будущей профессии. Он показал, что Александр в критические моменты, когда надо проявить находчивость, действует смело и не шаблонно (ведь тогда можно было просто вызвать охрану, а воры в это время могли бы сбежать).

Александр Сахаровский являлся настоящим заводилой заводской молодежи. Он был высоким, стройным, сильным парнем, хотя сам активно спортом не занимался — времени не хватало. Но в ходе всех комсомольских мероприятий был на главных ролях. Он много читал, любил народную и классическую музыку, разбирался в театральных постановках. С ним было интересно беседовать, спорить и даже мечтать. Многие девушки в то время заглядывались на него, но он выбрал Веру Кузнецову.

Она была на один год моложе Александра. Жила в одном с ним доме. Работала бухгалтером на заводе резиновых изделий «Красный треугольник».

Работа в комсомоле

В 1929 году Сахаровского принимают в кандидаты, а в феврале 1930 года — в члены ВКП(б). Александр Михайлович всегда гордился тем, что одним из рекомендовавших его в партию был рабочий Блинов, который, работая в Смольном в октябрьские дни 1917 года, неоднократно встречался с Лениным.

В 1929 году Сахаровский перешел на работу разметчиком на завод «Северные судостроительные верфи» (позднее — завод имени А. А. Жданова). В феврале 1930 года в составе бригады ЦК ВЛКСМ молодой коммунист выезжал на несколько месяцев на посевную кампанию в Казахстан. В октябре того же года Сахаровский избирается агитпропом (агитатором-пропагандистом) комитета ВЛКСМ завода. Райком комсомола Московско-Нарвского района направляет его своим представителем в районный отдел народного образования. Одновременно он является инструктором по внешкольной работе при райсовете.

Наступил 1931 год. Трудное это было время — начало 1930-х годов. Большое влияние на Александра Сахаровского в те годы произвели его встречи с Сергеем Мироновичем Кировым.

Напомним, что после событий, последовавших за XIV съездом ВКП(б), Сергей Миронович Киров 26 февраля 1926 года был избран первым секретарем Ленинградского губкома ВКП(б) и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б). Будучи блестящим оратором, беспредельно преданным партии, он пользовался огромным авторитетом у советского народа, особенно в его рабочей среде.

Первая встреча Сахаровского с Кировым произошла в 1931 году. Вот как о ней вспоминал сам Александр Михайлович:

«Бывают в жизни человека короткие мгновения общения с яркой личностью, которые не только запоминаются на всю жизнь, но и оказывают на его дальнейшую судьбу решающее, благотворное влияние. Это счастливые моменты. У меня это были встречи с Сергеем Мироновичем Кировым. Их было три... Первая происходила так.

1931 год. Смольный. На совещании комсомольских работников и творческой молодежи Ленинграда я участвовал от Нарвского райкома комсомола. Должен был выступать. Подготовка у меня — заводская, рабочая. Предоставляют мне слово. И я довольно остро критикую репертуар недавно созданного молодежного театра. В конце делаю вывод:

театр должен глубже изучать интересы рабочей молодежи.

В перерыве между заседаниями Киров спустился в зал, сел на ступеньки, ведущие на сцену. Его окружили участники совещания, завязалась непринужденная беседа. Сергей Миронович любил непосредственное общение с участниками совещаний, задавал вопросы, высказывал свою точку зрения по тем или иным проблемам.

Заметив меня среди окружавшей его молодежи, Киров сказал тогда примерно следующее:

— Вот вы выступили с позиций рабочего. Вы понимаете, что нужно рабочей молодежи. Но и молодежь театра надо понять. Художественному коллективу ведь надо время, чтобы найти себя. Поэтому, может быть, не стоит предъявлять к нему сейчас слишком высокие требования. Ему надо помочь.

И, обращаясь уже к секретарю нашего райкома, предложил поручить мне вести секцию по связи рабочей молодежи с творческой.

Слова Сергея Мироновича я вспоминал потом не раз, находясь на различных участках партийной работы. Всякое новое дело требует времени, и задача коммуниста состоит в том, чтобы это новое «начало работать» на нас как можно быстрее».

Подошло время призыва Александра Сахаровского в Красную армию. Для себя он считал службу в армии необходимой. Тем более что в октябре 1930 года вышло постановление ЦК ВКП(б) «О декаде обороны», в котором говорилось о необходимости укрепления материально-технического оснащения РККА и усилении пролетарского влияния на нее.

Александр видел себя уже в военной форме, но на райкомовских работников была наложена бронь. И все-таки решение его было твердым. В райкоме он выдвинул ультиматум: «Если не отпустите, буду писать Ворошилову». И добился своего.

В октябре 1931 года Александр Сахаровский был призван в РККА и стал красноармейцем 13-й отдельной местной стрелковой роты в городе Ленинграде, в мае 1932 года был переведен во 2-й полк связи. Здесь, в полку, он был избран секретарем бюро ВЛКСМ. Коммунист Сахаровский теперь должен был не только быть образцовым исполнителем прямых служебных обязанностей, но и нести ответственность за политическую подготовку молодых воинов, за воспитание надежных защитников страны. И в этой обстановке у него проявились такие качества, как удивительная простота, чуткость и отзывчивость, прямота и искренность, умение расположить к себе молодежь. Об этих качествах Александра Михайловича неоднократно вспоминал и его коллеги, с которыми позже он работал на

более ответственных участках.

Однако работа комсомольского вожака не только требовала полной самоотдачи, но и учила умению видеть и выделять главное, нацеливать коллектив на выполнение боевых задач.

В период военной службы Сахаровскому довелось во второй раз привлечь внимание Кирова, который присутствовал на окружном армейском совещании командиров и партийно-комсомольского актива.

«Я выступал тогда, — вспоминал А. М. Сахаровский, — по вопросу о «захолустных» частях. Захолустными они назывались потому, что находились как бы на отшибе, обеспечивая охрану различных объектов в области, и им не всегда уделялось должное внимание. Помню, когда я закончил выступление, Киров, обращаясь к сидевшему рядом с ним в президиуме начальнику политуправления округа Славину, сказал: «Надо прислушаться. Вопрос поставлен правильно». Эта короткая реплика меня тогда очень ободрила».

В начале 1930-х годов партия резко повысила требования к руководящему составу Красной армии. В постановлении ЦК ВКП(б) от 5 июля 1931 года «О командном и политическом составе РККА» подчеркивалось: «Выросший политически и культурно красноармеец требует более квалифицированного политического руководства. Это ставит перед политработниками и командирами задачу решительного повышения своих политических знаний, умения четко политически руководить красноармейскими массами».

Выполняя решения партии, политработники РККА пошли учиться. Среди них был и Сахаровский, который стал слушателем вечернего отделения ленинградской Военно-политической академии имени Н. Г. Толмачева (позднее — имени В. И. Ленина). Итак, вечерний комвуз, как тогда это называлось. Сохранилась одна из немногих фотографий довоенного периода жизни Александра Михайловича (большинство пропало в блокаду): 22-летний Александр Сахаровский за рабочим столом. На столе папка с газетами, книги, бумаги... Александр в форме красноармейца (секретарям комсомольских бюро подразделений не присваивали в то время званий) выглядит, пожалуй, старше своих лет. А может быть, фотограф застал его во время глубоких раздумий, и это наложило свой отпечаток на образ, запечатленный на фотографии. Подумать же было над чем.

Впервые появилась у Сахаровского возможность изучать классиков марксизма-ленинизма. С его «ученым багажом» это было непросто, но, как он сам выражался, «грыз науку, чтобы свободно ориентироваться в

полемике, которая велась в то время». Из ленинских работ особенно привлекала книга «Что делать?», поскольку «теоретический подход в ней ясно увязывался с решением практических вопросов революционной борьбы».

В 1933 году Александр получает предложение перейти на дневное отделение академии. Конечно, это была прекрасная возможность продолжить целенаправленную учебу, но ей не суждено было стать реальностью.

Международная обстановка требовала повышения боеготовности Красной армии. В приветствии ЦК ВКП(б) РККА и Реввоенсовету СССР по случаю 15-й годовщины создания Красной армии, опубликованном в газете «Красная звезда», указывалось: «Не забывайте ни на минуту об опасности военного нападения на Советский Союз! Враги за пределами наших границ продолжают вооружаться, готовятся протянуть свою разбойничью руку к границам Советской страны! Будьте начеку!»

По решению политуправления РККА в октябре 1933 года Александр Сахаровский направляется на должность секретаря бюро ВЛКСМ 63-го отдельного строительного батальона в Советскую Гавань Дальневосточного края.

В 1930 году село Знаменское — единственный населенный пункт, расположенный на берегу залива Советская Гавань, являющегося в свою очередь частью Татарского пролива, — было преобразовано в рабочий поселок Советская Гавань Дальневосточного края. Он находится в 581 километре от Хабаровска, в гористой местности.

Позже А. М. Сахаровский вспоминал:

«Часть формировалась в Томске. Оттуда ехали поездом во Владивосток, а дальше — небольшим пароходом «Каширстрой» в Совгавань. После приличной болтанки высадились в Совгавани, добрались до места назначения, расположились в Константиновской бухте, неподалеку (по дальневосточным меркам) от рыболовецкого совхоза. Вели строительство военного объекта».

Изложено кратко, четко, доступно. Но на самом деле было не все так просто. Здесь, на краю земли, начались первые испытания для политработника Александра Сахаровского. Самой главной проблемой было питание. Пароход с продуктами налетел на камни, почти все продукты пришли в негодность. Только мука — она была в непромокаемой упаковке — осталась цела. Через несколько месяцев началась цинга, у людей от голода пухли ноги. Но батальон должен был выполнить поставленную перед ним задачу.

В такой обстановке, чтобы сохранить боевой дух подразделения, надо было знать каждого человека, его слабые и сильные стороны, наладить взаимопонимание и взаимопомощь.

С помощью местных жителей научились использовать подножный корм: дикий чеснок — черемшу, зелень, похожую на щавель, ягоды, рыбу. Как-то раз удалось завалить кабана.

В Константиновской бухте Александр впервые почувствовал дыхание смерти, когда вдали от берега в шторм перевернулась его лодка. Ему пришлось в полутьме вплавь добираться до скалистого берега и неоднократно пытаться взобраться на скалу. Только утром он был подобран рыбаками.

Обстановка на Дальнем Востоке в то время была очень сложной. Японское правительство, видя, что европейские державы и США целиком поглощены внутренними делами в связи с экономическим кризисом, решило воспользоваться случаем и попытаться нажать на слабо защищенный Китай. Используя ими же создаваемые «местные инциденты» на арендованной Японией Южно-Маньчжурской железной дороге, японцы ввели войска в Маньчжурию. Чтобы развязать себе руки, Япония вышла из Лиги Наций и стала усиленно вооружаться.

Это обстоятельство вынудило США, Англию и Францию заняться укреплением своих военно-морских позиций на Дальнем Востоке. Понятно, что Советский Союз не мог не отреагировать на это: необходимо было обеспечить обороноспособность Дальневосточного края, привлекая для этого как воинские подразделения, так и отдельные строительные батальоны. Они занимались строительством и охраной стратегически важных объектов — мостов на железных дорогах и магистральных шоссе. Командирам и комиссарам батальонов, которые зачастую формировались из представителей окраинных районов страны, приходилось много внимания уделять воспитанию комсомольцев, суждения которых отличались некоторой резкостью и недовольством трудностями службы. Поэтому главным в воспитательной работе была морально-волевая подготовка молодых бойцов.

К тому же в молодежном движении края чувствовалась существенная политическая разнородность, вызванная ориентацией молодых людей на различные политические движения и партии. Особой активностью отличались, в частности, анархистский «Интернациональный союз» и Восточно-Сибирское объединение молодых эсеров, а также американский «Христианский союз молодых людей». Поэтому было создано Дальневосточное бюро (Дальбюро) ЦК РКСМ, которое направляло в

молодежные трудовые коллективы наиболее опытных комсомольских работников.

Комсомольцы военных строительных батальонов принимали непосредственное участие не только в восстановлении железных дорог, железнодорожных станций, шахт по добыче угля, но и в воспитании молодежи. Трудностей было много. Даже климатические условия, особенно в зимний и осенний периоды, чрезвычайно осложняли положение. Но ни суровый климат, ни постоянная вооруженная борьба с остатками бандитских отрядов не пугали молодых бойцов. Им были присущи высокая сознательность и железная дисциплина. Они не знали, что такое не выполнить задание ячейки РКСМ, не явиться на собрание или субботник. Трудовой фронт и тяготы военной службы закаляли и самого Сахаровского.

Несмотря на объективные и субъективные трудности, дальневосточные воинские подразделения с честью выполняли поставленные задачи. То же можно сказать и о батальоне, в котором комсоргом был Александр Сахаровский.

Сам Александр Михайлович позже подчеркивал: «Комсомол многое дал мне. В комсомольской работе у меня начала вырабатываться активная жизненная позиция».

Глава вторая

В ГУЩЕ ПАРТИЙНЫХ СОБЫТИЙ

Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание.

Карл Маркс

Выстрел в Смольном

В октябре 1934 года Сахаровский демобилизовался из армии и вернулся в Ленинград, который уже считал родным городом. В то время в партии и комсомоле проходило активное обсуждение решений XVII съезда ВКП(б), состоявшегося в январе того же года. Этот съезд вошел в историю как «съезд победителей», который сформулировал организационные задачи партии на новом этапе. Среди них были выделены три основных направления деятельности коммунистов: согласование организационной работы с требованиями политической линии партии; поднятие уровня организационного руководства до уровня политического руководства; претворение в жизнь политических лозунгов и решений партии.

В заключительной части доклада Сталина на съезде подчеркивалось: «Не убаюкивать надо партию, а развивать в ней бдительность, не усыплять ее, а держать в состоянии мобилизации для осуществления второй пятилетки».

Коммунист Сахаровский был готов решать поставленные партией задачи.

Комсомольцы тех лет были частью общества, которое отличалось особым неприятием несправедливости и личным бесстрашием. Молодежь верила, что грандиозные планы второй пятилетки будут выполнены, что московское метро станет лучшим в мире, что советская литература — «самая идейная и самая передовая». В те годы на экраны страны вышел фильм братьев Васильевых «Чапаев», на который зрители ходили как на праздник, советский стратостат «Осоавиахим» поднялся на рекордную высоту, было много других достижений, которыми гордилась Страна Советов и которые укрепляли в советских людях веру в успешное развитие социалистического общества.

Следует подчеркнуть, что годы первой пятилетки дали стране грандиозные стройки: Днепрогэс, Турксиб, Уралмаш, Магнитка, Комсомольск-на-Амуре. Однако имена ударников этих великих свершений оставались в тени. В годы второй, а особенно третьей пятилетки ситуация резко изменилась. Партийные и комсомольские организации стали сознательно поднимать престиж труженика, передовика производства. Имена новаторов производства шахтера Алексея Стаханова и железнодорожника Петра Кривоноса, ткачих-многостаночниц Евдокии и Марии Виноградовых, первых Героев Советского Союза, покорителей

Северного полюса, советских летчиков не сходили с первых полос газет и становились известными всей молодежи страны. На смену лозунгу «Техника решает всё!» пришел новый лозунг: «Кадры, овладевшие техникой, решают всё!».

После возвращения из армии Александр был рекомендован на должность секретаря комитета ВЛКСМ Канонерского завода Ленинграда. Работа, любимая девушка Вера, которой он сделал предложение в октябре 1934 года и на которой женился 11 февраля 1935-го, встречи с друзьями, воспоминания о службе на Дальнем Востоке наполняли жизнь до краев.

И вдруг сообщение в газетах в траурной рамке: «Центральный комитет ВКП(б) и советское правительство с прискорбием извещают, что 1 декабря 1934 года в 16 часов 37 минут от рук подосланного врагами рабочего класса убийцы погиб член Политбюро и Оргбюро, секретарь ЦК ВКП(б), первый секретарь Ленинградского обкома партии Сергей Миронович Киров».

Это сейчас, когда с того рокового выстрела минуло 85 лет и появилось огромное количество публикаций, статей, научных исследований, каждый интересующийся историей может выбрать версию по вкусу. А в то время советская пропаганда и высшее партийное руководство использовали эту трагедию для укрепления морального духа советских людей и уничтожения зиновьевско-каменевского блока.

Наша справка

По установленной в то время версии смертельную рану Сергею Мироновичу Кирову нанес на почве личной неприязни ревнивец Николаев, человек психически неуравновешенный. Вопреки всякого рода домыслам и спекуляциям на этот счет Сталин ни прямого, ни косвенного отношения к убийству Кирова не имел. Он полностью доверял своему другу и даже планировал перевести его в Москву на более ответственный пост. К слову сказать, когда вышла в свет книга Сталина «Вопросы ленинизма», он преподнес ее Кирову с дарственной надписью: «Моему дорогому другу, брату моему любимому от автора». Этот автограф отражал истинное отношение Сталина к своему соратнику и не являлся политической мимикрией генсека, к которой он впоследствии, особенно после гибели Кирова, неоднократно прибегал в борьбе против своих действительных и мнимых политических противников.

Как рассказывала одному из авторов этой книги Елена Николаевна Трясунова, работавшая в секретариате генсека в те драматические дни,

Сталин был потрясен трагической гибелью близкого друга. У него буквально дрожали руки и срывался голос. Он все время повторял: «Что же происходит? Неужели они уже убивают нас?» Они — это троцкистско-зиновьевская оппозиция. Елена Николаевна отмечала, что горе Сталина было неподдельным. «Даже если бы он и был гениальным актером, — говорила она, — он не смог бы более убедительно «сыграть» эту сцену».

Леонид Васильевич Николаев родился 10 мая 1904 года в Санкт-Петербурге в семье ремесленника-кустаря. После окончания городского училища работал подмастерьем у слесаря. Член ВКП(б) с 1923 года. Окончив совпартшколу, работал в райкоме ВЛКСМ, избирался секретарем комсомольских организаций ряда заводов, затем являлся партийным функционером среднего звена.

Жена Николаева, Мильда Драуле, родилась в августе 1901 года. Член ВКП(б) с 1919 года. До 1933 года являлась сотрудницей Ленинградского обкома ВКП(б). Затем работала в аппарате уполномоченного Наркомата легкой промышленности по Ленинградской области.

В 1933 году за отказ подчиниться переводу на работу в провинцию Николаев был исключен из партии и уволен с работы. В апреле 1934 года через свою жену он обратился к Кирову с апелляцией и был восстановлен в рядах ВКП(б) с объявлением строгого выговора. Однако устроиться на работу не смог. На момент совершения преступления Николаев был безработным.

Приревновав Кирова к своей жене, Николаев решил «окончательно объясниться» с ним.

Первую такую попытку он предпринял 15 октября 1934 года. Однако в тот день был задержан охраной на улице Красных Зорь (ныне — Каменноостровский проспект) возле дома, где проживал Киров. Николаев предъявил партийный билет и разрешение на оружие и был отпущен.

1 декабря 1934 года Николаев по партийному билету прошел в Смольный для «решительного объяснения» с Кировым. Находясь в состоянии сильного возбуждения, он «для храбрости» взял с собой пистолет. Его наличие являлось естественным для того времени, поскольку многие члены партии имели разрешение на ношение личного оружия. При объяснении Николаева с Кировым охрана последнего, догадываясь о конфиденциальном характере беседы, отошла в сторону. Тут нервы Николаева сдали и он выстрелил в Сергея Мироновича. Выстрел оказался смертельным.

Затем Николаев попытался покончить жизнь самоубийством. Он выстрелил в себя, но, находясь в шоковом состоянии, промахнулся.

Задержанный на месте преступления, Николаев был доставлен в психиатрическую больницу, где после необходимых процедур только к девяти часам вечера пришел в себя.

Николаев был расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР 29 декабря 1934 года. Его жена Мильда Драуле была расстреляна 10 марта 1935 года. Реабилитирована в 1990 году как не имевшая отношения к убийству Кирова.

Мысль о том, что убийство Кирова было организовано недавно идейно разгромленным «троцкистско-зиновьевским блоком», пришла Сталину в голову не случайно. В первых донесениях ОГПУ относительно обстоятельств убийства Кирова отмечалось, что в середине 1920-х годов Николаев голосовал за платформу Зиновьева, исключался из партии.

Получив известие о смерти Кирова, Сталин вместе с Молотовым, Ворошиловым и Ягодой в тот же день выехал в Ленинград. Здесь Сталин сразу отстранил от занимаемых должностей начальника Управления НКВД по Ленинграду и Ленинградской области Ф. Д. Медведя и его первого заместителя И. В. Запорожца, который с августа болел, а в день убийства находился на излечении в Сочи. Оба чекиста были арестованы, обвинены в «преступно-халатном отношении к своим обязанностям по обеспечению госбезопасности» и осуждены на три года лишения свободы, а затем направлены начальниками лагерей в системе ГУЛАГа в Магадан. В 1937 году они были отозваны в Москву, вновь арестованы и расстреляны.

Высшие чины НКВД, прекрасно осведомленные о личной версии трагической гибели Кирова, были вынуждены молчать об этом, поскольку Сталин объявил, что Кирова убили враги партии.

Работники НКВД жестко пресекали распространявшиеся слухи относительно «личных обстоятельств» рокового выстрела, направляя ярость народа в нужное руководству страны русло. Выступая на митингах, проводимых в связи с убийством Кирова, Сахаровский с убежденностью говорил о том, что не только на окраинах Советского государства, таких как Дальний Восток, но и в самом центре — в Москве и Ленинграде — есть люди, стремящиеся подрвать мощь Страны Советов.

По мнению руководства партии, основным уроком, который следовало извлечь парторганизациям из прошедших судебных процессов по делу о злодейском убийстве С. М. Кирова, должен был состоять в том, чтобы «ликвидировать свою собственную политическую слепоту, ликвидировать свою политическую беспечность и повысить свою бдительность, бдительность всех членов партии».

Более того, в специальном письме ко всем организациям «Об учете, выдаче и хранении партбилетов» от 13 мая 1935 года ЦК партии предложил провести во всех организациях тщательную проверку партийных документов, «навести большевистский порядок в нашем собственном партийном доме».

Проще говоря, после убийства С. М. Кирова началась чистка партийных рядов, и она оказала решающее влияние на судьбу Александра Сахаровского. ЦК призвал пополнить партию и ее низовой руководящий состав за счет «действительно передовых, действительно преданных делу рабочего класса лучших людей нашей страны, прежде всего из рабочих, а также из крестьян и трудовой интеллигенции, проверенных на различных участках борьбы за социализм».

К таким людям, безусловно, относился и Сахаровский. В 1935 году он назначается инструктором политотдела Балтийского государственного морского пароходства, а в феврале 1938 года избирается секретарем его парткома.

Здесь необходимо отметить, что уже в то время Ленинград являлся одним из крупнейших портов на Балтийском море. Несмотря на то что Невская губа замерзает на несколько месяцев, уже тогда ленинградский морской порт функционировал в течение всего года благодаря ледоколам, которые проводили в него морские суда. Порт играл важную роль в развитии экономических и культурных связей с зарубежными странами. Корабли Балтийского морского пароходства заходили в 400 портов сорока пяти стран мира. Александру Сахаровскому не исполнилось еще и тридцати лет, когда он возглавил партийную организацию одного из важнейших транспортных узлов страны.

Впоследствии свою работу в пароходстве Александр Михайлович оценивал как обычные будни партийного руководителя. Однако за этими словами скрывается большое содержание. Пароходство — это огромное хозяйство. И хотя оно является гражданским учреждением, законы его жизни сродни военным. Это связано и со строгим расписанием движения пассажирских и грузовых судов, и с тем, что основные принципы подбора и комплектования экипажей в пароходстве те же, что и на военно-морском флоте. Высокая партийная должность требовала от Сахаровского умения работать с людьми, самодисциплины, собранности. К такой работе он уже был подготовлен, более того — любил ее. А благодаря своим личным и деловым качествам быстро снискал уважение коммунистов.

В 1935 году в Ленинград переехали жить родители Александра — Михаил Федорович и Анна Марковна. В 1936 году у Александра

Михайловича и Веры Алексеевны родился сын Валерий. Вера Алексеевна оставила работу, занялась воспитанием сына и домашним хозяйством. Жили одной большой семьей. К ним постоянно навещались, а иногда и подолгу гостили родственники.

Сахаровские любили собираться вместе по вечерам. Пели песни, играли в лото. Мать Веры Алексеевны научила Александра Михайловича играть в карты — в «девятку». И хотя уже в то время у него было мало свободного времени, Александр Михайлович иногда составлял своим родственникам и друзьям компанию.

Секретарь парткома

Итак, в феврале 1938 года Александр Сахаровский избирается секретарем парткома Балтийского государственного морского пароходства.

Следует напомнить, что когда в Ленинграде произошел роковой выстрел, оборвавший жизнь Кирова, возглавлять ленинградскую партийную организацию Москва направила Андрея Александровича Жданова. И надо прямо сказать, что секретарь ЦК ВКП(б), будущий член Политбюро Андрей Жданов, являвшийся также любимцем Сталина, косвенно сыграл не последнюю роль в судьбе Александра Сахаровского.

С момента перехода на партийную работу жизнь самого Сахаровского значительно осложнилась. Ведь работать под руководством всегда легче, чем самому руководить. Еще вчера он был просто Саша, свой парень, а сегодня уже Александр Михайлович — ответственный партийный работник.

Временной промежуток с 1935 по 1938 год признается всеми историками как чрезвычайно важный и в международной политике. В марте 1936 года вопреки Версальскому договору Гитлер приступил к милитаризации Германии. А еще раньше, в 1935 году, ввел в стране всеобщую воинскую повинность. В 1936 году разразилась гражданская война в Испании. Для поддержания правых мятежников Гитлер и Муссолини направили туда свои отборные части. По линии Коминтерна, поддерживавшего законное правительство Народного фронта, в Испанию направлялись военные советники, технические специалисты, международный контингент добровольцев, военная техника.

Но все же главными для Советского Союза в то время были внутренние проблемы. По стране прокатилась целая серия показательных судебных процессов, в том числе над представителями старой большевистской гвардии.

Все это существенно повлияло на формирование идейно-политических взглядов Сахаровского. Идеологическая борьба воспринималась им как данность, которой невозможно избежать. Каждый, кто листал подшивки газет и партийных документов за 1930-е годы, мог убедиться, что «от Москвы до самых до окраин» все безоговорочно одобряли политику партии и правительства.

Кроме того, этот период в партийной и государственной жизни страны был отмечен и немалыми сложностями, связанными с фактами нарушения

партийной демократии и социалистической законности.

Тезис И. В. Сталина о том, что «в ходе упрочения позиций победившего социализма классовая борьба в стране обостряется», выдвинутый им на февральско-мартовском (1937) пленуме ЦК ВКП(б), явился «теоретическим» обоснованием массовых репрессий. Поставленные во главе НКВД сначала Ежов, а затем Берия своей деятельностью и публичными выступлениями вызвали смятение в широких партийных массах. Говорить о бесспорной и безошибочной линии партии становилось все труднее. Чувствовал это в своей работе и А. М. Сахаровский.

Подтверждением его сомнений стали решения январского (1938) пленума ЦК ВКП(б) «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формальнобюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков», а также состоявшегося в марте 1939 года XVIII съезда партии, который в резолюции «Изменения в Уставе ВКП(б)» подверг резкой критике «действия клеветников и карьеристов, порочивших кадры партии» и отменил массовые чистки. Правда, обосновывалось это тем, что с победой социализма они утратили свое значение.

Документы были приняты правильные и своевременные. Однако история свидетельствует, что порой от принятия решений высшим руководством той или иной страны до их исполнения широкими массами дистанция огромного размера. Да и сами решения подчас являются всего лишь «декларацией о намерениях». Нужны люди, которые будут продвигать их в массы. В тот период наиболее сложной прослойкой советского общества были правоохранительные органы. Считалось, что в них засели «враги народа», с которыми надо бороться. А с другой стороны, они сами боролись с «врагами народа». Чтобы исправить сложившееся положение, партия решила направить в НКВД большую группу коммунистов, имевших опыт руководящей партийной работы. В начале 1939 года поступило предложение перейти на работу в органы госбезопасности и Александру Михайловичу Сахаровскому.

К этому времени Александр Михайлович уже был женат, в молодой семье рос сын Валерий. Энергии и задора было хоть отбавляй, работа — ответственная и интересная, перспективы — благоприятные. Но судьба, как мы видим, готовила новый поворот в его жизни. Сахаровскому предстояло принять важное решение. Приходилось учитывать массу обстоятельств, в том числе и международную обстановку, положение дел внутри государства, семейные интересы, материальное положение. Но главным для него был вопрос самореализации: как сможет он проявить себя в новом

качестве, использовать свои способности и возможности.

Начиная с 1936 года Гитлер активно пытался занять центральное место в мировой политике. Он перестал выполнять версальские обязательства: создал сильную армию и в 1938 году аннексировал Австрию. Следующей его целью являлось включение чешских Судет, где преобладало немецкое население, в состав Германии.

К началу 1939 года стало очевидным, что Гитлер готовит войну против Польши. Если Польша будет разбита, немецкие войска продвинулись до советских границ. Сахаровский не раз задавал себе вопрос: остановятся ли они на границе?

Он уже тогда понимал то, что позже будет зафиксировано на XVIII съезде ВКП(б): «Новая империалистическая война за передел мира становится фактом». Александр Михайлович оставляет партийную карьеру и переходит на службу в органы государственной безопасности.

На наш взгляд, принятию такого решения способствовали и некоторые внутренние события в Советском Союзе.

Несмотря на подавляющую убежденность жителей страны в том, что репрессии применяются против действительных врагов, многие представители среднего звена партийного руководства и рядовых членов партии начинали понимать, что они охватывают значительную часть населения и наносят определенный ущерб социалистическому строительству. Причем эти нарушения законности и злоупотребления не связывались с именем Сталина. Большинство советских граждан считали Сталина активным борцом за победу социализма и полностью доверяли ему.

Одновременно высказывалось мнение о «нарушении ленинских принципов взаимоотношений между партией и органами НКВД» и необходимости «проявлять настороженность и бдительность в отношении враждебных элементов из среды ликвидированных эксплуататорских классов и их агентуры». Александр Сахаровский считал для себя делом чести «активно и последовательно бороться за ленинскую генеральную линию партии».

Люди старшего поколения помнят, что кумиром конца 1930-х годов был Валерий Чкалов. Сахаровский не случайно в 1936 году назвал своего первенца Валерием. В декабре 1938 года пришло сообщение о гибели Чкалова. Обстоятельства его гибели при испытании нового истребителя И-180 долгое время не вызывали сомнений. Все придерживались официальной версии — трагическая случайность. Но затем поползли слухи и о других версиях. Например, американские историки авиации откровенно

говорили об умышленном убийстве русского пилота с мировой славой. Наши известные летчики Георгий Байдуков и Анатолий Серов также не соглашались с официальной версией. Иными словами, трагедия приобретала ореол таинственности и секретности. Многим тогда казалось, что всё и обо всём знают только в спецслужбах.

Когда-то в газете «Комсомольская правда» была опубликована статья о представителях редкой профессии — испытателях парашютов. Читатели удивлялись, как можно выбрать такую профессию: зарплата невысокая, известности никакой, а риск огромный. А что движет первопроходцами, экспериментаторами, каскадерами, другими специалистами, работающими в чрезвычайных и экстремальных ситуациях? Почему Юрий Гагарин после своего полета в космос продолжал совершать учебные полеты на экспериментальных самолетах-истребителях, несмотря на то что имел всемирную известность и спокойно мог всю оставшуюся жизнь купаться в лучах славы?

Интересно также, что среди сотрудников спецслужб и населения сразу завоевало признание слово «чекист», хотя ЧК просуществовала всего чуть больше четырех лет. О сотрудниках ЧК слагались легенды. Чем это объяснить? Причин, конечно, много, но основных, вероятно, две: романтизм профессии и то, о чем сказал в одном из своих интервью уже в наше время бывший директор Службы внешней разведки России генерал армии В. И. Трубников: «Молодые люди приходят сегодня в разведку прежде всего потому, что эта работа дает им возможность служить своей стране, приносить ей пользу в наше непростое время. Профессия разведчика позволяет человеку проявить себя как личность, реализовать свои деловые, волевые и моральные качества, иногда в экстремальных условиях, и стать высококлассным экспертом».

1930-е годы были непростым, но достаточно романтичным временем, и многим тогда казалось: быть коммунистом-чекистом исключительно почетно. И Александр Сахаровский сделал свой выбор.

Сотрудник НКВД

В феврале 1939 года по партийному набору Александр Сахаровский был направлен на работу в органы государственной безопасности. Он был зачислен на должность заместителя начальника отделения Водного разведотдела Транспортного управления УНКВД по Ленинградской области с присвоением звания младшего лейтенанта госбезопасности (соответствовало воинскому званию старший лейтенант). В этой должности он проработал до начала Великой Отечественной войны. В 1976 году на встрече с комсомольцами — сотрудниками советской внешней разведки он охарактеризовал этот период своей работы как «первый оперативный опыт».

Опыт приобретался разнообразный. Включал он и агентурную работу, причем не только в Ленинграде, но и за рубежом.

В 1940 году Сахаровский более семи месяцев находился в плавании в качестве помощника капитана пассажирского судна «Сванетия». Побывал в нескольких странах Адриатики. Так начиналась его оперативная работа. Природная смекалка и жизненный опыт помогали ему успешно выполнять оперативные задания.

«Сванетия» являлась лучшим нашим пассажирским лайнером того времени: водоизмещение 5050 тонн, 244 каютных места. Обслуживала линию Одесса — Ближний Восток. При необходимости использовалась для эвакуации советских разведчиков после проведения оперативных мероприятий.

Участь «Сванетии» трагична. 16 апреля 1942 года в Севастополе на лайнер были погружены 221 раненый, 358 бойцов 40-й кавалерийской дивизии, 60 жителей города и 65 летчиков, следовавших для получения новых самолетов. В тот же день судно в сопровождении эсминца «Бдительный» вышло из гавани и направилось в Новороссийск.

На следующий день «Сванетия» была атакована немецкими торпедоносцами. Две торпеды попали в носовую часть судна. Лайнер потерял ход и стал погружаться в море с креном на левый борт. Из восемнадцати имевшихся на борту шлюпок успели спустить на воду лишь пять, три из которых были накрыты корпусом тонущего судна. Люди бросались за борт в спасательных жилетах и без них.

Продержавшись на плаву 18 минут, «Сванетия» затонула на глубине две тысячи метров, увлекая за собой в образовавшуюся воронку людей.

Погибли 753 человека, в том числе 220 раненых и 112 членов команды.

После налета эсминец «Бдительный» начал спасать людей. Были спасены 143 человека, из которых 17 умерли на палубе корабля от переохлаждения.

Но всё это было уже в годы войны, а в предвоенное время чекист Сахаровский на «Сванетии» приобретал свой первый оперативный опыт. Основным направлением его деятельности являлось решение контрразведывательных задач: поддержание связи с агентурой, участие в различных оперативных мероприятиях.

Оценивая работу молодого чекиста, руководство управления отмечало, что ему «удалось добиться некоторых положительных результатов». В частности, Сахаровский «сумел приобрести агентуру, через которую получал интересную политическую, военную и научно-техническую информацию».

Вместе с тем следует отметить, что обстановка в самом Управлении НКВД по Ленинграду и Ленинградской области оставалась достаточно напряженной.

Как уже отмечалось, после убийства Кирова были сняты с должностей начальник УНКВД Филипп Медведь и его первый заместитель Иван Запорожец. Оба высокопоставленных чекиста были арестованы, а в 1937 году расстреляны. Это не могло не отразиться на настроении ленинградских сотрудников Наркомата внутренних дел, работавших под их руководством.

Ф. Д. Медведя на должности начальника УНКВД сменил 10 декабря 1934 года Леонид Михайлович Ваковский (Генрих Эрнестович Штубис), латыш, являвшийся сотрудником ВЧК с декабря 1917 года. До перевода в Ленинград он прошел путь от рядового оперативника до наркома внутренних дел БССР.

Период его руководства ленинградскими чекистами характеризовался старательным исполнением приказов и указаний московского руководства и достаточно активным участием в репрессивных акциях.

В январе 1938 года Ваковский был переведен на работу в Москву и назначен заместителем наркома внутренних дел СССР. Однако уже 30 марта того же года был арестован, а 29 августа приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Можно сказать, что начиная с 1935 года в чекистских кругах города сформировалась своеобразная репрессивная команда сторонников Заковского, среди которых выделялись некоторые руководители ключевых отделов УНКВД.

Это в первую очередь начальник Секретно-политического отдела управления с 1 января 1935 года Анс Залпетер, латыш, служивший в РККА с декабря 1918 года, а в ВЧК — с июня 1920-го. В Ленинград прибыл с должности заместителя наркома внутренних дел БССР. Однако уже в августе 1935 года был переведен на руководящую должность в УНКВД Западно-Сибирского края, а затем занимал руководящие должности в Главном управлении государственной безопасности НКВД СССР в Москве. 22 мая 1938 года был арестован, 4 марта 1939 года приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Вторым активным участником «команды Заковского» был Герман Лупекин, назначенный начальником 4-го отдела управления. Украинец, в РККА — с января 1918-го, в ВЧК — с октября 1920 года. В Ленинград прибыл в феврале 1935 года с должности заместителя начальника УНКВД Курской области. В январе 1937 года назначен начальником УНКВД Башкирской АССР. В июле 1938 года был арестован. 28 января 1940 года приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

14 ноября 1938 года начальником УНКВД по Ленинграду и Ленинградской области был назначен Сергей Арсеньевич Гоглидзе, являвшийся до этого наркомом внутренних дел Грузинской ССР. В РККА служил с января 1918-го, в ВЧК — с июня 1921 года. Член партии большевиков с 1919 года. Входил в ближайшее окружение Берии. После назначения на должность очистил аппарат ленинградского управления от ставленников Николая Ежова. Работал в Ленинграде до 26 февраля 1941 года. В этот период санкционировал арест поэтессы Ольги Берггольц.

Безусловно, судьба руководящих чекистов ленинградского УНКВД была известна сотрудникам управления, что создавало дополнительную нервную обстановку.

Одновременно следует отметить, что во время работы в УНКВД, особенно в первые годы, Сахаровский активно занимался общественной деятельностью: был секретарем парторганизации отдела, позже — заместителем секретаря парткома УНКВД.

Приведем скудные, в стиле формулировок того времени, строки из характеристики на Сахаровского, утвержденной на партбюро 11 апреля 1940 года: «Партвзысканиям не подвергался, отклонений от генеральной линии ВКП(б) не имел... За период работы тов. Сахаровского секретарем парторганизации она значительно окрепла и идейно выросла».

«От нас, коммунистов, и рядовых, и руководителей, всегда требовалась партийная принципиальность, — рассказывал Александр Михайлович. — В то время пришлось выработать в себе твердость и выдержку. Дискуссии

тогда были очень острыми, особенно по вопросам о персональных делах сотрудников...»

Глава третья **В ОСАЖДЕННОМ ЛЕНИНГРАДЕ**

*Пусть всех имен не назову,
Нет кровнее родни.
Не потому ли я живу,
Что умерли они?*

Степан Щипачев

Накануне Великой Отечественной

1 сентября 1939 года войска Германии и Словакии нападением на Польшу начали боевые действия в Европе, ставшие началом Второй мировой войны. Несмотря на то что нападение ожидалось, польская армия оказалась не способна противостоять агрессии. Англия и Франция, заключившие ранее с Польшей союзнические договоры, вместо оказания ей обещанной военной помощи приступили к поиску путей умиротворения Германии, пытаясь созвать в Италии международную конференцию.

Лишь 3 сентября 1939 года Англия и Франция объявили Германии войну. 4 сентября был подписан франко-польский договор о взаимопомощи, фактически так и не получивший реализации. В тот же день английские ВВС (десять бомбардировщиков) осуществили налет на рейд в Киле. Операция оказалась малорезультативной. Англичане потеряли половину самолетов. В дальнейшем неоднократные просьбы поляков к французам и англичанам о военной помощи оставались без ответа.

Пользуясь бездействием Англии и Франции, германское командование усиливало удары в Польше.

1 сентября Варшаву покинул президент страны Игнаций Мосцицкий, 4 сентября началась эвакуация правительственных учреждений, 5 сентября из Варшавы выехало правительство, а в ночь на 7 сентября — Верховный главнокомандующий Эдвард Рыдз-Смиглы.

Первая немецкая часть достигла Варшавы 8 сентября. Во второй половине дня 14 сентября германский 19-й моторизованный корпус занял Брест.

Исходя из этих событий, Советский Союз вынужден был предпринять конкретные действия, непосредственно связанные с Польшей. В частности, 17 сентября 1939 года начался так называемый польский поход Красной армии, который в советской историографии обозначен как освободительный поход РККА — военная операция Красной армии в восточных областях Польской Республики, которая продолжалась до 29 сентября и итогом которой стало их присоединение к Украинской и Белорусской Республикам (в качестве Западной Украины и Западной Белоруссии соответственно) и к Литовской Республике (часть Виленского края).

В операции принимали участие соединения Киевского и Белорусского военных округов, усиленные частями Калининского и Московского

военных округов.

В результате этой операции под контроль СССР перешла территория в 196 тысяч квадратных километров с населением около тринадцати миллионов человек, практически полностью находившаяся восточнее «линии Керзона», рекомендованной Антантой в ходе советско-польской войны 1919–1921 годов в качестве восточной границы Польши 8 декабря 1919 года и установленной в ноте министра иностранных дел Великобритании лорда Керзона.

Территории, относимые СССР к Западной Украине и Западной Белоруссии, в результате народного волеизъявления были воссоединены с УССР и БССР в ноябре 1939 года.

Практически одновременно с этими событиями Советский Союз начал военные приготовления на финском направлении. В частности, 5 октября 1939 года официальные финские представители были приглашены в Москву для переговоров по «конкретным политическим вопросам». На этих переговорах впервые зашла речь о близости границы к Ленинграду. Данное обстоятельство вызывало серьезную озабоченность руководства СССР. По этому поводу Сталин, в частности, заметил оппонентам: «Мы ничего не можем поделать с географией, так же, как и вы... Поскольку Ленинград передвинуть нельзя, придется отодвигать от него подальше границу».

Представленный на переговорах советской стороной вариант соглашения включал, в частности, следующие основные положения:

Финляндия переносит границу на 90 километров от Ленинграда;

Финляндия соглашается сдать в аренду СССР сроком на 30 лет полуостров Ханко для устройства военно-морской базы и размещения там четырехтысячного воинского контингента для ее обороны;

Финляндия передает СССР острова Гогланд, Лаавансаари (ныне Мощный), Тютяrsaари и Сейскари;

оба государства разоружают свои укрепления на Карельском перешейке;

СССР передает Финляндии территорию в Карелии общей площадью вдвое больше полученной от финской стороны;

СССР обязуется не возражать против вооружения Аландских островов, демилитаризованный статус которых регулировался Аландской конвенцией 1921 года, собственными силами Финляндии.

Государственный совет Финляндии не согласился на предложения СССР. Московские переговоры зашли в тупик и прекратились 9 ноября 1939 года. Завершая переговоры, Молотов заявил финской делегации: «Мы,

гражданские люди, не достигли никакого прогресса. Теперь слово будет предоставлено солдатам».

В середине ноября 1939 года произошел артиллерийский обстрел советской территории в районе населенного пункта Майнила с финской стороны. 26 ноября правительство СССР направило правительству Финляндии ноту протеста. Советская сторона возложила ответственность за начало военных действий на Финляндию.

29 ноября 1939 года финскому посланнику в Москве была вручена очередная нота, в которой говорилось, что ввиду сложившегося положения правительство СССР признало необходимым немедленно отозвать из Финляндии своих политических и хозяйственных представителей, что означало разрыв дипломатических отношений.

30 ноября советские войска перешли советско-финскую границу и вступили в бой с финской армией, развернутой на «линии Маннергейма»^[2].

Безусловно, целью СССР в данной акции было добиться военным путем того, чего не удалось сделать мирным: обеспечить безопасность Ленинграда, который находился в опасной близости от границы. Ведь в случае начала войны с Германией Финляндия, по имевшимся у советской разведки сведениям, была готова предоставить ей свою территорию в качестве плацдарма для нападения на советскую территорию. При этом Ленинград неминуемо был бы захвачен в первые дни или даже часы. Здесь необходимо также отметить, что в 1931 году Ленинград был выделен из области и стал городом республиканского подчинения. Часть границ некоторых подчиненных Ленинградскому городскому Совету народных депутатов территорий являлась одновременно границей между СССР и Финляндией.

Война между СССР и Финляндией продолжалась до 12 марта 1940 года и завершилась подписанием Московского мирного договора.

В соответствии с этим договором новая государственная граница с Финляндией севернее Ленинграда отодвигалась за линию Выборг — Сортавала. Карельский перешеек, ряд островов в Финском заливе, небольшая территория с городом Куолоярви и часть полуостровов Рыбачий и Средний отошли к СССР. Советскому Союзу предоставлялся в аренду на 30 лет полуостров Ханко с правом создания на нем военно-морской базы, которая прикрывала бы вход в Финский залив, то есть морские подступы к Ленинграду.

По итогам войны Ладожское озеро стало внутренним озером СССР. Финляндии была возвращена захваченная во время боев область Петсамо (Печенга).

Таким образом, после урегулирования конфликта с Финляндией Советский Союз улучшил свое стратегическое положение на северо-западе и севере, создал предпосылки для обеспечения безопасности Ленинграда, незамерзающего Мурманского порта и Мурманской железной дороги.

Однако в действиях Советского Союза были и некоторые негативные моменты. Так, в одной из своих статей ленинградская журналистка Татьяна Воронцова отмечала: «В то же время репутация советского государства на международной арене несколько пострадала: СССР был объявлен агрессором и исключен из Лиги Наций. Взаимное недоверие западных стран и СССР достигло критической точки».

В ноябре 2019 года исполнилось 80 лет с начала советско-финляндской войны. К сожалению, сейчас даже в России находятся люди, которые ставят под сомнение правомерность предвоенных усилий СССР по переносу границы страны от Ленинграда и возлагают всю ответственность за начало боевых действий только на Москву. Однако в начале 2019 года финская сторона обнародовала сенсационные материалы, которые полностью разбивают антироссийскую пропаганду.

Так, в феврале 2019 года хорошо информированная и достаточно серьезная московская газета «Аргументы недели» сообщила своим читателям, что в Финляндии были обнаружены записки высокопоставленного финского дипломата Ааро Пакаслаhti, который с 1939 по 1941 год возглавлял политический департамент министерства иностранных дел, а в 1941–1943 годах занимал пост главы канцелярии МИДа Финляндии. Так что не приходится сомневаться, что этот человек был очень хорошо информирован о планах руководства страны.

По информации газеты, «в записках Пакаслаhti утверждается, что президент Финляндии Ристо Рюти 11 сентября 1941 года предложил немцам свой вариант новых границ страны. По его плану они должны были включать в себя Ленинград и проходить от Невы до Свири (большая река на северо-востоке Ленинградской области, которая вытекает из Онежского озера и впадает в Ладожское озеро). На севере финны хотели присоединить к себе весь Кольский полуостров. При этом Хельсинки предложил Берлину взять под свой контроль все территории СССР, прилегающие к новой Великой Финляндии — финны не хотели иметь общих границ с Советским Союзом.

Данный план казался финскому руководству вполне реалистичным — фашистская Германия в это время стремительно наступала и ее победа выглядела неизбежной. Время для разговора финского президента с фашистским послом тоже было выбрано не случайно — несколькими

днями ранее началась блокада Ленинграда. Этому городу финны готовили страшную судьбу.

Поскольку территории вокруг Ленинграда отходили к Финляндии, по их задумкам он не должен был оставаться большим городом. На его месте предполагалось оставить некий «вольный» городок, который совместно контролировали бы финны и немцы».

Именно такими идеями и объясняется последовавшая бесчеловечная блокада Ленинграда. Однако этим планам не суждено было сбыться благодаря героизму советского народа и во многом из-за победы СССР в советско-финляндской войне.

В период, о котором рассказывалось выше, произошли некоторые изменения, касающиеся оперативной деятельности подразделений органов государственной безопасности. В частности, сотрудники НКВД стали активно использоваться в контрразведывательном обеспечении оборонных отраслей промышленности и на транспорте. Повысилась роль мобилизационной работы. Весной 1939 года был создан Мобилизационный отдел НКВД СССР, организована военная подготовка личного состава органов внутренних дел.

Исходя из сложившейся военно-политической и оперативной обстановки советское правительство приняло решение о перестройке органов государственной безопасности. С этой целью 3 февраля 1941 года указом Президиума Верховного Совета СССР НКВД был разделен на два самостоятельных органа: НКВД (нарком — Лаврентий Берия) и Наркомат государственной безопасности СССР (НКГБ, нарком — Всеволод Меркулов).

При этом Особый отдел НКВД (ответственный за контрразведку в армии) был разделен на отдел сухопутных войск и ВМФ. Одновременно Особый отдел ГУГБ НКВД был расформирован, а вместо него были созданы Третьи управления Наркомата обороны и Наркомата Военно-морского флота, а также 3-й отдел НКВД (по оперативной работе в войсках НКВД).

Проведенная реорганизация создавала более благоприятные условия для работы оперативных подразделений органов государственной безопасности, поскольку они освобождались от выполнения многих функций, прямо не связанных с обеспечением самой государственной безопасности.

Органы государственной безопасности были сосредоточены на борьбе с деятельностью немецкой разведки, на выявлении и ликвидации агентов противника в тыловых районах СССР, на ведении разведки и диверсиях в

тылу противника. НКВД подчинялись войска по охране тыла.

Для улучшения разведывательной работы за границей в УНКВД по Хабаровскому краю, Архангельской, Брестской, Ленинградской, Львовской и Читинской областям создавались разведывательные подразделения.

Однако дальнейшая реорганизация органов госбезопасности была прервана начавшейся агрессией фашистской Германии.

Ленинград и область ощущали дыхание войны. Только что, в марте 1940 года, закончилась война с Финляндией, но уже в апреле гитлеровские армии захватили Данию и Норвегию. После поражения Франции Германия ввела свои войска в Финляндию. Накануне войны, в марте 1941 года, в УНКВД был создан 1-й (разведывательный) отдел, заместителем начальника которого стал Сахаровский. Руководителем разведывательного отдела был назначен Леонид Иванович Кожевников — достаточно молодой (он родился в 1904 году), но уже опытный чекист. Он работал с Сахаровским с первых дней службы последнего в Водном отделе Транспортного управления УНКВД, высоко оценивал его возможности и предложил место своего заместителя.

Отдел занимался подготовкой разведывательно-диверсионных групп для заброски в тылы противника и операциями по ликвидации немецких парашютистов и других диверсантов.

Блокада Ленинграда

22 июня 1941 года фашистская Германия без объявления войны напала на Советский Союз. В этот день Ленинград официально стал фронтовым городом.

В суровые годы Великой Отечественной войны работа советских органов государственной безопасности была всецело подчинена борьбе с фашистской Германией и ее союзниками. Советские чекисты сумели в кратчайшие сроки перестроиться в соответствии с требованиями военного времени, сохранить ценные наработки предвоенного периода и наладить надежную связь с агентурой и другими оперативными помощниками.

После начала Великой Отечественной войны НКВД и НКГБ были возвращены в структуру единого наркомата — НКВД. Наркомом внутренних дел СССР остался Берия, а бывший нарком госбезопасности СССР Меркулов был назначен его первым заместителем.

30 июня 1941 года «ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу, напавшему на нашу Родину», постановлением Президиума Верховного Совета СССР, Совета народных комиссаров СССР и Центрального комитета ВКП(б) был создан Государственный Комитет Оборона (ГКО) в составе: И. В. Сталин (председатель), В. М. Молотов (заместитель председателя), К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков и Л. П. Берия (члены ГКО).

Этим же постановлением предписывалось сосредоточить в руках ГКО всю полноту власти в государстве, а всех граждан и все партийные, советские, комсомольские и военные организации обязать беспрекословно выполнять его решения и распоряжения. Постановления ГКО имели силу законов военного времени.

Интересно отметить, что 17 октября 1941 года постановлением Государственного Комитета Оборона Особому совещанию НКВД было предоставлено право выносить приговоры вплоть до смертной казни по делам о контрреволюционных преступлениях против порядка управления СССР, предусмотренных статьями 58 и 59 Уголовного кодекса РСФСР. Решения Особого совещания были окончательными. Это постановление ГКО перестало действовать лишь 1 сентября 1953 года с упразднением Особого совещания.

Большое внимание ГКО уделял руководству борьбой советского

народа в тылу врага. Во многих городах прифронтовой полосы были образованы местные чрезвычайные органы — городские комитеты обороны, объединившие под своим руководством всю гражданскую и военную власть.

3 февраля 1942 года в состав Государственного Комитета Обороны были введены А. И. Микоян и Н. А. Вознесенский, а 20 февраля — Л. М. Каганович.

Таким образом, Государственный Комитет Обороны руководил в годы войны деятельностью всех государственных ведомств и учреждений, направлял их усилия на всемерное использование материальных, духовных и военных возможностей страны для достижения победы над врагом.

За период с 30 июня 1941 года (дня образования) по 4 сентября 1945 года (дня упразднения) Государственным Комитетом Обороны было принято около десяти тысяч постановлений и распоряжений.

В связи с огромными трудностями для Красной армии в первые недели войны и успешным продвижением вермахта на восток ЦК ВКП(б) 18 июля 1941 года принял специальное постановление «Об организации борьбы в тылу германских войск». В нем предписывалось партийным организациям и органам государственной безопасности «создать невыносимые условия для германских интервентов... срывать все их мероприятия, уничтожать захватчиков и их пособников... помогать созданию партизанских отрядов, диверсионных истребительных групп...».

Сегодня хорошо известно, что в годы Великой Отечественной войны на всей советской территории, временно оккупированной немецко-фашистскими захватчиками, развернулось широкое партизанское движение. В партизанские отряды и группы вступали рабочие, колхозники, представители интеллигенции, коммунисты, комсомольцы и беспартийные, военнослужащие Красной армии, вышедшие из окружения или бежавшие из плена. С первых дней войны самое активное участие в организации этой работы принимали сотрудники Наркомата внутренних дел.

8 августа 1941 года народный комиссар внутренних дел СССР Лаврентий Берия направил в ГКО оперативную записку, касающуюся создания партизанских отрядов и диверсионных групп для действий в тылу противника.

Нарком предлагал активизировать деятельность управлений внутренних дел Украинской, Белорусской, Карело-Финской и Молдавской ССР, а также Ленинградской, Мурманской, Калининской и Смоленской прифронтовых областей.

Предложения НКВД СССР по дальнейшему развитию партизанского

движения на занятой противником территории позволили усилить боеспособность партизанских отрядов и диверсионных групп, расширить зоны их действия, повысить эффективность борьбы с немецко-фашистскими оккупантами, установить тесное взаимодействие с частями Красной армии.

Для организации и руководства партизанским движением на местах в органах УНКВД были созданы 4-е отделы.

Ленинградские чекисты приняли указание партийных органов и руководства НКВД СССР к немедленному исполнению. В частности, одним из направлений их работы явилось создание условий для получения оперативной информации.

5 августа 1941 года начальник Управления НКВД СССР по Ленинградской области старший майор государственной безопасности Николай Лагунов направил в НКВД СССР сообщение за № 16524, в котором подробно отчитался «об оперативно-чекистских мероприятиях, проводимых управлением в связи с приближением противника». В нем, в частности, говорилось:

«В связи с создавшейся для ряда районов Ленинградской области угрозой занятия их войсками противника разведывательным отделом Управления НКВД по Ленинградской области была развернута работа по организации в районах области разведывательной и диверсионной агентуры с задачей остаться в тылу противника, в случае занятия района немецкими войсками, для проведения там разведывательной и диверсионной работы.

В зависимости от местных условий завербованная агентура либо сводилась в резидентуры, либо ей давались индивидуальные задания и с каждым в отдельности обуславливалась техника связи.

Связь, как правило, устанавливалась двусторонняя. Как показала практика работы, в настоящее время эта техника связи полностью себя оправдала, так как знание местных условий, лесов и троп связниками и специфичность расположения немецких войск по основным дорогам и населенным пунктам дают возможность осуществить почти бесперебойную связь с районами, занятыми немецкими войсками.

К настоящему времени по 33 районам Ленинградской области завербовано 285 агентов, они проинструктированы и им даны задания разведывательного характера.

По 16 районам области, находящимся в непосредственной близости к фронту, разведывательная агентура сведена в резидентуры. Всего по этим районам организована 41 разведывательная резидентура.

Помимо разведывательных резидентур в районах области созданы также диверсионные ячейки. Всего по 33 районам завербовано и проинструктировано 168 агентов, которым даны диверсионные задания.

Через линию финского фронта переброшена группа диверсантов в количестве 6 человек. Группа специально обучена, снабжена оружием и взрывчатыми веществами. Задачи группы в тылу противника выработаны совместно с военным командованием.

В настоящее время обучена, полностью снабжена и по согласованию с военным командованием перебрасывается группа в количестве 8 человек.

В городе Ленинграде создано 4 разведывательные резидентуры, в которые входят 90 проверенных и специально проинструктированных агентов. Резидентуры разбиты на ряд групп. Им будут переданы рации со специально обученными радистами.

В связи с указанием ЦК ВКП(б) и лично товарища Сталина о развертывании партизанского движения и создании подпольных организаций местные органы НКВД в районах Ленинградской области принимали непосредственное участие в работе партийных организаций по созданию партизанских отрядов.

К организации подпольных ячеек, подбору их руководителей, выработке практических мероприятий по их деятельности в условиях подполья областным комитетом ВКП(б) был привлечен начальник разведывательного отдела УНКВД по Ленинградской области, который в настоящее время введен в тройку по руководству партизанским движением и нелегальной работой на территории, занятой противником, созданную решением бюро обкома ВКП(б) по указанию секретаря ЦК ВКП(б) и Первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) тов. Жданова.

В состав тройки входят: секретарь Ленинградского обкома ВКП(б), член Военного совета Ленинградского военного округа тов. Бумагин, заведующий военным отделом обкома ВКП(б) тов. Алексеев и начальник разведывательного отдела УНКВД по Ленинградской области тов. Кожевников...»

В этом документе обращают на себя внимание оперативность и своевременность принятия мер по разработке комплекса агентурно-оперативных мероприятий на территории Ленинградской области в связи с приближением противника.

Положительную роль в этом сыграли тесное взаимодействие партийных органов с военным командованием и оперативным составом Управления НКВД по Ленинградской области, профессиональный подход к работе. Безусловно, была в этом и заслуга заместителя начальника

разведывательного отдела УНКВД по Ленинградской области Александра Сахаровского, быстро набиравшегося оперативного опыта.

Уже к осени 1941 года на оккупированной территории Ленинградской области действовали 287 партизанских отрядов, шесть партизанских полков, 125 подпольных партийных и комсомольских организаций.

А всего к концу 1941 года на оккупированной врагом советской территории действовали около трех с половиной тысяч партизанских отрядов и групп, насчитывавших более девяноста тысяч человек.

Как уже отмечалось, в ходе активного наступления немцев в первые месяцы войны оперативная обстановка на фронте боевых действий складывалась не в пользу советских войск.

Начиная 22 июня 1941 года реализацию плана «Барбаросса», командование вермахта планировало захватить Ленинград в кратчайшие сроки. Однако ровно через месяц, когда фашистские войска вышли на подступы к городу, командующий группой армий «Север» генерал фон Лееб получил из Берлина директиву: Ленинград штурмом не брать, а взять в кольцо блокады.

8 сентября 1941 года войска фон Лееба замкнули кольцо вокруг осажденного города. Началась блокада Ленинграда.

Почему же была нарушена первичная установка фюрера? Приведем мнение журналиста Александра Смирнова, опубликованное в санкт-петербургской газете «Загадки истории» (2019, № 8). В частности, он пишет, что «уже 11 сентября генерал фон Лееб получил из Берлина Директиву № 035: не позднее 15 сентября все танковые и моторизованные дивизии, а также большую часть авиации отправить на юг — для участия в операции по взятию Москвы. Эта директива была в точности исполнена штабом группы армий «Север». Далее журналист отмечает, что немцам «тем более не было смысла штурмовать город в 1942 году, в разгар наступления на Волгу и Кавказ. Или в 1943 году, готовясь к битве на Курской дуге».

Наша справка

Военная блокада Ленинграда (ныне — Санкт-Петербург) осуществлялась немецкими, финскими и испанскими (Голубая дивизия) войсками, включая добровольцев из Северной Африки, Европы и военно-морских сил Италии, и длилась 872 дня: с 8 сентября 1941 года по 27 января 1944 года.

Кольцо блокады было прорвано в январе 1943 года, но осада города вражескими войсками и флотом продолжалась до января 1944 года.

Советские войска в январе — феврале 1944 года провели Ленинградско-Новгородскую операцию, в результате которой противник был отброшен на 220–280 километров от южных рубежей города; в июне — августе 1944 года при поддержке кораблей и авиации Балтийского флота — Выборгскую и Свирско-Петрозаводскую операции; 20 июня взяли Выборг, 28 июня — Петрозаводск; в сентябре 1944 года — остров Гогланд.

За героизм и мужество, проявленные защитниками блокадного Ленинграда, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года городу была присвоена высшая степень отличия — звание город-герой.

Но все это последовало значительно позже. А пока сотрудники УНКВД по Ленинградской области и в их числе старший лейтенант госбезопасности Александр Сахаровский — заместитель начальника 1-го (разведывательного) отдела управления — трудились над выполнением задач, поставленных перед ними партийным руководством и центральным аппаратом НКВД.

Одним из направлений такой деятельности являлась работа по ликвидации вражеских парашютных десантов и диверсионных групп.

Так, в постановлении СНК СССР от 24 июня 1941 года «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе», утвержденном в тот же день Политбюро ЦК ВКП(б), указывалось, что «на органы НКВД возложена организация борьбы против парашютных диверсантов на территории Ленинградской области, Мурманской области, Калининской области, Карело-Финской республики, Украины, Белоруссии, Эстонской, Латвийской, Литовской и Молдавской ССР, Крымской Автономной республики, Ростовской области, Краснодарского края, западной части Грузинской ССР».

В постановлении предписывалось «при городских, районных и уездных отделах НКВД, дислоцированных на указанных выше территориях, создать истребительные батальоны численностью 100–200 человек из числа проверенного партийного, комсомольского и советского актива, способного владеть оружием. Начальниками истребительных батальонов назначить надежных оперативных работников НКВД и милиции. Каждый истребительный батальон городского, районного и уездного отделов НКВД вооружить двумя ручными пулеметами, винтовками, револьверами и при возможности гранатами».

Документ обязывал Наркомат обороны выделить необходимое

количество оружия для истребительных батальонов по заявкам НКВД. Одновременно подчеркивалось право истребительных батальонов в необходимых случаях использовать все виды местной связи и транспорта.

25 июня 1941 года народный комиссар МВД СССР Л. Берия подписал приказ НКВД СССР № 00804 о назначении начальником Центрального штаба НКВД по ликвидации вражеских парашютных десантов и диверсионных групп начальника Оперативно-разведывательного управления Главного управления пограничных войск НКВД СССР генерал-майора Гавриила Петрова. Несколько позже его заместителем был назначен старший майор госбезопасности Павел Судоплатов.

Здесь следует отметить, что истребительные батальоны, являвшиеся, по сути, военизированными добровольческими формированиями из граждан СССР, в годы Великой Отечественной войны стали одной из форм народного ополчения. Подготовкой батальонов и руководством их деятельностью занимались специальные штабы, создаваемые в отделах и управлениях НКВД районов, областей, краев и республик.

К концу июля 1941 года было сформировано 1755 истребительных батальонов (328 тысяч человек). Кроме того, более трехсот тысяч человек состояли в группах содействия истребительным батальонам.

Всего за военное время было сформировано около двух тысяч батальонов, в том числе: 1000 — в РСФСР, 657 — в УССР, 78 — в БССР, 63 — в Молдавской ССР.

В задачи батальонов входили охрана важных народнохозяйственных объектов в тылу советских войск и борьба с разведывательно-диверсионными группами и воздушными десантами врага. Однако многие из истребительных батальонов участвовали также в оборонительных боях с немецко-фашистскими войсками, направлялись для пополнения частей Красной армии. На базе ряда батальонов позже были созданы партизанские отряды.

Чтобы деблокировать Ленинград, Ставка Верховного главнокомандования в декабре 1941 года приняла решение о формировании войск Волховского фронта, в состав которого вошли 4, 59 и 2-я Ударная армии. Части и соединения 2-й Ударной армии во главе с генерал-лейтенантом Н. К. Клыковым 17 января 1942 года прорвали укрепленную оборону противника у Мясного Бора, на западном берегу Волхова, и вышли на подступы к городу Любани. Чтобы взять в кольцо крупную группировку противника, с северо-востока, через Синявинские болота, к ней с боями пробивалась 54-я армия Ленинградского фронта. Создались реальные предпосылки для прорыва блокады Ленинграда и непосредственная угроза

для 18-й армии вермахта, входившей в группу армий «Север».

Для руководства действиями войск ударной группировки в составе 2-й Ударной армии и отдельных соединений 52-й и 59-й армий Военным советом Волховского фронта в начале марта 1942 года был командирован заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант А. А. Власов. Командующего 2-й Ударной армией Н. К. Клыкова из-за тяжелой болезни 16 апреля срочно отправили в тыл. Приказом по Волховскому фронту оттого же числа вместо Клыкова временно исполняющим обязанности командующего армией был назначен Власов.

Вступив в командование, Власов не сумел развить наступление, а когда оно захлебнулось, не принял необходимых мер для обороны флангов и, как было позже доказано, пассивно отнесся к наведению порядка в войсках. К этому времени 2-я Ударная армия оказалась в узком коридоре, в крайне невыгодной позиции, которая усугубилась с началом весны. Болотистая местность затрудняла использование земляных укрытий, поэтому советские войска попали в очень сложное положение.

Для ликвидации горловины прорыва противник бросил против 2-й Ударной армии одиннадцать дивизий и одну бригаду, в связи с чем резко изменилось соотношение сил на этом важном направлении. 30 апреля войска Волховского фронта и 54-я армия Ленинградского фронта прекратили наступление в районе Любани и перешли к обороне. 28 мая немецкие войска прорвали оборону около деревни Финёв Луг, закрыли коммуникации 2-й Ударной армии в районе Мясного Бора и Спасской Полисти, в результате чего советские части оказались в окружении. В этой обстановке новый командующий Власов практически прекратил руководить боевыми действиями, начал пьянствовать, а после уничтожения средств связи совсем потерял управление войсками.

В архивах сохранились документы Особого отдела 2-й Ударной армии того времени. В них — свидетельства участников драматических событий лета 1942 года, подробности и детали, которые рассказывают об истинном героизме и самоотверженности советских солдат. Одновременно документы повествуют о трусости и предательстве генерала Власова.

Предательство Власова ни в коей мере не бросает тень на всех бойцов и командиров 2-й Ударной армии. Время показало, что его имя и отдельные негативные факты фронтовой обстановки того периода нельзя ассоциировать, как это порой делается, с памятью о воинах, погибших в болотистых лесах на Волховском фронте, у Мясного Бора, о тех, кто с боями выходил из окружения, вынося на себе раненых товарищей. Они честно выполнили свой солдатский долг и внесли посильный вклад в

защиту Ленинграда.

Один из защитников героического города Д. Буданов, воевавший в составе 749-го полка 125-й стрелковой дивизии, которая обороняла Ораниенбаумский плацдарм, вспоминал:

«Захвату Ленинграда как политического центра страны Гитлер придавал особое значение. В первых числах ноября он наметил провести бал победителей в Таврическом дворце. Уже были заготовлены пригласительные билеты. Однако намеченным планам не суждено было сбыться. Стабилизация фронта предопределила срыв молниеносного захвата Ленинграда. Не имея необходимых сил для штурма, Гитлер поставил задачу своим войскам разрушить город ударами авиации и дальнобойной артиллерии, а население — уморить голодом. Он цинично заявлял, что пленение населения может подорвать ослабленную экономику Германии. Обстрелы велись методично по жизненно важным центрам, госпиталям и скоплениям людей. В результате жизнь в городе была парализована: остановились трамваи, прекратилась подача холодной и горячей воды. Главное, сократились нормы выдачи продуктов, хлеба — до 125 граммов, а на передовой — до 200 граммов. Наступил голод, от которого погибли многие тысячи человек. В этот период я переболел дистрофией и цингой. Будучи раненым, отказался идти в госпиталь, где грозила смерть от голода. Впрочем, так делали многие, если можно было остаться в окопах.

Но жизнь в городе не замерла. На заводах изготавливались детали противотанковых препятствий, проводился ремонт военной техники, работала служба ПВО. Ленинградцев ни на минуту не оставляла надежда на помощь с Большой Земли. Наши войска, находящиеся на внешней стороне кольца блокады, неоднократно пытались прорвать немецкую оборону. К сожалению, безуспешно. Только в январе 1943 года ценой больших потерь удалось частично потеснить противника на 10–12 километров от берега Ладожского озера, что позволило наладить известную всему миру ледовую Дорогу жизни. Это дало возможность завезти в город продукты, необходимую технику, людское пополнение и т. д. Из города были эвакуированы дети и часть взрослого населения. Постепенно стала налаживаться жизнь. Увеличились нормы выдачи населению и войскам продуктов питания. Оживилось на заводах выполнение военных заказов. В войсках и у населения возрастала уверенность в неприступности Ленинграда. Защитники города сознавали, что сдача города врагу может оказаться роковой для страны».

Рассказ ветерана наглядно иллюстрирует всю сложность положения

наших войск под Ленинградом и обстановку в самом городе. В то же время он опровергает авторов тех публикаций, которым до сих пор не по нутру подвиг советского народа, сокрушившего фашизм и его военную машину. Ведь одинаково важно отстоять правду, касается она вклада СССР в разгром фашизма или возвращения доброго имени оболганному рядовому труженику войны.

Отдельным журналистам кажется, что поиск истины, утверждение правды состоят исключительно в том, чтобы нагнетать страсти вокруг потерь, поражений, неудач, бездарных действий. Они, видимо, полагают, что чем мрачнее, беспросветнее история, тем она правдивее. Но невозможно на одних только обличениях, игнорируя примеры героизма и мужества и подлинные причины победы советского народа в Великой Отечественной войне, воспитать новое поколение защитников Отечества.

Историческая правда состоит в том, что героическая оборона Ленинграда, как и разгром гитлеровцев под Сталинградом положили начало коренному перелому в войне и оказали определяющее влияние на весь ее ход. Свою достойную лепту в общую победу внес и А. М. Сахаровский, для которого борьба с врагами Советского государства началась задолго до 22 июня 1941 года и продолжалась всю жизнь.

Следует отметить, что немецкое командование, используя свои спецслужбы и пропагандистский аппарат, вело постоянную работу, направленную на разложение наших войск и гражданского населения. В боевые порядки забрасывалось большое количество листовок, организовывались направленные радиопередачи. Путем дезинформации и клеветы немцы пытались вселить в оборонявшихся сомнение в победе Красной армии, восхваляли «новый порядок», установленный на оккупированной территории. наших военнослужащих склоняли сдаваться в плен. К сожалению, имели место случаи, когда отдельные солдаты, особенно из числа тех, чьи семьи находились на оккупированной территории, под воздействием вражеской пропаганды переходили на сторону немцев. Переход военнослужащего на сторону противника всегда рассматривался как тягчайшее преступление, так как изменник мог передать противнику важные сведения об обороне и тем самым нанести ей серьезный ущерб. Утверждения о том, что изменники вроде власовцев являлись борцами с существовавшим сталинским режимом, абсурдны. Фактически причинами измены являлись трусость и тяготы службы.

Задачи, поставленные перед сотрудниками УНКВД по борьбе с такими преступлениями, как шпионаж, измена Родине, паникерство, распространение вражеской пропаганды, способствовали усилению

боеспособности и безопасности наших войск. Важное значение в этой работе придавалось быстрому, а подчас и немедленному реагированию на происходящие события. Сахаровскому нередко приходилось принимать решения самостоятельно.

Приведем несколько эпизодов из боевой службы Александра Михайловича во время войны, о которых позже рассказывали его коллеги.

Левый берег Невы был передним рубежом обороны Ленинграда. Оттуда организовывались выходы разведывательно-диверсионных групп под Шлиссельбург, в тыл к немцам. Однажды чекисты получили донесение: есть свободный коридор. Посадили несколько групп на машины, приехали на командный пункт на правом берегу. Ночью переправились через Неву. Решили все-таки уточнить обстановку. Сахаровский, возглавлявший операцию, разыскал командира дивизии НКВД, державшей оборону. Выяснилось: прохода нет. А вскоре начался мощный артиллерийский обстрел наших позиций. Пришлось возвращаться назад уже с ранеными. Свой берег был совсем близко, когда взрывной волной опрокинуло лодку, в которой находился Сахаровский. До берега добирались вплавь — под обстрелом в полной темноте... «Эта операция была одной из первых и многому нас научила, — вспоминал Александр Михайлович. — Но отрадно то, что людей спасли, в город вернулись все».

Часто по тревоге весь 1-й отдел, а состоял он тогда из четырнадцати человек, выезжал на захват вражеских летчиков, которые выбрасывались с парашютом из подбитых в ленинградском небе самолетов. Порой часами длились поиск и преследование. Задача ставилась одна: взять летчика живым. И брали... Всю войну ходил Александр Михайлович с немецким пистолетом «вальтер», доставшимся ему от захваченного фашиста.

Но гитлеровских летчиков нужно было не только ловить, но и допрашивать, получать от них нужную информацию. Фашистские асы в первые месяцы войны вели себя надменно и нагло. Позже в их поведении уже преобладали уныние и страх.

«Сначала нас интересовали чисто военные данные, — рассказывал Александр Михайлович. — Но постепенно мы поняли, что можно получать и политическую информацию. Первая наша аналитическая справка была составлена на основании допросов группы пленных, среди которых был весьма осведомленный молодой офицер-евангелист, и посвящена она была вопросам идеологической работы национал-социалистов среди немецкого населения в ходе войны. Доложили материал А. А. Жданову. Он предложил направить аналитическую записку в Москву».

О работе Сахаровского в тот период свидетельствуют сухие строки

характеристики, составленной 15 марта 1942 года:

«В период наиболее напряженного положения в Ленинграде лично провел специальную работу по созданию разведывательно-диверсионных групп в городе.

При непосредственном участии тов. Сахаровского было создано и переправлено в тыл противника более 40 разведывательно-диверсионных групп, нанесших оккупантам значительный ущерб в живой силе и технике. Истреблено свыше 100 немецких солдат и офицеров, взорвано 3 железнодорожных моста на коммуникациях противника, систематически нарушалась связь противника с основными штабами, уничтожались огневые точки и автомашины с боеприпасами и вооружением».

За успешные действия в борьбе с немецкими захватчиками А. М. Сахаровский в 1942 году был награжден орденом «Знак Почета», а в 1943 году — медалью «За оборону Ленинграда». Войну он начал лейтенантом госбезопасности, а закончил подполковником.

Следует подчеркнуть, что ленинградские чекисты активно действовали в боевых условиях. Дома практически не бывали, да и не было у многих уже домов, бомбежки превратили их в развалины. Семьи сотрудников были эвакуированы. Жила в эвакуации в Костромской области на станции Шарья и семья Александра Михайловича: жена Вера Алексеевна, родившийся перед войной сын Валерий, родившийся 21 декабря 1941 года сын Игорь, отец, мать. Четыре года войны редкие «треугольники» писем связывали семью. Лишь один раз, в сорок четвертом, А. М. Сахаровский на несколько дней приезжал в Шарью. И не потому, что обстановка в Ленинграде стабилизировалась, — пришло печальное известие о смерти матери. Только в 1945 году семья возвратилась домой.

Время летит неумолимо. Все труднее сохранить в памяти детали событий, происходивших с отдельными людьми в героическом Ленинграде. Но воссоздать хотя бы немного из того, чем жили сотрудники разведывательного отдела УНКВД Ленинградской области, помогает рассказ сослуживца Александра Михайловича Сахаровского, ветерана внешней разведки, полковника в отставке Бориса Яковлевича Наливайко:

«В мае 1942 года я был направлен в органы госбезопасности и стал сотрудником отдела, который возглавлял Александр Михайлович Сахаровский — тогда молодой стройный старший лейтенант госбезопасности.

Работа в его отделе была увлекательной и боевой. Отдел занимался подготовкой и заброской агентуры в тыл врага. Все, начиная с подбора

кандидатов, делалось собственными силами. В длинных коридорах управления в ночное время, когда не было других сотрудников (всю войну наш отдел находился на казарменном положении — спали непосредственно в кабинетах), мы укладывали парашюты, грузили их в машины. Затем, забирая по пути агентуру, следовали на аэродром либо на передовую, если выброска осуществлялась через «зеленую» границу.

Много было и другой боевой работы. Несмотря на все тяготы и трудности, бомбежки и обстрелы, мы оставались обыкновенными молодыми людьми. Шутили, встречались с друзьями, с осени 1942 года ходили в кино в наш клуб и даже влюблялись. Последнее не обошло стороной и меня. В мае 1943 года я встретил девушку, на которой через три месяца женился, и вот уже сорок лет делю с ней все свои радости и невзгоды. По случаю свадьбы А. М. Сахаровский распорядился выдать мне из спецфонда бутылку водки, двести граммов сала и килограмм черных сухарей. В то время я был безмерно рад такому подарку».

Этот короткий рассказ свидетельствует о характере Сахаровского: он не только не препятствовал нормальным взаимоотношениям в тяжелые годы войны, но и делал все от него зависящее, чтобы люди и в это суровое время могли отметить значительные события в своей жизни как праздники.

Сам Сахаровский, вспоминая годы, проведенные в осажденном Ленинграде, горько шутил, что ему приходилось оберегать не только людей, но и лошадей. Дело в том, что за отделом была закреплена повозка с лошадью для перевозки спецтехники. Ее охрана доставляла массу хлопот Сахаровскому и его сотрудникам, поскольку имели место неоднократные попытки «реквизировать» транспортное средство на мясо.

Сотрудники отдела Сахаровского вели борьбу с врагом достаточно эффективно. Заброшенные в тыл противника чекистские группы пускали под откос эшелоны, с риском для жизни добывали разведывательную информацию. Многие из них с благодарностью вспоминали своего боевого командира. Несмотря на постоянную занятость, он находил время для личного разговора как с сотрудниками центрального аппарата отдела, так и с теми, кому предстояло идти во вражеский тыл через линию фронта или прыгать с парашютом на партизанские костры.

Начало мирной жизни

Практически всю Великую Отечественную войну (с 23 августа 1941 года по 15 июня 1946 года) ленинградскими чекистами руководил старший майор государственной безопасности, а затем — комиссар государственной безопасности 3-го ранга и генерал-лейтенант Петр Николаевич Кубаткин.

У начальника 1-го (разведывательного) отдела УНКВД по Ленинградской области Александра Сахаровского сложились нормальные деловые отношения с Петром Кубаткиным, который ценил своего подчиненного за высокий профессионализм, разумную инициативу и всегда качественное исполнение заданий и поручений.

Можно сказать, что Кубаткин сыграл важную роль в карьере Сахаровского, о чем еще пойдет речь. А пока остановимся вкратце на биографии этого руководителя, являвшегося одним из высокопоставленных сотрудников советских органов государственной безопасности.

Петр Кубаткин родился в 1907 году в поселке Кольберовский рудник Успенского уезда Елизаветградской губернии в шахтерской семье. Русский.

Окончил четырехклассную начальную сельскую школу в селе Орехово. С 1921 года работал рудокопом, чернорабочим, шахтером-забойщиком на Кольберовском руднике, в рабочей кооперации Брянского рудника в Луганском округе. В 1927–1929 годах находился на комсомольской работе.

В сентябре 1929 года был призван в армию и направлен в пограничные войска ОГПУ. Служил красноармейцем, затем — политруком взвода. С 1930 года — помощник начальника заставы по политчасти 21-го Ямпольского пограничного отряда в Шепетовском округе. В октябре 1930 года вступил в ВКП(б).

После демобилизации Кубаткин остался служить в ОГПУ. С 1932 года работал в подразделениях госбезопасности Одесской области. В 1936 году был назначен на должность оперуполномоченного УНКВД по Одесской области с присвоением звания младшего лейтенанта госбезопасности (старший лейтенант Красной армии).

В августе 1937 года окончил специальные курсы при Центральной школе НКВД СССР и был переведен на руководящую работу в центральный аппарат НКВД. В 1939 году избран секретарем парткома ГУ ГБ НКВД СССР.

В 1940–1941 годах Кубаткин руководил УНКВД по Московской

области, а также возглавлял 3-й спецотдел НКВД СССР.

С 23 августа 1941 года старший майор госбезопасности (генерал-майор) П. Н. Кубаткин являлся начальником УНКВД по Ленинградской области и членом Военного совета Ленинградского фронта. В дни блокады Ленинграда его управление выполняло задания по обеспечению безопасности и порядка в осажденном городе. Возглавляя ленинградских чекистов, Кубаткин в 1945 году одновременно являлся уполномоченным НКВД СССР по 2-му Прибалтийскому фронту.

15 июня 1946 года генерал-лейтенант Кубаткин назначен руководителем советской внешней разведки.

В период работы в Ленинграде близко пересеклись судьбы члена Политбюро ЦК ВКП(б) и первого секретаря Ленинградского обкома партии Андрея Александровича Жданова и Петра Николаевича Кубаткина.

Для Кубаткина совместная работа со Ждановым оказалась весьма полезной. Являясь, как и Кубаткин, членом Военного совета Ленинградского фронта, Жданов был в курсе всех планов боевых операций. Функции органов государственной власти также были переданы Военному совету. Поэтому руководителю ленинградских чекистов Кубаткину приходилось едва ли не каждый день общаться со Ждановым, решая повседневно возникавшие вопросы и проблемы.

После завершения военных операций, связанных с обороной Ленинграда, Жданов получил новое назначение — секретарем ЦК ВКП(б) по идеологической работе. Кубаткин же продолжал трудиться в Ленинграде. Часто выезжал в столицу как по служебным делам, так и для участия в работе сессий Верховного Совета СССР, депутатом которого был избран по окончании войны.

После освобождения Павла Михайловича Фитина от должности начальника внешней разведки именно Жданов предложил Сталину назначить на эту должность Кубаткина. Видимо, мнение Жданова и его рекомендации сыграли свою решающую роль. В июне 1946 года генерал-лейтенант Кубаткин неожиданно для себя и для многих кадровых сотрудников внешней разведки стал начальником этого важнейшего подразделения органов государственной безопасности.

Повышение по службе не предвещало Петру Николаевичу спокойной жизни. Сотрудники внешней разведки решали первоочередные задачи, поставленные перед ними Сталиным. А задачи эти были крайне важными и сложными: речь шла о содействии советским ученым в создании ядерного оружия.

Следует также отметить, что вскоре после окончания Второй мировой

войны надежды на мирное сотрудничество с союзниками по антигитлеровской коалиции быстро улетучились. Вновь на горизонте обозначились признаки новой войны, пока что холодной. Имелись определенные трудности и в послевоенном восстановлении народного хозяйства. В такой обстановке единственную возможность для нормальной деятельности вверенной ему Службы Кубаткин видел в опоре на надежных людей. Из Ленинградского управления НКГБ^[3] СССР в центральный аппарат внешней разведки был переведен начальник одного из отделов — Андрей Красавин. Тогда же на работу во внешнюю разведку был направлен оперативный сотрудник Особого отдела НКГБ Ленинградского военного округа Алексей Крохин. На учебу в Высшую разведывательную школу МГБ СССР были направлены активный участник операций по ликвидации немецкой агентуры молодой ленинградский чекист Никита Дерябкин и некоторые другие сотрудники Ленинградского управления госбезопасности. В дальнейшем все они занимали в советской внешней разведке высокие руководящие посты. Попал в этот список и Александр Сахаровский.

К сожалению, едва Петр Николаевич начал вникать в дела разведки, как 9 сентября 1946 года последовал приказ о его освобождении от должности и переводе в резерв Управления кадров МГБ. Начальником внешней разведки Советского Союза Кубаткин проработал менее трех месяцев.

Существует ряд версий неожиданного освобождения Кубаткина от занимаемой им должности. Одна из них предполагает, что он сам подал рапорт о переводе на другую работу, не считая возможным возглавлять столь ответственный участок, поскольку не имел опыта зарубежной работы и не знал иностранных языков. С этой версией трудно согласиться прежде всего потому, что Кубаткин обладал немалым опытом организаторской работы и уже приступил к формированию коллектива высокопрофессиональных разведчиков. Кроме того, военный человек, генерал-лейтенант, награжденный орденами Ленина, Красного Знамени, Кутузова I и II степени, Трудового Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, а также почетным нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД», не мог спастись перед трудностями. Военные люди не обсуждают приказы, а выполняют их.

Если даже Кубаткин и написал рапорт об освобождении его от занимаемой должности, то это должно было быть вызвано совсем другими обстоятельствами. И таились они, скорее всего, в сфере большой политики, поскольку в это время уже раскручивалось так называемое «ленинградское

дело», подробности которого тогда не подлежали огласке. Сфабрикованные ближайшим окружением Сталина вздорные обвинения против «ленинградцев» по расколу партии, преследовавшие цель помешать их выдвижению на первые роли, привели к жестокой расправе над ленинградскими руководителями.

Конкретно об этом «деле» мы еще расскажем. А пока лишь отметим, что неожиданно снятый с должности начальника советской внешней разведки Петр Кубаткин сохранил свое место на верху чекистской служебной пирамиды. Еще был жив Андрей Александрович Жданов — член Политбюро ЦК ВКП(б) и секретарь ЦК. Именно благодаря Жданову Кубаткин оказался в Москве, и на этот раз его не тронули.

В ноябре 1946 года генерал-лейтенант Кубаткин был назначен руководителем Управления государственной безопасности по Горьковской области.

31 августа 1948 года скончался А. А. Жданов. А 30 марта 1949 года Кубаткин был уволен из органов государственной безопасности «за невозможностью дальнейшего использования» и назначен заместителем председателя Саратовского облисполкома. В июле 1949 года была получена санкция на его арест. В постановлении на арест было указано: «Работая на руководящих должностях в Ленинграде, поддерживал преступную связь с группой лиц, враждебно настроенных против партии и правительства».

27 октября 1950 года Петр Николаевич Кубаткин Военной коллегией Верховного суда СССР был приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Репрессиям подверглись и члены семьи Петра Николаевича. Его жена была осуждена на 15 лет исправительно-трудовых лагерей, а семнадцатилетний сын-студент — на десять лет.

В начале 1954 года по поручению ЦК КПСС прокуратура СССР произвела ревизию «ленинградского дела» и установила, что оно было от начала и до конца сфальсифицировано. 26 мая 1954 года Петр Николаевич Кубаткин и члены его семьи были полностью реабилитированы.

А теперь вновь вернемся в Ленинград, в первые послевоенные годы.

Постепенно военные действия перемещались все дальше от Ленинграда на запад. 9 мая 1945 года пришла Победа. Истощенные, измученные постоянным напряжением всех сил ленинградцы, как и вся страна, с удвоенным энтузиазмом трудились над восстановлением разрушенного хозяйства.

Мирный труд... Для ленинградских чекистов это понятие было относительным. В 1945–1946 годах им приходилось принимать участие в

масштабных оперативных мероприятиях в различных районах страны. А. М. Сахаровский руководил и лично участвовал в операциях по ликвидации действовавших на территории СССР резидентуры СД противника и группы вражеских разведчиков из «Абверкоманды-204». Многие недели он находился на выездах. Такая работа была сопряжена не только с трудностями, но и с большой опасностью.

Как-то раз, собираясь на несколько месяцев в отъезд, Александр Михайлович уступил просьбам жены и взял ее с собой. Взял, но вскоре был вынужден отправить обратно в Ленинград — слишком опасной была обстановка. А Вера Алексеевна и через 30 лет после этого вспоминала «ужасную стрельбу ночью вблизи от дома, где они расположились, как будто вокруг еще шла война».

В документах УНКВД того времени указывалось:

«При личном участии тов. Сахаровского в 1945–1946 годах в ряде районов Ленинградской области был вскрыт и ликвидирован ряд оставшихся в освобожденных районах резидентур противника, арестована группа лиц из состава курсантов и обслуживающего персонала разведшколы «Абверкоманда-204». Арестованные, обучавшиеся в разведшколе, предназначались для заброски на территорию Ленинградской области, а также для ведения разведки переднего края частей Красной Армии в районе города Штеттина.

За 1945–1946 годы отделом вскрыт и ликвидирован ряд диверсионных групп, а также проведена работа по выявлению и разоблачению немецких резидентур и отдельных шпионов, предателей и изменников.

Тов. Сахаровский находился в 1945 году в течение 6 месяцев в специальной командировке в составе оперативной группы в Латвии. Под руководством тов. Сахаровского были вскрыты и ликвидированы 2 группы, входившие в состав националистической организации, разоблачены 2 резидентуры, арестовано 5 сотрудников немецких разведывательных органов и ликвидированы 2 вооруженные бандгруппы».

В оперативных документах нет места для лирических отступлений. В них мы не найдем описания чувств, что охватывали чекистов в тех или иных ситуациях. Не найдем мы этого подчас и в памяти самих участников событий: с годами новые впечатления, как правило, стирают подробности прошлого. Остается же главное. А в то время главным было ощущение Великой Победы. Ленинградские чекисты, как и все советские люди, с уверенностью смотрели в будущее, направив все силы на восстановление народного хозяйства, разрушенных городов и сел. Противники же Советского государства продолжали свою тайную войну. По-разному она

называлась: «психологической», «информационной», «холодной», но суть ее была одна — подрыв основ существовавшего в СССР строя.

Глава четвертая **НА КАЧЕЛЯХ СУДЬБЫ**

*Жизнь состоит не в том, чтобы найти себя.
Жизнь состоит в том, чтобы создать себя.*

Бернард Шоу

Перевод в Москву

В 1946 году Александр Сахаровский получил назначение в Москву — в центральный аппарат МГБ СССР, и был назначен руководителем одного из подразделений внешней разведки.

Перед советской внешней разведкой после войны были поставлены новые задачи, объем которых значительно возрос, а география их решения охватывала практически весь мир. В новых условиях значимость добываемой разведкой информации возросла. Крайне важны были сведения о военно-политических планах США и Англии в отношении Советского Союза, о ходе англо-американских переговоров, касающихся действий на случай военного столкновения с СССР, о разработке планов перевооружения и создании военно-политических блоков.

Александр Сахаровский оказался на переднем крае решения этих важных задач. Однако его перевод в Центр был обусловлен, конечно же, не международными, а внутригосударственными обстоятельствами.

Напомним, что в годы войны Александр Сахаровский тесно соприкасался по службе с начальником Управления госбезопасности по Ленинградской области Петром Кубаткиным, о судьбе которого мы рассказали в предыдущей главе. Назначенный 15 июня 1946 года на должность руководителя советской внешней разведки, Кубаткин, как мы уже отмечали, пригласил на работу в Москву несколько ленинградских чекистов, в том числе и Сахаровского. Следует подчеркнуть, что Кубаткин хорошо разбирался в людях: Сахаровский со временем возглавил советскую внешнюю разведку и проработал на этой должности 16 лет, Красавин и Крохин стали генералами, Дерябкин одним из первых среди послевоенных разведчиков за конкретные результаты в работе за рубежом был награжден орденом Ленина.

Между тем, пока «ленинградцы» оформляли переводы и переезжали в Москву, Кубаткин уже 7 сентября 1946 года был назначен на другую должность. А прибывшие в столицу чекисты столкнулись не только с решением совершенно новых для них оперативных задач как по важности, так и по масштабам, но и с очередной и достаточно серьезной реорганизацией одновременно военной и внешней разведок.

Ситуация сложилась таким образом, что возникшие после войны серьезные изменения в мире потребовали совершенствования разведки, ее структуры, организации управления ее деятельностью и методов ведения

работы. В этой связи необходима была структурная перестройка одновременно военной и политической разведок. Считалось, что эта перестройка будет способствовать повышению эффективности их деятельности и поиску оптимальных форм управления в условиях нарастания конфронтационных тенденций.

В мае 1947 года заместитель председателя Совета министров СССР В. М. Молотов предложил создать при Совете министров СССР централизованный аналитический центр, который руководил бы разведывательной деятельностью за рубежом и занимался обработкой информации, поступающей в Москву по каналам внешнеполитической и военной разведок, а также от советских дипломатов в различных странах мира.

Интересно, что в годы Великой Отечественной войны в Государственном Комитете Обороны уже обсуждался вопрос объединения военной разведки и разведки органов государственной безопасности. Так, в январе 1942 года начальник Главного разведывательного управления Наркомата обороны СССР бригадный комиссар Иван Ильичев представил в ГКО на имя Георгия Маленкова и в Главное политическое управление Красной армии на имя армейского комиссара 1-го ранга Льва Мехлиса доклад с предложениями по реорганизации центрального аппарата военной разведки. В своем докладе И. И. Ильичев выступил с идеей объединения Главного разведывательного управления с соответствующим управлением НКВД. Это предложение было отклонено. В то же время для улучшения взаимодействия разведывательных органов 5 июня 1943 года постановлением ГКО было предусмотрено разграничение функций между ГРУ, разведывательным управлением НКГБ и разведкой Народного комиссариата Военно-морского флота.

Наша справка

Примерно тогда же, в 1944 году, директор Управления стратегических служб (УСС) США генерал-майор Уильям Дж. Донован предложил президенту США Франклину Рузвельту создать в стране по окончании Второй мировой войны общенациональную разведывательную организацию, приспособленную к деятельности в мирный период. Однако в связи с преждевременной смертью Рузвельта эта идея не была реализована.

В январе 1946 года Донован добился от нового президента США Гарри Трумэна решения о создании Центральной разведывательной группы (ЦРГ), призванной координировать деятельность всех подразделений

американских разведывательных служб. Несколько позже, в начале 1947 года, Трумэн включил этот вопрос в Закон о национальной безопасности США. В сентябре 1947 года закон был принят, и Центральная разведывательная группа была преобразована в Центральное разведывательное управление (ЦРУ), подчиненное непосредственно президенту США и проводящее как открытую разведывательную деятельность, так и тайные операции.

Таким образом, в США появилось единое разведывательное сообщество во главе с ЦРУ, директор которого, возглавляя это суперведомство, одновременно являлся координатором всей разведывательной системы Соединенных Штатов.

В 2011 году в Москве были изданы мемуары Аллена Даллеса «Доктрина: Россию надо поставить на место!». Автор мемуаров в годы Второй мировой войны возглавлял резидентуру УСС в Берне. Сменивший Гарри Трумэна на посту президента США Дуайт Эйзенхауэр назначил Даллеса в 1953 году главой ЦРУ, которым он руководил по 1961 год.

Один из самых известных директоров ЦРУ США в своей книге подчеркивает, что в конце 1940-х годов руководство США считало, что война с СССР на пороге...

По словам Даллеса, в умах большинства сотрудников этого разведывательного ведомства на сей счет не было никаких сомнений: «Враг — Советский Союз, советская цель — наша миссия. Мы профессионально и эмоционально посвятили себя только этой задаче. Мы рассматривали себя такими же участниками американского крестового похода против Сталина, как и против Гитлера».

В этой атмосфере директор ЦРУ разработал доктрину всеохватывающей борьбы против Советского Союза. ЦРУ, по мнению Даллеса, должно было осуществлять тайные разведывательные операции против нашей страны. Позже для этих целей в американском ведомстве «рыцарей плаща и кинжала» было создано специальное подразделение под кодовым названием «ZR RIFLE». Кроме того, ЦРУ активно занималось программой по испытанию химических и биологических средств для оказания воздействия на человека и контроля за его поведением.

Кстати, в интересном предисловии к книге, подготовленном видным военным специалистом Р. Горевым, рассказывается о том, как у сотрудников американской разведки появился упомянутый выше «рыцарский» титул. Как уже отмечалось, в январе 1946 года президент США Гарри Трумэн создал на руинах действовавшего под руководством генерала Уильяма Донована с 1942 года Управления стратегических служб

централизованную разведывательную службу во главе со Штабом национальной разведки. В качестве исполнительного органа при штабе была образована Центральная разведывательная группа (ЦРГ), которую возглавил контр-адмирал Сидней Соуэрс. На «крестинах» ЦРГ Трумэн вручил ее руководителям символические черные шляпы, плащи и кинжалы, титуловав их «рыцарями плаща и кинжала». В 1947 году в Соединенных Штатах был принят Закон о национальной безопасности, по которому ЦРГ была преобразована в Центральное разведывательное управление (ЦРУ), а средства массовой информации сохранили за его сотрудниками и «рыцарский» титул.

По мнению бывшего американского разведчика номер один, основной задачей ЦРУ всегда была борьба с советской угрозой — по всему миру. При этом все содержание мемуаров Даллеса свидетельствует о необходимости ведения тотальной разведки, так как «жизненно важные интересы США могут в любое время оказаться под угрозой практически в любом районе земного шара», ибо «ареной противостояния является весь мир».

Рассказывая об истории создания ЦРУ, автор подчеркивает, что одной из особенностей его структуры явилось объединение всех видов секретной деятельности под одной крышей и одним руководством. До этого американские разведывательные службы для проведения операций в области шпионажа и контрразведки имели разные отделы и органы для политической или психологической войны. По словам Даллеса, «ЦРУ отказалось от такого деления, часто ведущего к тому, что правая рука не знает, что делает левая».

Все указанные выше действия по реорганизации американских спецслужб были хорошо известны В. М. Молотову как министру иностранных дел. Он опасался, что их объединение может дать реформированным спецслужбам США определенные преимущества перед аналогичными советскими органами.

Проект реформирования советских разведывательных органов, который Молотов считал достойным ответом советского руководства на создание в США единого разведывательного сообщества, был рассмотрен специально созданной комиссией ЦК ВКП(б).

Памятуя о том, что в советской внешней разведке до 1943 года не было информационно-аналитического подразделения, призванного выявлять крупницы достоверной информации из общего потока разнообразных разведывательных сведений, включая дезинформационные, Сталин

одобрил предложение своего ближайшего соратника и дал «добро» на создание Комитета информации.

30 мая 1947 года Совет министров СССР принял постановление о создании Комитета информации (КИ) при Совете министров СССР, на который возлагались задачи политической, военной и научно-технической разведки. В результате разведывательные службы Министерства государственной безопасности и Министерства обороны были объединены.

Новый разведывательный орган возглавил В. М. Молотов, бывший в то время заместителем председателя Совета министров СССР и одновременно министром иностранных дел. В своей записке Сталину он следующим образом определил задачи Комитета информации: «Срывать маски с антисоветской деятельности иностранных кругов, влиять на общественное мнение в других странах, контролировать антисоветски настроенных политиков в иностранных правительствах».

Заместителем Молотова, который занимался участком внешней разведки, был назначен опытный чекист, в прошлом руководивший работой разведывательных и контрразведывательных подразделений Министерства госбезопасности, Петр Васильевич Федотов. Заместителями председателя Комитета информации стали также заместитель министра иностранных дел Яков Александрович Малик и от Министерства обороны — руководитель советской военной разведки Федор Федорович Кузнецов. Все они представляли в Комитете информации интересы своих ведомств.

Для руководства разведывательными аппаратами за рубежом в КИ был введен так называемый институт Главных резидентов, которыми, как правило, назначались послы или посланники. Первым таким Главным резидентом стал бывший сотрудник И НО НКВД Александр Семенович Панюшкин. С ноября 1947-го по июнь 1952 года он был послом СССР в США, являясь одновременно Главным резидентом внешней разведки в этой стране.

Однако время показало, что объединение столь специфичных по методам деятельности военной и внешнеполитической разведок в рамках одного органа при всех преимуществах затрудняло процесс управления их работой. Уже в январе 1949 года правительство приняло решение о выведении из Комитета информации военной разведки и возвращении ее в Министерство обороны.

В феврале 1949 года В. М. Молотов покинул пост министра иностранных дел. Комитет информации был передан под эгиду МИДа СССР. Его руководителем стал новый министр иностранных дел Андрей Януарьевич Вышинский. Руководителем КИ он оставался недолго. В том

же 1949 году председателем Комитета информации был назначен заместитель министра иностранных дел Валериан Александрович Зорин. Его первым заместителем, ответственным за работу внешней разведки, стал Сергей Романович Савченко, до этого возглавлявший Министерство государственной безопасности Украины.

В ноябре 1951 года правительство приняло решение об объединении внешней разведки и внешней контрразведки, которые до этого действовали по большей части самостоятельно, под руководством Министерства государственной безопасности и о создании за границей единых резидентур. Комитет информации при МИДе СССР перестал существовать. Внешняя разведка стала Первым главным управлением Министерства государственной безопасности СССР.

В период деятельности Комитета информации Александру Сахаровскому пришлось неоднократно выезжать в многомесячные оперативные командировки за границу: в Финляндию, Грецию, Турцию и Болгарию. Он приобрел опыт выполнения серьезных специальных оперативных заданий за рубежом. С поставленными перед ним задачами успешно справлялся, о чем свидетельствовали характеристики за тот период. В одной из них подчеркивалось: «Во время спецкомандировок за границу правильно решал поставленные перед ним задачи, умело руководил агентурой в деле оказания влияния на общественно-политические круги в нужном СССР направлении».

В декабре 1948 года Сахаровскому было присвоено звание полковника, а в 1951 году он был награжден орденом Красной Звезды.

Работа в центральном аппарате внешней разведки также вызывала у Александра Михайловича полное удовлетворение. В то же время его настораживали некоторые моменты, имевшие место непосредственно «в конторе».

Так, в первые послевоенные годы из разведки были уволены опытнейшие сотрудники: генерал-лейтенант Павел Фитин, генерал-майоры Гайк Овакимян и Василий Зарубин, полковники Константин Кукин, Георгий Мордвинов, подполковники Семен Семенов и Елизавета Зарубина. По «делу о сионистском заговоре в МГБ» были арестованы и провели около двух лет в заключении генерал-лейтенант Михаил Белкин, генерал-майор Наум Этингон, полковники Лев Василевский и Норман Бородин, видные разведчики-нелегалы Борис Афанасьев и Владимир Правдин.

Особую тревогу у Александра Сахаровского вызывала судьба людей, которых он лично хорошо знал, работая с ними в Ленинграде, и которые оказались связаны с так называемым «ленинградским делом».

«Ленинградское дело»

В наши дни под термином «ленинградское дело» подразумевается серия судебных процессов, состоявшихся в конце 1940-х — начале 1950-х годов над группой ленинградских партийных и советских деятелей, часть из которых оставалась после Великой Отечественной войны на высоких руководящих должностях в городе и области, а другие были выдвинуты на высокие посты союзного масштаба.

Жертвами «ленинградского дела» стали: секретарь ЦК ВКП(б) Алексей Кузнецов; первый секретарь Ленинградского обкома партии Петр Попков; председатель Госплана СССР Николай Вознесенский; председатель Ленгорисполкома Петр Лазутин; председатель Совета министров РСФСР Михаил Родионов; первый секретарь Ярославского обкома ВКП(б) Иосиф Турко; второй секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) Яков Капустин; управделами Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) Филипп Михеев и ряд других ответственных партийных и советских руководителей.

Отправной точкой этого процесса стала скоропостижная смерть Андрея Александровича Жданова, члена Политбюро ЦК ВКП(б), последовавшая 31 августа 1948 года. С 15 декабря 1934 года по 17 января 1945 года он являлся первым секретарем Ленинградского обкома и горкома партии, был одним из близких товарищей Сталина, пользовался у него полным доверием и активно поддерживал молодых ленинградских активистов, которые после войны стали выдвигаться на высокие партийные и государственные посты.

Так, Жданов способствовал переводу в Москву и назначению на должность начальника Управления кадров ЦК ВКП(б) Алексея Кузнецова, который сменил его на посту первого секретаря Ленинградского обкома и горкома партии. Именно Кузнецова, по воспоминаниям Анастаса Микояна, Сталин рассматривал как кандидатуру на пост генерального секретаря ЦК ВКП(б) после своей смерти. Одновременно Сталин продвигал еще одного «ленинградца» — Николая Вознесенского, доктора экономических наук, который в середине 1930-х годов работал в исполкоме Ленгорсовета.

С первого взгляда причина раскручивания «ленинградского дела», как сейчас представляется, выглядела довольно банальной. Входившие в близкое окружение Сталина Маленков, Хрущев и некоторые другие функционеры почувствовали, что их могут оттеснить от вождя молодые

руководители нового поколения — Кузнецов, Вознесенский, Родионов и другие. К тому же сам Сталин проявлял к ним повышенное внимание.

Основным поводом для заведения «ленинградского дела» послужило обвинение руководителей ленинградской партийной организации в подтасовке результатов выборов нового партийного руководства области и города в ходе конференции, состоявшейся в Ленинграде в декабре 1948 года. Это обвинение было выдвинуто против них секретарем ЦК ВКП(б) Георгием Маленковым после того, как в ЦК ВКП(б) поступило анонимное письмо. В нем сообщалось, что, хотя в отдельных бюллетенях фамилии секретарей Ленинградского обкома и горкома партии Петра Попкова, Якова Капустина и Георгия Бадаева были вычеркнуты (два-три голоса «против»), счетная комиссия объявила на конференции, что эти люди прошли единогласно.

Хотя причастность руководителей ленинградской партийной организации к искажению итогов выборов не была доказана, 15 февраля 1949 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято постановление «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) тов. Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М. И. и Попкова П. С.». Этим постановлением они были сняты с занимаемых постов, им было объявлено партийное взыскание — выговор.

21 февраля 1949 года Маленков с группой работников ЦК ВКП(б) прибыл из Москвы в Ленинград и в ходе закрытого заседания Ленинградского обкома и горкома принялся добиваться от партийных руководителей признания в том, что в Ленинграде существовала враждебная антипартийная группировка, попытавшаяся провести в руководящие партийные органы своих представителей. Маленкову удалось склонить некоторых партийных функционеров к признанию, что в ходе выборов «имели место отдельные недостатки».

Чтобы и дальше раскручивать «ленинградское дело», к расследованию о нарушениях в ходе выборов была притянута история с подготовкой и проведением в Ленинграде Всесоюзной оптовой ярмарки, которую, по просьбе руководителей города, официально курировал Вознесенский. Всесоюзная ярмарка прошла 10–20 января 1949 года с большим успехом. Однако, по мнению Маленкова, при ее организации были допущены серьезные нарушения. В частности, она якобы состоялась «без ведома и в обход ЦК и правительства». Заявления относительно имевших место устных договоренностей на всех уровнях, так как письменные согласования заняли бы много времени и могли неизбежно привести к порче продукции, в оправдание не принимались.

Сейчас, по прошествии времени, становится очевидным, что все эти претензии к руководителям ленинградских коммунистов прикрывали другое серьезное обвинение в их адрес, о котором в то время старались открыто не говорить.

Дело в том, что в конце 1940-х годов из Ленинградского обкома партии и ее первичных партийных организаций в ЦК ВКП(б) все чаще стали поступать предложения по созданию Российской коммунистической партии со своим ЦК и центром в Ленинграде. Как мы помним, Российская Федерация являлась единственной союзной республикой в составе СССР, которая не имела своей коммунистической партии. Одновременно предлагалось перевести в город на Неве из Москвы Совет министров РСФСР и ряд основных республиканских министерств.

Создание такой партии в противовес всесоюзной, по мнению функционеров ЦК, могло представлять серьезную угрозу центральному партийному руководству и являлось проявлением сепаратизма. И с этим необходимо было бороться.

Заслушав отчеты Маленкова, Политбюро ЦК ВКП(б) незамедлительно приняло резолюцию, которая обязывала ленинградскую партийную организацию «навести порядок в своих рядах». Этим же постановлением ряд руководящих партийных работников областной и городской партийных организаций были смещены со своих постов.

С июля 1949 года начались аресты партийных и советских руководителей Ленинграда. Виктор Абакумов и работники возглавляемого им МГБ сфабриковали ряд материалов, обвиняя Кузнецова, Родионова, Попкова и руководителей ленинградской областной партийной организации в контрреволюционной деятельности. 21 июля 1949 года Абакумов направил Сталину записку, в которой сообщал, что Капустин подозревается в связи с английской разведкой и что эти материалы по указанию бывшего начальника ленинградского областного управления МГБ генерал-лейтенанта Кубаткина хотели уничтожить. Последовало указание об аресте Капустина и Кубаткина. Несмотря на то что Капустин формально был арестован по подозрению в связи с английской разведкой, с первых дней ареста допросы велись на тему существования в Ленинграде антипартийной группы. В результате применения незаконных методов следствия от Капустина были получены «признательные» показания.

Информация о снятии с работы, привлечении к партийной и уголовной ответственности функционеров высокого ранга, о судебных процессах в прессе не публиковалась.

Как известно, Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1947

году в Советском Союзе была отменена смертная казнь. Но уже в ходе следствия по «ленинградскому делу» 12 января 1950 года смертная казнь была восстановлена по отношению к «изменникам Родины, шпионам и подрывникам-диверсантам».

29—30 сентября 1950 года в Ленинграде в Доме офицеров на Литейном проспекте состоялся процесс над «ленинградцами».

1 октября в два часа ночи и спустя один час после оглашения приговора Вознесенский, Кузнецов, Родионов, Попков, Капустин и Лазутин были расстреляны. Остальных осудили на длительное тюремное заключение.

После расправы над «центральной группой» состоялись судебные процессы, на которых были вынесены приговоры остальным лицам, проходившим по «ленинградскому делу». В частности, в Москве были расстреляны 20 человек.

Всего были осуждены 214 человек, из них 69 — основных обвиняемых и 145 — из числа близких и дальних родственников.

30 апреля 1954 года Верховный суд СССР пересмотрел «ленинградское дело» и реабилитировал лиц, проходивших по нему. А 3 мая Президиум ЦК КПСС принял окончательное постановление «О деле Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других», в котором отмечалось, что «Абакумов и его сообщники искусственно представляли их действия как действия организованной антисоветской изменнической группы и избиениями и угрозами добились вымышленных показаний арестованных о создании якобы ими заговора».

К счастью, «ленинградское дело» не затронуло Сахаровского. Во-первых, в эти наиболее напряженные годы он большую часть времени находился в командировках за рубежом, а в 1950 году выехал в долгосрочную заграничную командировку. Во-вторых, Петр Кубаткин, с которым Сахаровский работал в Ленинграде, был арестован и осужден не непосредственно по «ленинградскому делу», а за «преступное бездействие, выразившееся в недоносительстве». Но всего этого в то время Сахаровский знать не мог.

Тем не менее в 1976 году в одном из интервью, отвечая на вопросы журналиста о своей работе в послевоенный период, Александр Михайлович подчеркнул: «... было нелегко. Особенно в 1950-х годах». И в эти несколько слов уложились и трудности работы тех дней, и нервное напряжение, связанное с указанными выше событиями.

Командировка в Румынию

Смена власти в послевоенной Румынии имела свои особенности. Король Румынии Михай 23 августа 1944 года неожиданно изменил политические ориентиры. С помощью демократических политиков и коммунистов он арестовал военного диктатора маршала Иона Антонеску, заключил соглашение с Советским Союзом и объявил войну Германии. Румынию оккупировала Красная армия, и было создано правительство Национального фронта под руководством буржуазного политика Николае Рэдеску. В этом правительстве коммунисты, которых до войны в руководящих кругах Румынии практически не было, заняли несколько важных постов. Рэдеску выступал против коммунистической агитации, и поэтому король Михай был вынужден его заменить на «более гибкого» Петру Гроза. Это произошло 6 марта 1945 года, а в августе 1946 года король попытался сместить Петру Гроза. Однако Гроза отказался уйти в отставку и просто игнорировал решение короля. В декабре 1947 года король Михай был вынужден отречься от престола. Румынские коммунисты добились единовластия, и была провозглашена Румынская Народная Республика.

В первых числах ноября 1949 года Георге Георгиу-Деж обратился к Сталину с просьбой прислать советников по вопросам госбезопасности. 9 ноября на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было решено удовлетворить просьбу румынских товарищей. В Бухарест за подписью Сталина была направлена телеграмма, в которой сообщалось, что «в связи с Вашей просьбой прислать в Румынию работников для оказания помощи в разоблачении агентуры иностранных разведок к Вам будут направлены для этой цели работники МГБ СССР гг. Сахаровский и Патрикеев».

В беседах Сахаровского с руководством Комитета информации при МИДе СССР при решении вопроса о его командировании в эту страну шла речь о глубине и масштабах политического и экономического сотрудничества СССР и Румынии, о том, что укрепление позиций демократического правительства страны вызвало ожесточенное сопротивление королевского двора и буржуазно-помещичьих кругов. Большое внимание было уделено позиции Англии и США в вопросе послевоенного устройства Румынии, а также их конкретной деятельности, направленной на ослабление влияния в стране Советского Союза. В частности, Москве было известно, что английская разведка еще с

довоенного периода имела в Румынии широкую агентурную сеть и по окончании войны возобновила ее активное использование.

Руководство Комитета информации в беседе с Сахаровским прямо заявило, что работа в Румынии будет нелегкой. Оформление и вся подготовка к командировке велись в сжатые сроки, поскольку решение о направлении советников принималось лично Сталиным.

Уже тогда было ясно, что аппарат советников при органах безопасности Румынии потребуется расширить, и оформление Сахаровского велось одновременно с подбором советников по разведке, контрразведке, по линиям экономического, следственного и особого отделов.

Следует отметить, что ускоренное политическое сближение Румынии с Советским Союзом после отречения короля от престола и провозглашения Народной Республики, объединение коммунистической и социал-демократической партий в Румынскую рабочую партию и ее превращение, по существу, в единственную правящую партию изменило агентурно-оперативную обстановку в стране.

Все это хорошо понимал Александр Михайлович и с удвоенной энергией искал пути активизации и совершенствования форм и методов работы, изучал исторический опыт деятельности румынских спецслужб. Его подготовленность к работе в Румынии сразу оценили будущие советники, когда он собрал их в начале 1950 года перед направлением в Румынию. Одним из таких советников был М. И. Филимонов.

Михаил Иванович Филимонов родился 8 ноября 1912 года в селе Ново-Кирсановка Грибановского уезда Воронежской волости.

После окончания школы работал на производстве, был горным мастером. Затем окончил Институт сельскохозяйственного машиностроения и в 1939 году стал слушателем Центральной школы НКВД. С 1 марта 1941 года — начальник отделения в НКВД БССР.

С первых дней Великой Отечественной войны участвовал в разведывательно-диверсионных операциях в тылу врага. После освобождения Белоруссии от фашистских захватчиков с 1944 по 1946 год являлся заместителем начальника УНКГБ по Гомельской области. В 1947 году стал начальником одного из отделов МГБ БССР.

В дальнейшем был переведен в центральный аппарат МГБ СССР, работал во внешней разведке. Выезжал в длительные заграничные командировки, в том числе в Румынию. Работал в центральном аппарате ПГУ КГБ СССР на руководящих должностях. Награжден многими орденами и медалями.

Одному из авторов удалось встретиться и побеседовать с Михаилом

Ивановичем Филимоновым. Вот что он рассказал о совещании у Сахаровского в 1950 году перед отъездом в Румынию и о своей работе с ним:

«Это была наша первая встреча. До этого мне не приходилось общаться с Александром Михайловичем. Сначала он познакомился с каждым из нас, чтобы определить участок работы, а затем перешел к особенностям нашей деятельности в Румынии. Сахаровский предупредил, что советническая работа значительно отличается от агентурной. Встречи с высокими правительственными чиновниками должны носить полуофициальный характер. Румынские политические деятели должны расценивать контакты с нами как естественную составную часть советско-румынского сотрудничества. Что касается руководителей спецслужб Румынии, то они должны видеть в нас старших и более опытных коллег, встречи с которыми следует использовать не только для взаимной передачи информации, но и для оказания помощи в решении оперативных вопросов.

Александр Михайлович остановился даже на особенностях национального характера румын, образе их мышления и линии поведения в отношениях друг с другом и с иностранцами. Он подчеркнул, что румыны проявляют склонность к национализму, крайне болезненно воспринимают высокомерное, а тем более пренебрежительное отношение к своей нации, своему государству и к себе лично. Они не терпят давления, с какой бы стороны оно ни исходило — от врагов или друзей. При этом следует учитывать, что румын, особенно достигший заметного служебного и общественного положения, — это довольно сложный по своему менталитету человек. Излишне энергичные и настойчивые попытки побудить его к откровенности, вызвать на разговор по душам могут дать обратный эффект и серьезно осложнить дальнейшее развитие отношений.

В заключение беседы Сахаровский призвал руководствоваться основополагающим правилом: оперативный работник должен хорошо усвоить румынские быт, нравы, традиции и обычаи, национальные особенности, нормы поведения и правила, устоявшиеся формы их проявления, адаптироваться к ним. Важно помнить, что уважительное отношение к партнеру вызывает позитивную реакцию, а следовательно, способствует решению поставленных перед нами задач.

Таким образом, уже на первом инструктаже мы поняли, что с таким руководителем нам будет легче работать, поскольку он стремится поставить перед подчиненными реальные задачи и облегчить их выполнение.

Оформление в командировку было экстренным, поэтому в первый

период мы находились в стране без семей. Жили в отдельном особняке все вместе. Работали по шесть дней в неделю, часто до двух-трех часов ночи. За общим ужином обсуждали проблемы текущего дня, приглашая иногда и румынских товарищей. А потом, когда они уходили, намечали план на следующий день. Каждый из советников докладывал Сахаровскому обстановку на вверенном ему участке, и совместно договаривались о работе на перспективу.

Являясь лидером по натуре, Сахаровский заботился и об активном досуге советников: здесь практиковались выезды на рыбалку, охоту, на дачу посольства, посещение памятников культуры и исторических мест, театров и концертов. Может быть, это и не всем нравилось — ведь не каждый любит охоту или рыбалку, но от коллектива не отрывались. На охоте Александр Михайлович сам расставлял советников по номерам, следя за тем, чтобы они случайно не подстрелили друг друга. Надо сказать, что Румыния в то время была сравнительно бедной страной, там действовала карточная система, запрещалось ношение оружия. Недостаток промышленных товаров первой необходимости, а также предметов питания неизбежно вел к невиданной спекуляции ими, стремительному росту цен, к снижению жизненного уровня населения, особенно городского.

Сахаровский понимал, что в условиях существовавшей тогда внутренней и международной обстановки осуществить переход на новые социально-политические рельсы только собственными силами в небольшой стране с полуфеодальными пережитками и предельно слабой и истощенной экономикой прогрессивным силам Румынии практически нереально. Этого можно было добиться только при мощной поддержке Советского Союза. И Александр Михайлович делал все возможное для укрепления доверия спецслужб Румынии к аналогичным службам СССР. Но уже в ноябре 1952 года его отозвали в Москву».

В Москве следующим образом оценили работу Сахаровского в Румынии: «Во время командировки правильно решал поставленные перед ним задачи, умело руководил агентурой по оказанию влияния на общественно-политические круги страны в нужном СССР направлении. Работая советником МГБ СССР при органах безопасности Румынии, тов. Сахаровский оказал значительную помощь в организации деятельности этих органов. При его участии румынские спецслужбы вскрыли и ликвидировали ряд резидентур американской и английской разведок, а также сионистских и других подпольных организаций, активно действовавших на территории Румынской Народной Республики».

С тяжелой душой возвращался Сахаровский в Москву. Совесть его

была чиста: он добросовестно выполнял свои обязанности, был награжден орденом, ему удалось укрепить авторитет советских спецслужб в руководящих кругах Румынии. Но он был в курсе и судьбы своего начальника по Ленинграду Петра Кубаткина.

В центральном аппарате разведки

В ноябре 1952 года Сахаровский прибыл в Центр и был направлен в распоряжение Управления кадров МГБ СССР. Последовали четыре месяца неопределенности и ожидания.

Смерть И. В. Сталина внесла большие перемены в деятельность органов государственной безопасности. На состоявшемся 5 марта 1953 года совместном заседании Президиума Верховного Совета СССР, Совета министров СССР и ЦК КПСС было решено объединить МГБ и МВД в одно министерство: МВД СССР. В этот же день новым начальником советской внешней разведки стал генерал-лейтенант Василий Степанович Рясной, являвшийся до этого заместителем министра госбезопасности СССР.

Приказом МВД СССР № 002 от 14 марта 1953 года была утверждена структура МВД, согласно которой внешняя разведка вошла в МВД как Второе главное управление (ВГУ). А ее главной задачей являлось «ведение разведывательной и контрразведывательной работы против капиталистических стран». Через несколько дней, 17 марта, был объявлен приказ о назначении Александра Михайловича Сахаровского заместителем начальника Второго главного управления МВД СССР и одновременно начальником его 12-го отдела.

Существуют разные версии по поводу непродолжительного пребывания Сахаровского в Румынии как старшего Группы советников.

Первая версия строится на том, что он был отозван по просьбе Георгиу-Дежа. Возможно, в этом есть некоторый резон, поскольку Сахаровский быстро завоевывал авторитет в среде руководящих работников и сотрудников спецслужб Румынии, а Георгиу-Деж делал ставку на собственные силы и не хотел терять сугубо партийное и собственное влияние на органы госбезопасности. Высокий профессионализм и хорошие личные отношения между Георгиу-Дежем и Сахаровским играли здесь второстепенную роль.

Вторая версия базируется на внутренних проблемах наших органов госбезопасности. В 1950 году был расстрелян Кубаткин, который привел группу ленинградских чекистов в центральный аппарат внешней разведки. У власти в тот момент еще находились люди, свершившие «скорый и неправый суд» по «ленинградскому делу». Дамоклов меч висел еще над головами бывших ленинградских чекистов, и их присутствие в стране было, видимо, необходимо для возможного нового «дела».

И третья версия, как нам представляется, — основная: у руководства органов государственной безопасности и внешней разведки менялись взгляды на роль советников в странах народной демократии в том виде, в котором она осуществлялась в начале 1950-х годов.

После смерти Сталина к руководству в МВД пришел Берия, который сразу же подверг резкой критике деятельность разведки в послевоенные годы и начал энергично заниматься ее перестройкой. По указанию Берии Рясной вызвал в Москву основных резидентов разведки, чтобы поставить перед ними новые задачи. Особое внимание он уделил руководителям советнических групп советских органов госбезопасности в странах народной демократии. Им даже устроили проверку на знание иностранных языков. Берия хотел, чтобы советники свободно владели языком страны пребывания и могли беседовать с руководителями секретных служб и лидерами государств без переводчиков. Он также считал, что советники не должны вмешиваться во внутренние дела стран, в которых они работали, и не давать рекомендаций в ситуациях, которые возникали в результате внутренней борьбы представителей правящих кругов того или иного государства.

Вскоре Берия потерял интерес к Рясному. Он больше доверял своему первому заместителю Кобулову, который в то время по линии МВД курировал внешнюю разведку. А оперативными делами разведки занимался кадровый и проверенный в сложных ситуациях полковник Александр Коротков, являвшийся в то время, как и Сахаровский, заместителем Ряснова. После снятия последнего с должности, Коротков с 28 мая по 17 июля 1953 года исполнял обязанности начальника советской внешней разведки. Именно в этот период, 5 июня, Коротков «отправил» Сахаровского служить в Первое (контрразведывательное) управление МВД СССР, причем со значительным понижением: на должность заместителя начальника отдела (видимо, почувствовал в Сахаровском серьезного конкурента). Однако официальным руководителем разведки Коротков так и не стал.

26 июня 1953 года в кремлевской борьбе за власть, наметившейся после смерти Сталина, была поставлена точка. В этот день на заседании Президиума ЦК был арестован Берия и обвинен в шпионаже в пользу западных держав, попытке ликвидации Советского государства и установления власти буржуазии.

17 июля приказом МВД СССР № 677 новым начальником советской внешней разведки был назначен опытнейший разведчик Александр Семенович Панюшкин. Это назначение сыграло важную роль в

дальнейшей судьбе Сахаровского.

Биография Панюшкина чем-то напоминает биографию самого Сахаровского. Родился он в Самаре в 1905 году в семье рабочего-слесаря. В 15 лет пошел работать, в 17 лет вступил в комсомол. В 19 лет по путевке губкома комсомола был направлен учиться в Ленинградскую кавалерийскую школу РККА, которую окончил в 1927 году и был определен на службу в пограничные войска ОГПУ на Дальний Восток. В 1935 году Панюшкин поступил учиться в Военную академию РККА имени Фрунзе, которую окончил в 1938 году. Затем работал в центральном аппарате НКВД. За успешную работу был награжден знаком «Почетный чекист».

В июле 1939 года Панюшкина командируют в Китай в качестве уполномоченного Совета народных комиссаров СССР по реализации торгового соглашения с этой страной. В том же месяце он назначается Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Китае и работает в этой должности до осени 1944 года. Одновременно является там же главным резидентом НКВД. По возвращении в Москву становится первым заместителем заведующего отделом международной информации ЦК ВКП(б). После создания единого разведывательного аппарата — Комитета информации при Совете министров СССР, Панюшкин возвратился на руководящую работу во внешнюю разведку. Здесь и пересеклись пути Александра Семеновича и Александра Михайловича.

Служба в пограничных войсках приучила Панюшкина к воинской дисциплине, собранности, требовательности. По работе в Китае он характеризовался как самоотверженный, целеустремленный и деятельный работник, тонкий дипломат, хороший организатор и умелый руководитель, чуткий и внимательный товарищ.

Все эти качества он сумел разглядеть и в Сахаровском во время их совместной работы. Политическая информация Сахаровского, выезжавшего тогда в командировку в Финляндию, докладывалась Панюшкиным Молотову. После возвращения Сахаровского из командировки они вместе готовили для доклада Молотову некоторые информационные материалы.

Панюшкин требовал от подчиненных тщательности в работе над информационными документами. Лаконизм, четкость формулировок, максимальная достоверность фактов, ясность и краткость выводов — вот что ценил в документах Панюшкин и что находил в материалах, подготовленных Сахаровским. Ему нравилось, что Александр Михайлович тщательно взвешивал каждый вывод, каждую рекомендацию, не

перегружал текст мелкими частностями, деталями, а главное внимание концентрировал на ключевых проблемах, острых ситуациях.

Позднее, когда Александр Семенович возглавил внешнюю разведку, его стиль руководства оказал благотворное влияние на организацию ее работы.

Узнав после своего назначения начальником внешней разведки о том, что Сахаровский переведен прежним руководством МВД в контрразведку, Панюшкин добился восстановления его в должности своего заместителя.

«Мне довелось работать вместе с Александром Семеновичем Панюшкиным три года, — вспоминал Александр Михайлович. — Это был обаятельный человек, опытный руководитель, прошедший большую школу партийно-политической работы. Как политический работник он хорошо знал, какая информация нужна директивным органам. При Александре Семеновиче мы начали перестройку информационной работы, у нас укрепились хорошие деловые и товарищеские отношения в коллективе внешней разведки. Все это положительно влияло на повышение результативности в работе».

В марте 1954 года пленум ЦК КПСС принял развернутое решение о путях улучшения деятельности органов госбезопасности, кардинальной перестройке их работы, искоренении применявшихся ранее незаконных методов, об опоре на общественность, о подконтрольности государственным и партийным органам. Тогда же решением правительства был образован Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР. Внешняя разведка вошла в его состав как Первое главное управление (ПГУ КГБ при СМ СССР).

Важное для разведки значение имело решение ЦК КПСС от 30 июня 1954 года «О мерах по усилению разведывательной работы органов государственной безопасности за границей». Было предложено сосредоточить усилия на организации разведки в главных странах Запада — США и Англии, а также на «используемых ими для борьбы против Советского Союза странах, в первую очередь Западной Германии, Франции, Австрии, Турции, Иране, Пакистане и Японии». Таков в то время был перечень приоритетов, определенных руководством страны.

Совет министров утвердил положение о Первом главном управлении КГБ, которое закрепляло его право на ведение разведывательной деятельности за рубежом, определяло структуру внешней разведки, ее функции, задачи, штатный состав. Соответствующим ведомствам было вменено в обязанность выделить должности прикрытия как за границей, так и внутри СССР, оказывать содействие, строго соблюдать требования

конспирации.

Принятые в 1954 году нормативные документы долгие годы служили основной правовой базой работы внешней разведки.

23 июня 1955 года Александр Семенович Панюшкин становится председателем комиссии ЦК КПСС по выездам за границу. В этот же день Александр Михайлович Сахаровский назначается первым заместителем начальника ПГУ КГБ при СМ СССР и одновременно становится исполняющим обязанности руководителя внешней разведки. Девять с половиной месяцев Сахаровский исполнял эти обязанности и только 12 мая 1956 года окончательно был утвержден в должности начальника советской внешней разведки.

Глава пятая

НАЧАЛЬНИК ПГУ КГБ ПРИ СМ СССР

*Самое трудное искусство —
это искусство управлять.*

Карл Вебер, композитор и дирижер

Сахаровский и председатели КГБ

В предыдущей главе мы подробно остановились на оперативной деятельности Сахаровского в период с 1946 по 1955 год. Это были сложные для него годы, в ходе которых после перевода в Москву Сахаровский сменил семь должностей в центральном аппарате органов государственной безопасности, выезжал в ряд европейских стран для решения ответственных оперативных задач, находился в долгосрочной заграничной командировке, по результатам которой был отмечен очередным орденом.

К середине 1950-х годов в Советском Союзе завершилась эпоха Сталина с ее достижениями, победами и политическими репрессиями. Начался период правления Никиты Сергеевича Хрущева и его сторонников, которые определяли развитие советского общества до октября 1964 года.

7 сентября 1953 года Н. С. Хрущев был избран первым секретарем ЦК КПСС (напомним, что XIX съезд партии, открывшийся в Москве 5 октября 1952 года, переименовал ее название из ВКП(б) в КПСС). Новое руководство страны приступило к очередной реорганизации органов государственной безопасности.

Так, 13 марта 1954 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР». Хрущев не хотел усиления чекистского ведомства, поэтому оно не стало министерством, а получило статус госкомитета.

Первым председателем КГБ при СМ СССР в тот же день был назначен генерал-полковник Иван Александрович Серов, один из наиболее близких соратников Н. С. Хрущева. Об их отношениях сын последнего Сергей Хрущев позже писал:

«Они познакомились до войны, когда Серов являлся наркомом внутренних дел Украинской ССР... Отцу Серов нравился... Вел себя, насколько это было возможно в тех условиях, по отношению к отцу корректно, не «ябедничал» на него поминутно в Москву, а это дорогого стоило... Потом война надолго развела отца с Серовым... После войны он на Украину не вернулся... Вновь они повстречались с отцом только в 1950 году в Москве, и шапочно. Серов, первый заместитель министра внутренних дел СССР, по делам службы с отцом не пересекался. Отношения восстановились, точнее, заново возникли, только после ареста

Берии. Отец посчитал, что Серову можно доверять, и не ошибся».

Летом 1954 года состоялось всесоюзное совещание руководящего состава органов и войск КГБ. Перед участниками совещания с большой речью выступил Хрущев. Руководству КГБ было предписано «в кратчайший срок ликвидировать последствия вражеской деятельности Берии в органах государственной безопасности и добиться превращения их в острое оружие нашей партии, направленное против действительных врагов нашего социалистического государства, а не против честных людей».

И Серов приступил к выполнению данного предписания. За два года им было уволено из КГБ 16 тысяч человек «как не внушающих политического доверия, злостных нарушителей социалистической законности, карьеристов, морально неустойчивых, а также малограмотных и отсталых работников». Две тысячи человек убрали из центрального аппарата, 40 сотрудников лишили генеральских званий. Были заменены почти все руководящие сотрудники главных управлений, управлений и отделов центрального аппарата. На эти должности ЦК КПСС направил более шестидесяти человек, занимавших высокие партийные и советские посты.

В то же время Серов явился одним из инициаторов массовых реабилитаций жертв необоснованных репрессий. Едва заступив на свой ответственный пост, он уже 19 марта 1954 года вместе с генеральным прокурором, министрами внутренних дел и юстиции направил в Президиум ЦК КПСС докладную записку о необходимости пересмотра дел осужденных за «контрреволюционные преступления».

Генерал-лейтенант Вадим Алексеевич Кирпиченко, являвшийся 17 лет заместителем, из них 12 лет — первым заместителем начальника внешней разведки, в своей книге «Разведка: лица и личности» писал о Серове:

«Во время многочисленных совещаний, заседаний и собраний актива Серов громил и разоблачал Берию и его окружение, то есть занимался привычным ему делом — все время надо было кого-то разоблачать, клеймить позором «врагов народа» и призывать к повышению классовой, революционной и чекистской бдительности. Одновременно выдвигались требования соблюдать законность и партийные нормы в работе.

Когда кампания по разоблачению Берии и чистке чекистских рядов от его единомышленников несколько утихла, Серов начал заниматься и делами разведки, которые находились в запущенном состоянии вследствие волюнтаристских действий Берии. Руководители отделов разведки стали получать какие-то осмысленные указания по работе, началось заново

формирование резидентур, поиски сотрудников на роль резидентов».

Следует отметить, что Серов пользовался полным доверием Хрущева, сопровождал его в зарубежных поездках, принимал непосредственное участие в политической борьбе как на внутригосударственном уровне, так и на международной арене.

Так, Серов участвовал в венгерских событиях 1956 года. В Венгрию он прибыл в составе делегации, в которую входили члены Президиума ЦК: первый заместитель главы правительства Анастас Иванович Микоян и секретарь ЦК Михаил Андреевич Сулов. От внешней разведки в страну был направлен Александр Михайлович Коротков, с которым Серов в дальнейшем подружился.

Серов руководил оперативной работой органов КГБ в Венгрии. Он дал указание особым отделам дивизий, вступивших в Венгрию, арестовывать всех организаторов мятежа, оказывающих сопротивление Советской армии с оружием в руках, а также тех, кто подстрекал и разжигал ненависть народа к коммунистам и сотрудникам органов госбезопасности.

В июне 1957 года в Москве разгорелась борьба за власть между Хрущевым и его сторонниками, с одной стороны, и «старой гвардией» — с другой. 18 июня в ходе продолжавшегося четыре дня заседания Президиума ЦК КПСС по предложению Булганина, Молотова, Кагановича и Маленкова было принято решение об освобождении Хрущева от обязанностей первого секретаря ЦК КПСС. Но Хрущев не собирался подчиняться этому решению. Группе сторонников Хрущева из числа членов ЦК КПСС во главе с маршалом Жуковым удалось вмешаться в работу президиума и добиться перенесения этого вопроса на рассмотрение пленума ЦК КПСС, созываемого для этой цели 22 июня.

С помощью председателя КГБ Серова и министра обороны Жукова в Москву самолетами военно-транспортной авиации со всей страны срочно были доставлены члены ЦК, поддерживавшие Хрущева.

На июньском пленуме ЦК КПСС 1957 года сторонники Хрущева одержали убедительную победу над его противниками из числа членов Президиума ЦК. Последние были заклеяны как «антипартийная группа Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова» и выведены из состава ЦК (позже, в феврале 1962 года, они были исключены из партии).

Четыре месяца спустя, в октябре 1957 года, по инициативе Хрущева поддержавший его маршал Жуков был выведен из состава Президиума ЦК и освобожден от обязанностей министра обороны СССР.

27 марта 1958 года Никита Сергеевич Хрущев стал председателем

Совета министров СССР.

С Серовым Сахаровскому пришлось работать с июня 1955-го по декабрь 1958 года. Будучи человеком резким, грубым и бестактным, а тем более пользовавшимся поддержкой Хрущева, Серов не особенно церемонился в общении даже с членами советского руководства Микояном, Шверником, Кириченко и другими, а тем более с подчиненными, к которым относился и Сахаровский. К этому следует добавить, что Серов поддерживал дружеские отношения с заместителем Сахаровского Коротковым. Безусловно, это накладывало «особое» отношение к его руководителю.

По свидетельству ветеранов внешней разведки, среди сотрудников ПГУ бытовало устойчивое мнение, что начальник ПГУ нередко выслушивал резкие суждения председателя, но никогда не переносил их на коллектив разведки.

Стиль руководства Сахаровского отличался конкретным подходом к решению принципиальных вопросов, деловитостью и ровным тоном начальника по отношению к подчиненным. Безусловно, иногда и у него вырывалось крепкое слово, но это отнюдь не свидетельствовало о желании отыграться на подчиненных. Напряженная работа и сложные взаимоотношения с начальством изнашивали нервную систему, отражались и на сердце. В результате Александр Михайлович в последние годы своей работы в ПГУ иногда выходил из строя и оказывался на больничной койке.

10 декабря 1958 года генерал армии Иван Александрович Серов был назначен начальником Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил СССР и одновременно заместителем начальника Генерального штаба. 25 декабря председателем КГБ при СМ СССР был назначен Александр Николаевич Шелепин.

Историки органов государственной безопасности нашей страны считают, что быстрая политическая карьера выпускника исторического факультета Московского института философии, литературы и истории имени Н. Г. Чернышевского (ИФЛИ) Александра Шелепина началась с должности секретаря Московского городского комитета ВЛКСМ.

С началом Великой Отечественной войны Шелепин был заведующим военно-физкультурным отделом горкома и занимался подбором комсомольцев-добровольцев для заброски в тыл немцев по линии фронтовой разведки — для сбора информации и проведения диверсий. В числе отобранных Шелепиным комсомольцев была и Зоя Космодемьянская. Авторы уверены, что читателям хорошо известно это имя: героическая смерть девушки стала символом мужества советских людей в годы Великой

Отечественной войны.

Семнадцатилетняя «Таня», боец-разведчица группы специального назначения, входившей в состав фронтовой разведки, стала первой из восьмидесяти шести женщин — Героев Советского Союза военного периода.

Советская поэтесса Маргарита Алигер в поэме, посвященной Зое Космодемьянской, отметила и человека, «отправившего девушку на подвиг».

На историю Космодемьянской и на посвященную ее подвигу поэму обратили внимание Сталин и первый секретарь ЦК ВЛКСМ Михайлов. Уже в конце 1941 года Шелепин становится первым секретарем Московского городского комитета комсомола, а в 1952 году — первым секретарем ЦК ВЛКСМ. Эту должность он занимал шесть лет, старательно формируя свою команду для дальнейшего броска наверх.

В апреле 1958 года Хрущев назначил Шелепина заведующим отделом партийных органов ЦК КПСС. Подготовленная им записка о перестройке органов государственной безопасности способствовала тому, что на состоявшемся в декабре заседании Президиума ЦК КПСС было принято постановление о назначении Шелепина председателем КГБ при СМ СССР. При назначении на должность он отказался от генеральского звания.

Став председателем КГБ, Шелепин привел с собой преданных ему комсомольских работников, которых назначил на руководящие должности, и начал увольнять из органов тех, чья квалификация (а ее он определял по наличию какого-либо базового образования) не соответствовала, по его мнению, занимаемой должности.

С самого начала своего управления структурой КГБ Шелепин заявил: «Я хочу коренным образом переориентировать КГБ на международные дела, внутренние должны уйти на десятый план».

Считается, что Шелепин большое значение придавал внешней разведке. Так, по его указанию в ПГУ был образован африканский отдел, а чуть позже — специальный отдел для координации работы разведки и контрразведки в области электронной разведки.

В действительности же, как об этом вспоминают ветераны КГБ и внешней разведки, особой любви к Шелепину они не испытывали. По их мнению, приведя с собой достаточно большой отряд руководящих комсомольских работников, он тем самым выразил недоверие и неуважение к коллективу, которым должен был руководить.

Не зная положения дел на местах, Шелепин начал передавать служебные помещения, санатории и дома отдыха КГБ другим

организациям, хотя в комнатах, где работали сотрудники, не хватало не только столов, но даже стульев, а мечтой простого оперативного работника была возможность провести летний отпуск в санатории на юге.

Да и в центральном аппарате внешней разведки положение с размещением сотрудников и с оздоровительными мероприятиями не было благополучным. Однако от столь земных материй Шелепин был очень далек.

До прихода Шелепина в КГБ отношение к африканским проблемам в разведке было довольно спокойным, так как основные направления деятельности были сосредоточены на США, Западной Европе и Китае.

Когда в августе 1960 года Шелепин поставил перед руководством разведки ряд задач по Африке, то с удивлением узнал, что в ПГУ нет самостоятельного отдела, ориентированного на африканскую проблематику. Он счел такое состояние дел проявлением политического недомыслия и дал команду немедленно создать в разведке полноценный африканский отдел и впредь активно заниматься африканскими проблемами.

Трудностей на пути создания полноценного отдела было много, и в первую очередь потому, что в стране никто не готовил специалистов по африканским проблемам, к тому же со знанием местных языков. Сложные климатические условия, отсутствие жилья, непростые взаимоотношения в руководстве молодыми африканскими государствами значительно усложняли выполнение многочисленных заданий, которые к тому же не обеспечивались реальными и конкретными исполнителями.

Начальник разведки был вынужден неоднократно обращаться за помощью к Шелепину, которого интересовала не постановка самой разведывательной работы, а ее конечный продукт — информация о развитии политических процессов в Африке и, главное, о состоянии национально-освободительного движения и столкновении интересов империалистических держав на континенте.

Умудренный опытом Сахаровский понимал, что в принципе разведка действительно запоздала с постановкой разведывательной работы в Африке. Но для получения значительных оперативных результатов необходимо было отобрать и подготовить квалифицированных специалистов. Нужно было время, а именно его и не давали. Сахаровский, как и многие другие руководящие сотрудники разведки, понимал, что Шелепин на посту председателя человек временный и что после проведения серии реорганизаций он уйдет из КГБ.

Так оно и случилось. В декабре 1961 года при поддержке Хрущева

Шелепин был избран секретарем ЦК КПСС, в 1962-м назначен заместителем председателя Совета министров Советского Союза и председателем Комитета партийно-государственного контроля.

Новым председателем КГБ при СМ СССР был назначен ставленник Шелепина генерал-полковник Владимир Ефимович Семичастный.

«Назначение Семичастного, — отмечал В. А. Кирпиченко, — вызвало у руководящего состава КГБ недоумение. Он был просто неприлично молод — тридцать семь лет. Никто не воспринимал его в качестве государственного деятеля, все понимали, что он прежде всего человек Шелепина, и это на первых порах вызывало чувство неуверенности».

Генерал армии Филипп Денисович Бобков вспоминал: «Семичастный быстро схватывал любую идею, был прост и доступен. Он внимательно относился к профессионалам, не рубил с плеча, вдумчивей, чем Шелепин, расставлял кадры. Не держался за свою идею. Если чьи-то рекомендации находил разумными, не цеплялся за свое мнение. Он был, пожалуй, слишком доверчив...»

Бывший начальник разведки ГДР генерал-полковник Маркус Вольф говорил: «Это был доброжелательный и дружелюбный руководитель. Но за внешней привлекательностью скрывался умный, расчетливый, идеологически жесткий человек».

В отличие от Шелепина, который не вникал в детали оперативной работы, Семичастный с головой ушел в дела и нужды КГБ. Он не стеснялся учиться у подчиненных и сам признавался:

«Я, когда пришел, был совершенно слепой. Я им прямо сказал: без вас не смогу.

Пришел начальник разведки Сахаровский на первый доклад, и мне надо принимать решения по нашей работе в Индии или Бангладеш, не помню сейчас. И не просто решать, а сказать, сколько дать денег — пять тысяч долларов или три тысячи. Без моего указания это не оформить.

Вот я прямо спросил: «Твое мнение? Ты как считаешь?» Как он сказал, такое решение я и принял. Нелепо было бы действовать иначе. Между прочим, за шесть лет работы они меня ни разу не подвели. Даже попытки такой не было — проверить меня или специально что-то подсунуть. Боже сохрани!

Начальники разведки и контрразведки — Александр Михайлович Сахаровский и Олег Михайлович Грибанов — оба были очень сильные генералы. Сахаровский — посуше, официальнее, немногословный. А Грибанов — даже с налетом авантюризма, и мне это нравилось, потому что для контрразведчика иметь чуть авантюризма и фантазии — блестяще».

И тем не менее Семичастный хотел иметь если и не свою верную команду в ЛГУ, то хотя бы своего человека. Как вспоминал Вадим Кирпиченко, Семичастный решил поставить во главе разведки кого-либо из земляков Дзержинского, полагая, что данное назначение будет воспринято с энтузиазмом. Во исполнение этой идеи на должность первого заместителя начальника разведки был выписан из Литвы местный чекист генерал-майор Альфонсас Бернардович Рандакявичус. Это был вежливый, обстоятельный, внимательный к собеседнику и приятный во всех отношениях человек, с уважением к тому же относившийся к профессионалам разведки.

Однако дел разведки Рандакявичус не знал, внешней политикой никогда не занимался, иностранными языками не владел. Но эти обстоятельства Семичастного не смущали. Если сам он может руководить КГБ, не имея соответствующего опыта, то почему чекист Рандакявичус не может руководить разведкой? Второе оказалось более трудным. В разведке всегда ценились профессионалы своего дела, и если начальник не может дать дельного совета подчиненному, помочь ему преодолеть трудности разведывательной профессии, то, будь он хоть трижды хорошим человеком, уважением и авторитетом в разведке он пользоваться никогда не будет. Такая участь и постигла кандидата на должность начальника разведки.

Реально осознавая трудности своей новой службы, Рандакявичус нервничал. Сказывалось на его неуверенном состоянии и недостаточное знание русского языка. Боясь допустить ошибку в оценке событий, он очень тщательно подбирал слова и обычно начинал свою речь с осторожного словосочетания «по-видимому».

Семичастный, поняв, что из Рандакявичуса нового Дзержинского не получится, начал готовить новую команду руководства разведкой, но кто-то наверху этому противился, и реформа ПГУ, как замыслил ее Семичастный, осталась неосуществленной. Но слухи о смене руководства доходили до ПГУ, и это выводило из равновесия действующих начальников.

Для Рандакявичуса все закончилось весьма плачевно. В один из отпусков, когда он находился в Литве, его сразил тяжелый инфаркт. Спас его фронтальной друг, светило литовской медицины. Оправившись, Рандакявичус приступил к работе, но вскоре был заменен и уехал в Литву, где работал министром юстиции. А. М. Сахаровский выстоял, несмотря на то что отношения и с Семичастным, и с Рандакявичусом были достаточно сложными. При всей своей сдержанности Александр Михайлович иногда жаловался близким, что и так непростая служба становится особенно трудной из-за условий, в которых ему приходится работать.

Генерал армии Валентин Варенников позже отмечал: «Семичастного на пост председателя КГБ поставил Хрущев. Но, когда Никита Сергеевич «зарылся», не стал ни с кем советоваться и, делая одну ошибку за другой, стал наносить своими решениями ущерб государству, Семичастный содействовал тому, чтобы Хрущев спокойно ушел в отставку. Ведь долг перед народом и ответственность за безопасность страны, конечно, должны быть выше личных отношений...»

К 1967 году наглядно проявились некоторые черты в поведении Шелепина, свидетельствовавшие о его серьезных политических амбициях. Чтобы их пресечь, на одном из пленумов Брежнев обвинил Шелепина в «ложном демократизме». Отступника от «единой линии партии» быстро перевели на пост председателя ВЦСПС, а вскоре отправили на заслуженный отдых.

Данные обстоятельства привели Семичастного, который являлся человеком Шелепина, к отставке с поста председателя КГБ при СМ СССР и удалению его из общесоюзной политической жизни. Таким ходом Брежнев решил ослабить влияние Шелепина. Семичастный был уволен «в почетную отставку» на малозначительный пост первого заместителя председателя Совмина УССР. Формальным поводом для его увольнения с поста председателя КГБ послужили отказ дочери Сталина Светланы Аллилуевой возвратиться в СССР из поездки в Индию и планирующийся выход на западе ее книги воспоминаний.

В мае 1967 года на должность председателя КГБ был назначен Юрий Владимирович Андропов. К моменту назначения у него за плечами был уже солидный послужной список: руководящая партийная работа в Карелии, посты посла СССР в Венгрии, заведующего отделом и секретаря ЦК КПСС. Очевидно, что Комитет государственной безопасности нуждался в приходе человека такого масштаба, как Андропов. С одной стороны, это был опытный государственный деятель, с другой — ему был интересен этот участок работы, к которому он относился с уважением еще со времени работы послом в Венгрии.

Личная ответственность за безопасность государства, положение страны в международном сообществе, соблюдение законности и порядка — все это просто обязывало каждого председателя КГБ быть особо доверенным человеком у руководства страны.

Приход Андропова в КГБ не мог не повлечь за собой некоторых кадровых перестановок. По свидетельству генерала армии Бобкова, «положение дел в КГБ к моменту назначения Юрия Владимировича было сложным и напряженным. Оно определялось распрями между отдельными

группами руководящих работников. Основную группу составляли бывшие партийные работники, пришедшие в органы госбезопасности в 1951 году после ареста Абакумова и занимавшие многие ключевые посты. Они считали себя по прошествии полутора десятков лет профессиональными чекистами и претендовали на ведущее положение. Им не по душе был приход новых людей, в основном из комсомола, дорогу которым на руководящие посты в разведку и контрразведку открыли Шелепин и Семичастный. «Старики» из числа партработников не хотели сдавать позиции... Трудно приходилось профессиональным сотрудникам, хотя они несли в основном всю тяжесть оперативной работы. Как поведет дело новый председатель? С приходом Андропова на первый план вышли бывшие партработники. Они старались войти в доверие к новому председателю. Зарекомендовать себя его сторонниками».

Андропов сам был из комсомольских, а затем — партийных работников, высоко ценил профессионализм и стремился всячески его поддерживать. Более того, Андропов был масштабным государственным деятелем и хорошим политиком, а такие люди умеют ценить профессионалов в любой сфере их деятельности.

В кругах профессионалов советской разведки к Андропову относились с уважением. «В разведке его ценили, — писал в своей книге «Рука Москвы» бывший начальник ПГУ Л. В. Шебаршин. — И он высоко ценил разведчиков. Юрий Владимирович обладал даром располагать к себе людей своей безыскусной, абсолютно естественной манерой общения. Коллега разговаривал с коллегой. Его интерес к мнению собеседника был искренним, вопросы задавались по делу, по тем проблемам, которые именно в тот момент требовали выяснения. Андропов допускал возражения, не прочь был поспорить и охотно шутил».

Вадим Алексеевич Кирпиченко, длительное время бывший первым заместителем начальника разведки, так характеризовал Андропова:

«Юрий Владимирович был первым председателем КГБ, который с одинаковым интересом и рвением занимался и большой политикой, и оперативными делами разведки и контрразведки. В органах госбезопасности Андропов пользовался огромным авторитетом и любовью. Был он многолик: мог быть строгим и недосыгаемым, мог быть близким и простым... Кто-то его не любил, кто-то, может быть, ненавидел, но все видели в нем умного человека. Крупного государственного деятеля, сторонника осторожных реформ, которому, увы, не было отпущено времени на их осуществление».

Бывший начальник нелегальной разведки ПГУ Ю. И. Дроздов писал:

«Андропов не был недостижимым. Он жил проблемами нелегальной разведки, думал вместе с нами о путях ее развития. Много, о чем он говорил, мы постарались претворить в жизнь. Он знал, сколь сложно и опасно ремесло разведки. В беседах он вовлекал в разговор всех участников встречи, журил отмалчивающихся, разрешал спорить и не соглашаться с ним. Андропов внимательно следил за ходом нелегальных операций, некоторые знал в деталях. Иногда ему не терпелось узнать что-то новое, но он останавливал себя, подчиняя свои желания условиям связи и строжайшей конспирации».

В настоящее время об Андропове пишут очень много, но нас интересует не столько он сам, сколько его отношение к Сахаровскому. А вот об их взаимоотношениях, взаимопонимании и удовлетворенности работой друг друга написано очень мало. Конечно, интеллигентность Юрия Владимировича, его отношение к разведке импонировали Александру Михайловичу. Более того, Андропов ценил в человеке прежде всего ум, талант разведчика, принципиальный подход к выполнению задач, организаторские способности и целеустремленность в работе, умение выделить главное и правильно расставить кадры. Все это Андропов видел в Сахаровском, но в то же время понимал, что деятельность разведки должна не только полностью соответствовать складывающейся политической и оперативной обстановке, но и отвечать интересам времени.

Еще будучи заведующим отделом по связям с социалистическими странами и коммунистическими партиями этих стран, Андропов за короткий срок сменил в отделе всех руководителей секторов, поставив на эти посты исключительно выходцев из комсомольской среды, имевших к тому же высшее образование. Он верил в их преданность и безотказность, в их административные способности. Когда он стал председателем Комитета госбезопасности, из него ушли многие люди, оказавшиеся здесь при Шелепине и Семичастном и имевшие за плечами лишь опыт комсомольской работы. Руководящие посты в комитете занимали теперь в основном люди из числа партийных и хозяйственных работников. На работу туда перешла и часть сотрудников международного отдела ЦК. Был среди них и помощник Юрия Владимировича — Владимир Александрович Крючков, который через несколько лет возглавил одно из важнейших подразделений комитета — его внешнюю разведку.

Вот как вспоминает о своем приходе в разведку сам Крючков: «В Первое главное управление я пришел по приказу Андропова летом 1971 года, хотя принципиальное решение на этот счет Юрий Владимирович принял задолго до этого, еще в июле 1970 года.

Но решение в конце концов все же созрело. Этому в немалой степени способствовали постоянные просьбы тогдашнего начальника ПГУ Сахаровского, который собирался уходить на пенсию... В целом в ПГУ меня приняли хорошо, хотя и с некоторой настороженностью: пришел, мол, человек председателя, будет устанавливать свои порядки (хотя этого как раз я делать и не собирался). Некоторому предубеждению против меня способствовало и то обстоятельство, что сразу же поползли слухи о моем скором назначении на должность начальника ПГУ.

Мне трудно сказать, действительно ли Андропов переводил меня в ПГУ с таким дальним прицелом, но решение на этот счет вскоре действительно у него созрело, и долгое время это оставалось тайной, пожалуй, только для меня».

Таким образом, взаимодействие с председателями КГБ у Сахаровского было далеко не идеальным. Все они ценили его как хорошего организатора, способного руководителя, успешно решающего поставленные перед разведкой задачи, но всё же держали в уме кандидатуры для его возможной замены. Он, конечно, это чувствовал, что не могло не сказаться на его нервной системе, но никак не отразилось на рабочей атмосфере во вверенном ему коллективе.

И даже западные специалисты в области истории разведок признают, что советская разведка в 1950—1970-е годы действовала весьма успешно. Этому способствовало умелое руководство Сахаровским и его подчиненными деятельностью таких выдающихся разведчиков того времени, как Вильям Фишер (Рудольф Абель), Конон Молодой, супруги Галина и Михаил Федоровы, Ким Филби, Джордж Блейк, супруги Моррис и Леонтина Коэн и ряд других. Огромную роль в их работе и судьбе играли решения, принимаемые в Центре начальником разведки Сахаровским.

К сожалению, Александр Михайлович не оставил мемуаров, и теперь трудно судить, что он чувствовал, как переживал критические моменты разведывательной деятельности, через которые проходит каждая разведслужба: взлеты и провалы, удачные операции и поражения, приобретение агентуры и предательство. В те далекие уже годы это было не только немислимо, но и преступно, ведь всё определяли секретный характер организации, невозможность использовать сведения, составляющие государственную тайну, опасение подвести сотрудников, раскрыть агентуру.

Время кардинально изменило обстановку в стране, ситуацию вокруг органов государственной безопасности. Выступления в печати руководящих и рядовых сотрудников органов госбезопасности приоткрыли

завесу над некоторыми моментами их деятельности. Общественности стали доступны некоторые архивные материалы секретных служб, у средств массовой информации появилась возможность рассказать о людях, внесших выдающийся вклад в обеспечение безопасности нашей страны. В самом конце 1990-х годов увидели свет воспоминания начальников Первого главного управления КГБ Леонида Шебаршина и Владимира Крючкова, их заместителей Вадима Кирпиченко и Юрия Дроздова, других руководящих сотрудников внешней разведки. У общественности и историков, интересующихся деятельностью советских спецслужб, появилась возможность узнать и реально оценить масштабность задач, которые решали внешняя разведка и ее руководители, в том числе и Александр Михайлович Сахаровский.

Сам Владимир Александрович Крючков по данному поводу отмечал: «Знакомство с подразделениями, заслушивание резидентов, других сотрудников резидентур и центрального аппарата, тщательное изучение проводимых операций быстро расширяли мои познания. Складывались первые впечатления о разведчиках. Высокообразованные, компетентные, ищущие, работают не за страх, а за совесть, переживают за дело, за неудачи, а их, к сожалению, у разведчиков случается немало. В случае провала быстро берут себя в руки и идут к новым целям. Почти у всех неплохие знания о стране, по которой работают, хорошее владение иностранными языками.

Но одно их качество меня наполняло особым чувством удовлетворения: ради дела, решения задач подавляющее большинство разведчиков готовы были пожертвовать карьерой, личным благополучием... Работа разведчика сопряжена с реальной, практически повседневной опасностью, требует крайнего напряжения физических и интеллектуальных сил, воли, мужества и абсолютного самопожертвования. И это не пустые слова. Разведчик вынужден жить двойной жизнью — та, реальная, скрыта от чужих глаз, а на поверхности лишь маска, расставаться с которой на людях не просто нельзя, но и опасно. Лишь немногие будут в курсе его достижений и успехов: даже самые близкие люди, жена и дети, так никогда и не узнают, какие подвиги подчас совершает их муж и отец. А вот всю тяжесть провала они всегда испытывают на себе — ведь в лучшем случае за этим следует выдворение из страны, а то и тюремное заключение, долгие годы тревожного ожидания. Случается, что платой за поражение является жизнь... Есть еще один, чисто психологический аспект, который играет важную роль в судьбе разведчика. Ведь ему суждено постоянно нарушать большинство библейских заповедей, действовать вопреки всему

тому, чему учили с детства.

Представьте себе «шпиона», который свято следует завету «не укради» или говори только правду, как это требовали с детства! В том-то и дело, что ему приходится — в высших интересах дела, разумеется, — постоянно идти на такие поступки, которые в обычной жизни, мягко говоря, не украшают человека. И тут ни в коем случае нельзя перейти грань, чтобы не превратиться в циника, сохранить чистоту души и веру в идеалы».

Начальник ПГУ и его заместители

У начальника советской внешней разведки Александра Семеновича Панюшкина до его перехода на руководящую работу в аппарат ЦК КПСС в июне 1955 года было несколько заместителей. Среди них можно выделить начальника нелегальной разведки полковника Александра Михайловича Короткова, полковника Александра Михайловича Сахаровского и генерал-майора Федора Константиновича Мортина. Последний до августа 1945 года служил на различных должностях в политотделах действующей армии, а затем, после окончания Военно-дипломатической академии, был направлен на работу во внешнюю разведку органов госбезопасности. В 1947–1950 годах находился в долгосрочной заграничной командировке. С поставленными задачами успешно справился и после окончания заграничной командировки несколько лет работал в аппарате ЦК КПСС. В октябре 1954 года Мортин вернулся на работу в органы государственной безопасности на должность заместителя начальника внешней разведки.

Как уже отмечалось, 23 июня 1955 года полковник Сахаровский был назначен первым заместителем начальника ПГУ КГБ при СМ СССР и в тот же день стал исполняющим обязанности руководителя внешней разведки. 14 января 1956 года Сахаровскому было присвоено воинское звание генерал-майора, а 12 мая он стал полноправным начальником ПГУ КГБ при СМ СССР.

Находясь на посту руководителя внешней разведки свыше пятнадцати лет, Сахаровский основное внимание уделял развитию нелегальной, научно-технической и контрразведывательной линий Службы, а также вопросам подготовки кадров, организации научно-исследовательской работы. В этом ему активно помогали заместители, в частности Федор Константинович Мортин, имевший большой опыт политической работы, и Александр Михайлович Коротков, выдающийся советский разведчик-нелегал.

Нелегальное направление деятельности внешней разведки всегда было наиболее важным. Известный российский писатель Теодор Гладков в своей книге «Король нелегалов», посвященной Короткову, писал: «Примечательно, что если спросить десять случайных прохожих на улице, каким они представляют разведчика, девять назовут в качестве примера именно нелегала. Из реально существовавших — Конона Молодого (Лонсдейла), Вильяма Фишера (Абея), Николая Кузнецова (обер-

лейтенанта Зиберта). Назовут и вымышленных персонажей, героев популярных кинофильмов: майора Федотова («Подвиг разведчика»), полковника Ладейникова («Мертвый сезон»), полковника Исаева («Семнадцать мгновений весны»).

И это не случайно, а закономерно. Поскольку именно в нелегале в наибольшей степени концентрируются все общие и специфические черты, свойственные профессии разведчика».

Так что же такое нелегальная разведка, зачем она нужна и чем отличается от «легальной»?

Известно, что положение разведчика-нелегала за рубежом коренным образом отличается от статуса сотрудника «легальной» резидентуры. Последний, будучи гражданином своей страны, снабжен подлинными документами и работает под прикрытием ее официальных учреждений: дипломатических, торговых, культурных представительств, информационных агентств, частных фирм, а порой и международных организаций, в которых он представляет свою страну.

Что же касается сотрудника нелегальной резидентуры, то он находится за рубежом с паспортом иностранного гражданина, никак не связан с официальными представительствами своей страны и даже не посещает их, чтобы не вызвать к себе внимания со стороны местных спецслужб и не расшифровать себя.

«Разведчик-нелегал перед местной властью фактически беззащитен, — отмечал Теодор Гладков. — В стране с жестким политическим режимом его могут тайно арестовать, подвергнуть допросу «третьей степени», а то и ликвидировать без какой-либо огласки.

Даже зная о его аресте, посольство родной страны не может официально ему ничем помочь (разве что через надежного посредника нанять хорошего адвоката). В случае осуждения за шпионаж нелегалу остается только уповать на то, что ему помогут организовать побег (а это всегда проблематично), либо надеяться, что через несколько лет его обменяют на захваченного с поличным разведчика того государства, чьим строго охраняемым «гостем» он пока является».

Следует отметить, что деятельность разведчиков-нелегалов всегда была окружена плотной завесой секретности. Это, разумеется, не случайно, ибо нелегальная разведка — это святая святых всей разведывательной деятельности, и на работу в нее подбирают людей, обладающих особыми качествами. Подготовить настоящего разведчика-нелегала, снабдить его надежными документами и вывести за рубеж для выполнения специальных задач является делом исключительно трудным.

Что же это за люди — разведчики-нелегалы?

За ответом на этот вопрос обратимся к генерал-лейтенанту Вадиму Кирпиченко, несколько лет возглавлявшему нелегальное подразделение внешней разведки:

«Кандидатов мы ищем и находим сами, перебирая сотни и сотни людей. Работа, действительно, штучная. Чтобы стать нелегалом, человек должен обладать многими качествами: смелостью, целеустремленностью, сильной волей, способностью быстро прогнозировать различные ситуации, устойчивостью к стрессам, отличными способностями к овладению иностранными языками, хорошей адаптацией к совершенно новым условиям жизни, знаниями одной или нескольких профессий, дающих возможность зарабатывать на жизнь.

Если наконец найден человек, у которого все перечисленные качества в той или иной мере есть, это вовсе не означает, что из него получится разведчик-нелегал. Необходимы еще какие-то свойства натуры, неуловимые и трудно передаваемые словами, особый артистизм, легкость перевоплощения и даже некоторая, хорошо контролируемая склонность к приключениям, какой-то разумный авантюризм. Часто сравнивают перевоплощение нелегала в другого человека с игрой актера. Но одно дело — перевоплощение на вечер или на театральный сезон и совсем другое — превращаться в другого, некогда жившего или специально сконструированного человека, мыслить и видеть сны на чужом языке и не позволять думать о самом себе в реальном измерении».

Другой видный советский разведчик, генерал-майор Юрий Дроздов, в течение двенадцати лет руководивший нелегальной разведкой и принимавший непосредственное участие в разработке и осуществлении операции по обмену Вильяма Фишера (Рудольфа Абеля), свидетельствовал:

«Нелегал — это особый разведчик, отличающийся от обычного тем, что обладает более высокими личными качествами, специальной подготовкой, которые позволяют ему выступать и действовать как местному жителю той страны, где он находится.

Разведчиком-нелегалом может стать далеко не каждый. Профессия требует от кандидата высокого уровня развития интеллекта (мышления, памяти, интуиции), развитой воли, способности к овладению иностранными языками, эмоциональной устойчивости, позволяющей сохранять интеллектуальный потенциал в стрессовых ситуациях и переносить без ущерба для здоровья постоянное психическое напряжение.

Это самые общие требования, но легко понять, что найти людей с таким сочетанием качеств нелегко и что нелегальная разведка — удел

специально подобранных людей.

Подготовка разведчика-нелегала очень трудоемка и занимает несколько лет. Она направлена на то, чтобы на базе имеющихся личных качеств сотрудника сформировать профессиональные навыки и умения. Безусловно, она включает в себя овладение иностранными языками, подготовку разведчика в психологическом плане, которая, в частности, позволяет ему выступать в амплуа представителя той или иной национальности, носителя тех или иных национально-культурных особенностей. Разумеется, это и оперативная подготовка, которая включает в себя формирование навыков получения и анализа разведывательной информации, поддержания связи с Центром и иные аспекты. Разведчик-нелегал — это человек, способный добывать разведывательную информацию, в том числе и аналитическим путем».

Все это необходимо было учитывать Александру Михайловичу Сахаровскому, принимая решения по ежедневно возникавшим проблемам, связанным с деятельностью нелегального подразделения руководимой им внешней разведки. В этой связи огромную роль играли служебные и чисто человеческие отношения между двумя полными тезками — Сахаровским и Коротковым, между начальником внешней разведки и его заместителем.

Рассказ об Александре Михайловиче Короткове хотелось бы начать с 9 мая 1945 года, то есть с того дня, который навечно войдет в историю нашей страны как День Великой Победы. В этот день в 00 часов 43 минуты по московскому времени в предместье Берлина Карлсхорсте, в двухэтажном здании бывшей столовой немецкого военно-инженерного училища был подписан Акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии и ее вооруженных сил.

За длинными столами, покрытыми зеленым сукном, расположились генералы Красной армии. Открывая заседание, маршал Жуков пригласил в зал представителей немецкого командования. Первым переступил порог генерал-фельдмаршал Кейтель. Его сопровождал рослый, спортивного телосложения человек лет тридцати пяти в форме полковника госбезопасности. Это был А. М. Коротков.

Для Александра Михайловича участие в этой церемонии было не только ответственным поручением Наркомата государственной безопасности СССР, но и высокой честью, которой он был удостоен как советский разведчик. Он не командовал войсками, не участвовал в боях на передовой, но, активно занимаясь разведывательной работой на территории Германии, внес существенный вклад в разгром врага.

В конце 1946 года Коротков был отозван из Германии и назначен

начальником управления нелегальной разведки.

В июне 1954 года было принято постановление ЦК КПСС «О мерах по усилению разведывательной работы органов госбезопасности СССР за границей». Как следовало из этого документа, значение работы по нелегальной линии должно было значительно возрасти, и Коротков стал руководить нелегальной разведкой уже в качестве заместителя начальника главка.

Коротков часто выезжал в составе оперативных групп КГБ на различные конференции. Возглавляемые им оперативные группы активно способствовали обеспечению советских делегаций важной разведывательной информацией, которая позволяла правильно ориентироваться в складывающейся обстановке и определять линию поведения на переговорах.

Наиболее сложной командировкой в послевоенные годы стала его поездка осенью 1956 года в Венгрию. Тогда он был назначен заместителем руководителя оперативной группы КГБ СССР в связи с возникшим там контрреволюционным мятежом. Возглавлял группу председатель КГБ генерал армии Серов. За успешное выполнение заданий генерал-майор Коротков был награжден очередным орденом Красного Знамени.

В декабре 1956 года Коротков возвратился в Москву, а летом 1957 года был назначен уполномоченным КГБ при СМ СССР по координации и связи с МГБ и МВД ГДР. Некоторые исследователи биографии Сахаровского пишут, что он чувствовал в Короткове конкурента и специально отправил его в ГДР. Эта версия неверна хотя бы потому, что в ГДР его направлял председатель КГБ Серов, с которым Короткова связывали тесные дружеские отношения. Более того, на плечи Короткова легло руководство самым крупным подразделением советской разведки за границей, ориентированным на ведение активной разведывательной работы против ФРГ, США, Англии, Франции и других стран — участниц НАТО, а также их объектов в Западной Германии и Западном Берлине, на оперативное проникновение в штаб-квартиру Североатлантического блока. Наряду с этим аппарат Короткова обеспечивал сотрудничество между Комитетом госбезопасности СССР и МВД ГДР, а также координацию деятельности немецких друзей и органов военной контрразведки Группы советских войск в Германии. Одновременно аппарат оказывал непосредственную помощь советским военным разведывательным службам, действовавшим с территории ГДР.

В качестве подтверждения тесного сотрудничества между Сахаровским и Коротковым сошлемся на воспоминания генерал-

лейтенанта Виталия Григорьевича Павлова, бывшего одно время заместителем у Короткова.

Павлов рассказывает, что однажды в связи с оперативной необходимостью нужно было срочно выдать не очень надежной доверительной связи достаточно крупную сумму. Так как Короткова в это время в Москве не было, он находился в загранкомандировке, Павлов решил сам доложить об этом руководству КГБ. Медлить было нельзя, и с согласия начальника главка Сахаровского Павлов обратился к заместителю председателя КГБ с предложением выдать источнику деньги.

Визируя телеграмму о выдаче денег, Сахаровский сказал, что без Короткова решать данный вопрос не следует, и дал указание одновременно запросить его мнение. «Смотрите, — предупредил Сахаровский, — если Коротков не согласится или что-то не получится, вам будет трудно оправдаться».

Рассказ Павлова наглядно свидетельствует о том, что Сахаровский всегда считался с мнением Короткова, как и с мнением еще одного своего заместителя — Федора Константиновича Мортина.

Многолетний первый заместитель Сахаровского Федор Константинович Мартин был человеком несколько иного склада. Он был моложе Александра Михайловича на девять лет, имел два высших образования и солидный стаж работы в аппарате ЦК КПСС.

Федор Мартин родился 2 мая 1918 года в селе Красная Поляна Маресевского района Нижегородской губернии в многодетной крестьянской семье. Окончил среднюю сельскую школу, а в 1937 году — Арзамасский государственный учительский институт. Преподавал в родном селе физику и математику.

В 1939–1940 годах избирался секретарем районного комитета комсомола, в 1940–1941 годах работал директором районной средней школы. С 1941 по 1942 год занимал должность заведующего орготделом районного комитета партии.

С июля 1942 года до окончания Великой Отечественной войны находился на различных должностях в политотделах действующей армии, был участником обороны Ленинграда. Его ратный труд был отмечен орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, многими медалями, в том числе — «За отвагу».

В августе 1945 года Мартин становится слушателем Военно-дипломатической академии Красной армии, изучает китайский и английский языки. После окончания академии в 1947 году его направляют на работу во внешнюю разведку. В том же году Мартин выехал в

долгосрочную заграничную командировку.

Возвратился в Москву в середине 1950 года и был переведен на ответственную работу в аппарат ЦК КПСС. В конце 1954 года вновь направляется на работу в органы государственной безопасности и становится заместителем начальника внешней разведки Александра Семеновича Панюшкина, а с середины 1955 года — Александра Михайловича Сахаровского. В 1958–1971 годах занимает должность первого заместителя руководителя Первого главного управления КГБ при СМ СССР (внешней разведки).

Придя на руководящую работу в ПГУ, Мортин достаточно часто выезжал в зарубежные страны. Он был более динамичен и даже более демократичен и пытался лично вникнуть во все сферы деятельности главка. Так, помимо решения текущих вопросов Мортин сосредоточил свою деятельность на освоении ближневосточных проблем. Одну из своих первых поездок за рубеж он совершил по арабским странам. И это было осознанным решением, поскольку процессы, начавшиеся на Ближнем Востоке, в частности в Египте, и направленные на возможное сближение с Советским Союзом, требовали с нашей стороны более пристального внимания и корректировки своей внешней политики в отношении стран этого региона.

Одновременно следует подчеркнуть, что с конца 1950-х годов руководство внешней разведки органов государственной безопасности начало уделять повышенное внимание подготовке кадров и организации научно-исследовательской работы в ПГУ. А в середине 1960-х годов Мортин, будучи тогда первым заместителем начальника ПГУ, одновременно возглавлял Высшую разведывательную школу. К преподаванию в ней были привлечены наиболее опытные сотрудники разведки, проявившие себя на практической работе за рубежом. Несколько позже Мортин принимал самое активное участие в реорганизации Высшей разведывательной школы в более современное учебное заведение — Краснознаменный институт КГБ.

Федору Константиновичу Мортину вместе с Александром Михайловичем Сахаровским довелось вместе работать в один из самых сложных послевоенных периодов холодной войны, когда произошел новый раскол мира на военно-политические блоки, а Советский Союз со всех сторон был окружен сетью военных баз, в том числе с ядерным оружием.

Берлинский и Суэцкий кризисы, осложнение обстановки на Ближнем Востоке, распад колониальной системы, Кубинский кризис, поставивший мир на грань ядерной войны, — всё это значительно обостряло

международное положение. И начальнику внешней разведки приходилось постоянно учитывать это в своей деятельности.

Сахаровский и научно-техническая разведка

Здесь хотелось бы обратить внимание на одно важное обстоятельство, на которое указывают практически все историки отечественной внешней разведки: руководящий разведывательный тандем Сахаровский — Мортин внес наибольший вклад в развитие и укрепление научно-технической разведки (НТР), своевременно поняв огромную перспективность этой деятельности. К тому же в послевоенный период, на фоне имевшего место значительного научно-технического прогресса в ведущих капиталистических странах, резко возросли потребности оборонной и научно-хозяйственных отраслей экономики в получении западной научно-технической информации, в первую очередь — секретной.

Активизации работы научно-технической разведки советских органов государственной безопасности способствовало в первую очередь принятие в середине 1950-х годов серии решений, направленных на повышение эффективности управления экономикой. Так, в ходе начавшейся в 1955 году реформы Государственного планового комитета при Совете министров СССР (Госплан СССР) 28 мая того же года был создан Государственный комитет Совета министров СССР по новой технике. Именно этот комитет в дальнейшем стал для НТР ПГУ источником взвешенных и четких ориентиров по научно-техническим проблемам, существовавшим в различных отраслях народного хозяйства нашей страны.

В 1956 году ЦК КПСС принял решение об увеличении кадрового состава отдела НТР в центральном аппарате внешней разведки и выделении дополнительного количества должностей прикрытия для сотрудников НТР в советских учреждениях за рубежом. Это позволило заметно активизировать деятельность линии НТР за границей и значительно расширить возможности получения научно-технической информации резидентурами.

Расширение возможностей НТР и повышение качества получаемой секретной технической информации потребовали от руководства главка еще более активно заниматься вопросами дальнейшего развития научно-технической разведки. Сахаровский на регулярной основе встречался с руководством и сотрудниками отдела НТР по этим вопросам.

Успехи научно-технической разведки, поддержка ряда влиятельных оборонных ведомств позволили поставить вопрос о реорганизации отдела НТР в управление. Эта инициатива была одобрена начальником ПГУ

Сахаровским и руководителем КГБ Семичастным. 15 августа 1963 года последовал приказ председателя КГБ при СМ СССР о создании Управления научно-технической разведки. Это решение имело для внешней разведки большое значение: авторитет научно-технической разведки возрос, теперь она могла самостоятельно «выходить на промышленность», отраслевые министры и их заместители получили возможность напрямую контактировать с руководителями НТР. Все это способствовало широкому развитию этого направления деятельности внешней разведки, и в итоге были достигнуты значительные результаты.

И сегодня сотрудники Службы по праву гордятся выдающимися представителями советской научно-технической разведки: Героями России Леонидом Романовичем Квасниковым, Владимиром Борисовичем Барковским, Александром Семеновичем Феклисовым, Анатолием Антоновичем Яцковым, а также другими бойцами незримого фронта НТР, достойно выполнявшими специальные задания по обеспечению государственной безопасности нашей страны.

Остановимся вкратце на биографиях наиболее видных представителей научно-технической разведки, с которыми Сахаровскому довелось длительное время работать.

Жизненный путь Леонида Романовича Квасникова начинался так, что он мог стать педагогом, ученым, крупным инженером. Но ему суждено было иное — сыграть исключительную роль в истории становления и развития научно-технического направления деятельности внешней разведки Советского Союза, руководить разведчиками, которые добыли для нашей страны сверхсекретные материалы по американской атомной программе. И слова И. В. Курчатова о том, что «советская разведка оказала неоценимую помощь при создании советского ядерного оружия», можно отнести непосредственно к Леониду Романовичу.

Родился Леонид Квасников 2 июня 1905 года в семье железнодорожника, которая в то время жила на небольшой станции Узловая Тульской губернии. Трудовую деятельность начал с семнадцати лет чернорабочим на Сызранско-Вяземской железной дороге. В 1926 году окончил Тульский железнодорожный техникум, работал помощником машиниста паровоза, с 1928 года — техником-чертежником, в 1929 году стал машинистом паровоза на Московско-Курской железной дороге.

В 1934 году Леонид с отличием окончил механический факультет Московского института химического машиностроения (МИХМ). Год работал инженером на Чернореченском химическом комбинате в городе Дзержинске Горьковского края, затем учился в аспирантуре.

В сентябре 1938 года был направлен по партийной линии на работу в органы государственной безопасности. После окончания Школы особого назначения, готовившей кадры для внешней разведки, был назначен старшим оперуполномоченным отделения научно-технической разведки. В 1939–1940 годах неоднократно выезжал в командировки в Германию и в немецкую зону оккупации бывшей Польши для выполнения разведывательных задач.

В феврале 1941 года назначается начальником отделения научно-технической разведки. По роду своей деятельности Квасников не порывал связей с наукой и внимательно следил за появлением новых научных достижений. Не прошел он и мимо открытия в 1939 году цепной реакции деления атомов урана-235, ведущей к созданию атомного взрывчатого вещества и оружия с его использованием.

Незадолго до нападения Германии на СССР Квасников явился инициатором направления в ряд резидентур внешней разведки, в том числе в Лондон, Нью-Йорк, Берлин, Стокгольм и Токио, ориентировки с указанием приступить к получению сведений о возможных работах на Западе по созданию атомного оружия. Уже в сентябре 1941 года лондонская резидентура НКВД сообщила, что английское правительство серьезно прорабатывает вопрос о создании «урановой бомбы» большой разрушительной силы. Эти сведения содержались в докладе Уранового комитета от 16 сентября 1941 года, предназначенном для британского премьер-министра У. Черчилля. В документе говорилось о начале работ по созданию в Великобритании и США атомной бомбы и ее предполагаемой конструкции.

В конце 1941 года из Лондона поступила дополнительная информация о том, что США и Великобритания приняли решение строить атомные объекты в США, поскольку Англия подвергалась постоянным воздушным налетам германской авиации. В оперативной переписке советской разведки проект создания атомного оружия в США и Англии получил кодовое название «Энормоз». Американцы же называли работы над атомной бомбой «Манхэттенским проектом».

В конце 1942 года руководство разведки приняло решение направить Квасникова в командировку в США. Ему поручалось наладить добывание информации об атомном оружии. Одновременно Квасников должен был возглавить резидентуру научно-технической разведки в Нью-Йорке. В середине января 1943 года он выехал к новому месту работы.

Главной задачей разведки по «Энормозу» в тот период было информировать советских ученых о реальных результатах ведущихся в

США работ по созданию атомного оружия. И эта задача была успешно решена во многом благодаря Квасникову и сотрудникам его резидентуры, которые активно работали с находившимися у них на связи источниками.

Курчатов, руководитель советских ученых, занимавшихся атомным проектом, так оценивал поступавшую из-за океана информацию по атомной проблематике: «Получение материалов имеет громадное, неопределимое значение для нашего государства и науки. Теперь мы имеем важные ориентиры для последующего научного исследования, они дают возможность нам миновать многие весьма трудоемкие фазы разработки урановой проблемы и узнать о новых научных и технологических путях ее решения».

В первых числах июня 1945 года резидентура НТР получила подробную документальную информацию по устройству атомной бомбы и информировала Центр, что в июле состоится испытание первой американской атомной бомбы. И когда 16 июля 1945 года близ Аламагордо (штат Нью-Мексико) ядерный взрыв был произведен — это событие не застало врасплох советское правительство...

Помимо работы по проекту «Энормоз» Квасников в Нью-Йорке занимался также организацией получения научной и военно-технической информации, принимал непосредственное участие в разведывательной работе. Из резидентуры НТР в Центр в большом объеме поступали секретная документальная информация и образцы техники по авиации, радиолокации, химии, медицине, представлявшие значительный интерес для отечественной промышленности, работавшей на фронт.

В декабре 1945 года завершилась командировка Леонида Романовича в США. Возвратившись в Москву, он продолжал работу в центральном аппарате разведки. С 1948 по 1963 год являлся бессменным руководителем отдела научно-технической разведки, который впоследствии был преобразован в управление. В этой должности широко проявились его блестящие организаторские способности. Под руководством Квасникова научно-техническая разведка добилась серьезных успехов в решении стоявших перед ней задач.

После первого испытания советской атомной бомбы в 1949 году большая группа ее создателей была отмечена государственными наградами. В списке награжденных были представлены шесть разведчиков, работавших за рубежом по линии научно-технической разведки. Квасников получил орден Ленина.

С 1963 по 1966 год Квасников работал старшим консультантом при начальнике ПГУ КГБ (внешняя разведка) по научно-технической разведке.

В декабре 1966 года вышел на пенсию.

За достигнутые результаты в разведывательной деятельности полковник Квасников был награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I и II степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке».

Скончался Леонид Романович 15 октября 1993 года.

За успешное выполнение специальных заданий по обеспечению государственной безопасности в условиях, сопряженных с риском для жизни, проявленные при этом героизм и мужество Указом Президента Российской Федерации от 15 июня 1996 года Леониду Романовичу Квасникову было посмертно присвоено звание Героя России.

За плечами выдающегося советского разведчика, Героя Российской Федерации Владимира Борисовича Барковского было немало достойных этого высокого звания дел.

К сожалению, еще не пришло время говорить о многих операциях, в которых он принимал участие. Лишь намеком на активную оперативную деятельность разведчика могут служить те награды, которыми была отмечена его служба во внешней разведке.

Владимир Барковский родился 16 октября 1913 года в городе Белгороде Курской губернии в семье служащего. Отец погиб в Первую мировую войну, и Владимир еще в младенчестве остался сиротой.

После окончания средней школы в 1930 году Владимир пошел работать на завод слесарем. Одновременно учился на вечернем рабфаке. В 1934 году стал студентом Московского станкоинструментального института. В студенческие годы активно занимался планерным и парашютным спортом в Московском студенческом аэроклубе. Одновременно окончил летную школу Осоавиахима и как пилот был приписан к истребительному полку ПВО Москвы.

В 1939 году, окончив институт, Барковский был направлен на работу во внешнюю разведку органов госбезопасности.

В 1938 году ЦК ВКП(б) рассмотрел вопрос о реорганизации внешней разведки НКВД СССР. Было принято решение о ее укреплении и расширении штатов с таким расчетом, чтобы активизировать разведывательную деятельность за рубежом по политической, научно-технической и контрразведывательной линиям. Для подготовки сотрудников внешней разведки в 1938 году была создана Школа особого назначения (ШОН). В нее набирали в первую очередь комсомольцев,

имевших высшее образование. Именно поэтому Владимир Барковский и стал кандидатом на учебу в ШОН.

Получив специальную подготовку, он уже в ноябре 1940 года выехал в Англию в качестве оперативного сотрудника лондонской резидентуры. Молодому разведчику предстояло специализироваться в добывании информации по линии научно-технической разведки.

Первые месяцы работы в Лондоне заложили хороший фундамент для совершенствования «Дэна» (таким стал оперативный псевдоним Барковского) как разведчика. Работал он отнюдь не в комфортных условиях: ежедневные налеты германской авиации, настороженное отношение англичан к иностранцам, впрочем, объяснимое суровыми условиями военного времени.

В Лондоне «Дэн» приобрел ряд источников, от которых получал весьма ценную секретную информацию. В частности, в Центр были направлены исключительно важные материалы по радиолокации, реактивным двигателям и другим направлениям развития военной техники. Однако наиболее значимым направлением разведывательной деятельности «Дэна» в Англии стала работа по проблеме создания атомного оружия.

В сентябре 1941 года лондонская резидентура НКВД получила сведения, что идея создания атомного оружия приобретает в Англии реальные очертания. От ее агента Джона Кернкросса поступили документальные данные о том, что английское правительство серьезно прорабатывает вопрос о создании бомбы большой разрушительной силы. Эти сведения содержались в докладе так называемого Уранового комитета от 24 сентября 1941 года, предназначенном для информации британского кабинета министров о ходе работы по атомной бомбе. В докладе были высказаны рекомендации Объединенного комитета начальников штабов (британский Генштаб) о необходимости создания атомной бомбы в течение ближайших двух лет.

Согласно информации Кернкросса, Урановый комитет получил кодовое название «Директорат Тьюб Эллойс». Научной работой британских физиков в области атомной энергии руководила специальная группа ученых во главе с известным физиком Томсоном. В подборке документов, переданных Кернкроссом, содержались подробные сведения о деятельности Уранового комитета, технологии производства урана-235, конструкции атомного заряда атомной бомбы пушечного типа и т. п. Перечислялись также исследовательские и промышленные центры страны, намеченные для участия в развертывании практических работ по созданию этого смертоносного оружия.

Поскольку в документах Уранового комитета была масса технических терминов, мало понятных непосвященным, резидент поручил «Дэну», как инженеру по основной специальности, подготовить для Центра информационную телеграмму. Она до сих пор хранится в деле «Энормоз».

Это была одна из первых добытых советской внешней разведкой информация о разработке на западе атомного оружия, о ней было доложено руководству страны. В дальнейшем такого рода данные сообщались в Центр регулярно.

Для молодого разведчика это было первое соприкосновение с проблемой атомного оружия. Более глубокое знание этой проблемы пришло к «Дэну» после того, как ему был передан на связь источник «Н», принимавший непосредственное участие в создании атомного оружия в Англии.

За время работы в резидентуре «Дэн» приобрел шесть ценных источников. К концу командировки ему удалось значительно расширить агентурную сеть резидентуры по линии НТР. Входившие в нее источники передавали информацию по различным научно-техническим направлениям.

Подводя итоги разведывательной работы линии НТР лондонской резидентуры за 1945 год, Центр, в частности, особо отметил деятельность «Дэна». В документе указывалось, что «за истекший год от него поступило весьма ценных материалов 44 процента, ценных — 14, информационных — 13 и малоценных всего 0,87 процента. На конец года еще не поступило из ведомств оценок на 28 процентов материалов, поскольку большинство из них касается атомной проблемы».

И не случайно работа разведчика в лондонской резидентуре была отмечена боевыми орденами.

В Москву Барковский возвратился только в 1946 году. Работал на руководящих должностях в центральном аппарате научно-технической разведки. В 1954 году возглавил американский отдел внешней разведки, выезжал в служебные командировки в США и страны Западной Европы. В 1956–1960 годах являлся резидентом ПГУ КГБ в США. Здесь в 1960 году ему пришлось обеспечивать визит Н. С. Хрущева на сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Довелось столкнуться ему и с ужесточением агентурно-оперативной обстановки в стране, вызванной арестом разведчика-нелегала Вильяма Фишера, более известного мировой общественности под именем полковника Рудольфа Абея.

В последующие годы посвятил себя преподавательской деятельности, являясь профессором одной из основных кафедр Краснознаменного института КГБ (ныне — Академия внешней разведки). Он являлся

кандидатом исторических наук, автором многих научных трудов по разведывательной проблематике.

В 1984 году ветеран вышел в отставку, однако до последнего дня продолжал принимать активное участие в воспитании молодых сотрудников разведки.

За достигнутые высокие разведывательные результаты полковник Барковский награжден орденом Красного Знамени, тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, «Знак Почета», многими медалями, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке».

15 июня 1996 года Указом Президента Российской Федерации за выдающийся вклад в обеспечение безопасности нашей страны ему было присвоено звание Героя России.

Скончался Владимир Борисович Барковский 21 июля 2003 года. Его имя занесено на мемориальную доску Службы внешней разведки России.

У одного из столиков в зале вашингтонского ресторана «Оксидентал» до недавнего времени висела табличка, на которой значилось: «В напряженный период Кубинского кризиса в октябре 1962 года за этим столом состоялась беседа таинственного русского «мистера Х» с корреспондентом телевизионной компании ABC Джоном Скали. На основе этой встречи была предотвращена угроза ядерной войны».

Этим таинственным русским являлся Александр Семенович Феклисов, резидент разведки КГБ в Вашингтоне. А за полтора десятка лет до этих событий он же принимал непосредственное участие в получении важнейшей информации по атомной тематике.

Александр Феклисов родился 9 марта 1914 года в Москве в семье железнодорожника. В 1929 году окончил железнодорожную школу-семилетку, затем — фабрично-заводское училище имени Ф. Э. Дзержинского. Работал помощником машиниста на паровозе. В 1939 году окончил радиофакультет Московского института инженеров связи и был направлен на работу в органы государственной безопасности. После окончания Школы особого назначения НКВД, готовившей кадры для внешней разведки, был зачислен в ее американский отдел.

В первую свою загранкомандировку в Нью-Йорк Феклисов прибыл 27 февраля 1941 года. В генконсульстве СССР в Нью-Йорке он занимал по прикрытию должность стажера. В первые месяцы пребывания в США «Калистрат» (оперативный псевдоним разведчика) знакомился с городом, совершенствовал знание языка, изучал агентурно-оперативную обстановку.

Только в апреле ему объявили, что в соответствии с заданием Центра ему предстоит решить задачу установления шифрованной двусторонней радиосвязи между резидентурой и Центром. Одновременно разведчику вменялось в обязанность переводить на русский язык поступающие в резидентуру от агентуры информационные материалы, подбирать места встреч с агентурой для других сотрудников резидентуры.

С началом Великой Отечественной войны «Калистра-ту» было поручено вести разработку ряда перспективных иностранцев, а также руководить ценной агентурой по линии научно-технической разведки. От его источников были получены ценные сведения в области военной авиации, ракетной техники, электроники, в том числе о новейших в то время сонарах, радарах, прицельных системах, зенитных радиовзрывателях, компьютерах. В сентябре 1946 года разведчик возвратился в Москву.

В августе 1947 года Феклисов выехал на работу в Англию в качестве заместителя руководителя лондонской резидентуры по линии научно-технической разведки. Одной из основных задач, стоявших перед его группой, являлось добывание достоверной секретной информации о ходе работ в США и Англии над созданием ядерного оружия. «Калистрат» принимал непосредственное участие в решении данной проблемы, поддерживая оперативную связь с проживавшим в Лондоне видным ученым-ядерщиком Клаусом Фуксом.

Испытание первой атомной бомбы в СССР вызвало потрясение во всем мире и шок у правящей элиты США. В правительственных кругах США и Англии пришли к выводу, что секреты атомного оружия были похищены советскими агентами, работавшими в американском центре ядерных исследований в Лос-Аламосе, где создавалась американская атомная бомба. ФБР приступило к тщательному расследованию. Активному изучению подверглись все лица, приезжавшие в Лос-Аламос, в том числе и Клаус Фукс. Британская контрразведка взяла Клауса Фукса в интенсивную разработку, а 3 февраля 1949 года он был арестован и позже приговорен к четырнадцати годам тюремного заключения. Ученый вышел из английской тюрьмы в июне 1959 года. Он отказался от престижных предложений заниматься научной работой на Западе и улетел в Восточный Берлин.

В связи с начавшимся судом над Клаусом Фуксом Центр принял решение о прекращении служебной командировки «Калистрата». В начале апреля 1950 года он возвратился в Москву.

С середины 1950 года по август 1960-го Феклисов занимал ряд

руководящих должностей в центральном аппарате внешней разведки. Одновременно с июня 1953-го по декабрь 1955 года находился в Праге, являясь заместителем главного советника МВД — КГБ по разведке при МВД ЧССР. В 1959 году принимал непосредственное участие в организации и обеспечении безопасности визита Н. С. Хрущева в США.

В 1960–1964 годах Феклисов возглавлял резидентуру советской внешней разведки в Вашингтоне. Принимал непосредственное участие в разрешении Карибского ракетно-ядерного кризиса 1962 года, организовав неофициальный опосредованный контакт руководителей двух противоборствующих стран. В результате Советский Союз принял предложение США о демонтаже ракет на Кубе. Взамен США обязались вывести свои ракеты «Юпитер» с территории Турции, а также снять блокаду Кубы и не нападать на нее.

Возвратившись в Москву, Александр Семенович работал на руководящих должностях в ПГУ КГБ СССР. С 1969 года находился на преподавательской работе: являлся заместителем начальника Краснознаменного института КГБ (ныне — Академия внешней разведки) и одновременно начальником одного из его факультетов. Кандидат исторических наук.

В 1974 году полковник Феклисов вышел в отставку. За заслуги в разведывательной работе он награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, орденом «Знак Почета», многими медалями, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке».

Находясь в отставке, Феклисов принимал активное участие в воспитании молодого поколения сотрудников внешней разведки, занимался исследовательской и публицистической деятельностью. В 1994 году вышла его книга мемуаров «За океаном и на острове», а в 1999 году — «Признание разведчика». В них А. С. Феклисов в доступной форме рассказал о своей разведывательной деятельности за рубежом.

15 июня 1996 года Указом Президента Российской Федерации за выдающийся вклад в обеспечение безопасности нашей страны Александру Семеновичу Феклисову было присвоено звание Героя России.

Скончался Александр Семенович 26 октября 2007 года.

10 апреля 1945 года, незадолго до кончины президента США Франклина Рузвельта, военный министр вручил ему секретную записку, в которой говорилось: «Через четыре месяца мы, по всей вероятности,

завершим работы над оружием, ужаснее которого не знало человечество». Хозяину Белого дома не надо было пояснять, о каком оружии идет речь: именно он стоял у истоков создания атомной бомбы в США. Через два дня Рузвельт умер. К присяге в качестве нового президента страны был приведен вице-президент Гарри Трумэн, который не был посвящен в тайны «Манхэттенского проекта», и министру обороны США пришлось вводить его в курс дела. То, что не было известно Гарри Трумэну о «Манхэттенском проекте», в тонкостях знал скромный молодой стажер советского Генерального консульства в Нью-Йорке Анатолий Яковлев. Под этой фамилией в США в военные годы работал сотрудник советской внешней разведки Анатолий Антонович Яцков.

Он родился 31 мая 1913 года в бессарабском городе Аккерман, который ныне называется Белгород-Днестровский. Через год его родители переехали в Центральную Россию, в Тамбовскую губернию. Здесь, в Большой Грибанов-ке, Анатолий окончил среднюю школу, работал на местном сахарном заводе, затем перебрался в Москву. В столице он устроился чернорабочим, затем слесарничал и учился.

В 1937 году Яцков окончил Московский полиграфический институт и начал работать инженером-технологом на столичной картографической фабрике имени Дунаева. Одновременно активно занимался парашютным спортом.

В конце 1938 года по рекомендации ЦК ВКП(б) был направлен на работу в органы государственной безопасности и зачислен на учебу во французскую группу Школы особого назначения НКВД СССР. Началась его подготовка к разведывательной работе во Франции. Однако к окончанию учебы жизнь внесла коррективы в планы руководства разведки.

В июне 1940 года Франция капитулировала перед фашистской Германией. Вопрос о выезде Яцкова в эту страну отпал. В кадрах сообщили, что ему предстоит командировка в США, дали три месяца на изучение английского языка, доучивать который разведчику предстояло уже в Нью-Йорке, куда он прибыл незадолго до начала Великой Отечественной войны.

В Нью-Йорке «Алексея» (оперативный псевдоним разведчика) определили на должность стажера Генерального консульства СССР. Он вел прием посетителей — в основном американских граждан, отбывавших в СССР по делам бизнеса, и... усиленно овладевал разговорным английским.

Постепенно у «Алексея» дела пошли на лад. Он разработал операцию по выходу на интересующие разведку объекты вербовочного проникновения. В ходе ее реализации «Алексей» познакомился с

человеком, имевшим устойчивые контакты среди физиков-атомщиков. Американец с симпатией относился к Советскому Союзу, был непримиримым противником нацизма и постепенно согласился помогать СССР в борьбе против гитлеровской угрозы. Этот контакт представлял большой интерес для Центра.

В 1942 году Центр санкционировал вербовку «Алексеем» другого американца, являвшегося специалистом в области радиоэлектроники. Источник оказался исключительно результативным. От него поступала важная информация по новым радиоприборам, используемым в авиации и противовоздушной обороне, которая неизменно получала высокую оценку советских технических специалистов. В дальнейшем источник передал «Алексею» готовые образцы авиационных приборов, общая стоимость которых составила более 150 тысяч долларов США. Сегодня эту сумму можно смело увеличить в 20 раз.

Вскоре оперработнику была передана на связь агентурная группа «Волонтеры». Ее возглавлял завербованный еще в 1938 году в Испании Моррис Коэн («Луис»). Однако поработать с ним в годы войны «Алексею» не удалось: в середине 1942 года Моррис был призван в американскую армию и направлен на европейский театр военных действий. Руководство группой «Волонтеры» взяла на себя жена «Луиса» — Леонтина Коэн (оперативный псевдоним «Лесли»).

К концу 1943 года в США в составе группы английских физиков, прибывших для работы над «Манхэттенским проектом», находился ценный источник советской внешней разведки — видный ученый-физик Клаус Фукс. Для поддержания связи с Клаусом Фуксом был выделен специальный курьер, находившийся на связи у «Алексея». Разведчик принимал непосредственное участие в ответственных операциях по организации связи с Фуксом и получению от него особо секретной информации о создании ядерного оружия.

Разумеется, Клаус Фукс был не единственным источником советской внешней разведки по атомной тематике.

В 1944 году «Алексею» удалось завербовать молодого ученого из металлургической лаборатории Чикагского университета «Персея», приглашенного работать в ядерную лабораторию США в Лос-Аламосе. Поддерживать связь с иностранцем было поручено «Лесли».

Благодаря усилиям «Алексея» и его товарищей Советскому Союзу удалось преодолеть ядерную монополию США. Информация советской разведки позволила не только ускорить работы над собственным ядерным оружием, но и сэкономить значительные средства.

В конце 1945 года «Алексей» был назначен исполняющим обязанности резидента внешней разведки. В начале 1946 года ему был присвоен дипломатический ранг вице-консула. Осенью того же года Центром было принято решение о переводе «Алексея» во Францию, куда он выехал из Нью-Йорка в конце декабря. В январе 1947 года «Алексей» приступил к работе в парижской резидентуре под прикрытием второго секретаря посольства СССР. Перед ним была поставлена задача создать агентурный аппарат для научно-технической разведки.

Весной 1949 года Анатолий Яцков возвратился в Москву после девятилетнего пребывания за рубежом. После успешного испытания первой советской атомной бомбы он был награжден орденом Красного Знамени и назначен заместителем начальника одного из отделов научно-технической разведки.

В 1955 году Ирак разорвал дипломатические отношения с Советским Союзом, обвинив его во вмешательстве во внутренние дела и поддержке коммунистической партии, которая якобы готовила военный переворот. Руководством разведки было принято решение направить Яцкова в Ирак под видом канадского бизнесмена. Разведчик успешно справился с поставленной перед ним задачей, информировав Центр о развитии внутренней обстановки в этой стране.

В последующие годы Анатолий Антонович занимал руководящие должности в научно-технической разведке, выезжал в долгосрочные командировки на оперативную работу в страны Западной и Восточной Европы. Затем занимался преподавательской деятельностью: возглавлял факультет в Краснознаменном институте КГБ СССР имени Ю. В. Андропова.

В 1985 году полковник Яцков вышел в отставку. Находясь на заслуженном отдыхе, продолжал поддерживать тесную связь с коллективом, часто выступал перед молодыми сотрудниками разведки. В прессе нередко появлялись его статьи, воспоминания, рецензии.

За заслуги в разведывательной работе и большой вклад в обеспечение безопасности нашей страны А. А. Яцков награжден орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке».

26 марта 1993 года Анатолий Антонович скончался. Его имя было занесено на мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

Указом Президента Российской Федерации от 15 июня 1996 года Анатолию Антоновичу Яцкову было посмертно присвоено звание Героя Российской Федерации.

Время доказало прозорливость продуманной и вовремя проведенной Александром Михайловичем Сахаровским и его заместителями реорганизации научно-технической разведки.

По поручению Шелепина

Мы уже упоминали о том, как удивился председатель КГБ при СМ СССР Александр Николаевич Шелепин тому, что во внешней разведке нет африканского отдела. Сахаровский получил задание создать такой отдел, и в августе 1960 года он был создан.

Первым руководителем африканского отдела ПГУ стал замечательный советский разведчик Аркадий Иванович Куликов. Он был не только мастером оперативного дела, но и прирожденным воспитателем. В дальнейшем из африканского отдела вышли видные разведчики и руководители разведки, генералы и полковники, успешно работавшие в различных странах на разных континентах.

В 1967–1970 годах африканский отдел возглавлял неоднократно упоминавшийся нами генерал-лейтенант Вадим Алексеевич Кирпиченко.

Наша справка

Вадим Кирпиченко был одним из немногих людей в нашей стране, кто неоднократно встречался с семьей (!) директорами Центрального разведывательного управления США. Будучи профессиональным разведчиком, он хорошо знал сильные и слабые стороны «рыцарей плаща и кинжала» из Лэнгли.

Родился 25 сентября 1922 года в Курске. Окончил среднюю школу. После начала Великой Отечественной войны пошел добровольцем на фронт.

Старший сержант 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии Кирпиченко освобождал Венгрию, Австрию, Чехословакию. Среди боевых наград — медаль «За отвагу» и орден Отечественной войны I степени. Демобилизовался в конце 1946 года.

В 1947 году поступил в Московский институт востоковедения (арабское отделение), который окончил в 1952 году, был направлен на работу во внешнюю разведку. Владел арабским, английским и французским языками.

В 1954–1960 годах — заместитель резидента в Египте. В 1962–1964 годах возглавлял резидентуру в Тунисе. В 1970–1974 годах — резидент советской внешней разведки в Египте.

После возвращения из командировки был назначен начальником нелегальной разведки и заместителем начальника ПГУ КГБ при СМ СССР.

С октября 1979 года — первый заместитель начальника внешней разведки.
С 1991 года — руководитель Группы консультантов при директоре СВР России.

Награжден восемью советскими и российскими орденами, многими медалями, восемью иностранными орденами, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке».

В 1997 году генерал-лейтенант Кирпиченко вышел в отставку. Руководил авторским коллективом «Очерков истории российской внешней разведки». Автор многих статей и очерков по проблемам разведки, опубликованных в российских и зарубежных средствах массовой информации, трех книг мемуаров, переведенных на ряд иностранных языков. Лауреат премии СВР России в области литературы и искусства. Почетный гражданин города Курска.

Вадим Алексеевич Кирпиченко скончался 3 декабря 2005 года.

В одной из своих книг разведчик писал: «В конечном счете главным побудительным мотивом моей работы явилась любовь к разведке, к ее сотрудникам, к профессии, к самим ее зданиям и ее территории. И я счастлив тем, что мне суждено было долгое время работать в разведке и искренне любить ее».

Вся жизнь и служебная деятельность разведчика Кирпиченко свидетельствовали об искренности этих слов.

Но это выдержки из служебной справки на генерал-лейтенанта. А вот что писали о Вадиме Алексеевиче журналисты:

«Респектабельный, располагающий к себе немолодой уже человек плотной комплекции. Невидимый в толпе, имеющий дар появляться так же внезапно, как и исчезать. Интереснейший собеседник, оперирующий по памяти и соединяющий логической нитью полярные, казалось бы, факты разных лет и эпох, навскидку цитирующий Пастернака, Паустовского, Шолохова... При этом — человек исключительной скромности, без намека на повышенную самооценку. Когда ему предложили встать у стенда, где продавались его книги, он без раздумий согласился, охотно давал автографы...»

Таким он и был — генерал-лейтенант Кирпиченко, руководитель «мозгового центра» внешней разведки, как часто именовали Группу консультантов при ее директоре, соратник Сахаровского, Крючкова, Примакова.

Бурные события в Африке в конце 1950-х — начале 1960-х годов застали врасплох практически все внешнеполитические учреждения

Советского Союза. Говорят, что Н. С. Хрущев, провожая Николая Пегова послом в Алжир, строго наказывал: «Ваша задача — сделать всё, чтобы Алжир стал социалистическим, а мы здесь постараемся облегчить вашу задачу».

Итак, в 1960 году по указанию Шелепина в разведке был образован самостоятельный африканский отдел. Конечно, никто не отрицает значения инициативы вышестоящего руководителя при принятии данного решения. Более того, действительно, по-настоящему работать по Африке внешняя разведка начала с 1960 года, когда стал набирать силу процесс деколонизации африканских стран. Именно тогда сразу 17 независимых государств появились на карте Африканского континента.

Вместе с тем было бы не совсем правильно утверждать, что сам по себе факт получения африканскими странами независимого статуса побудил советское руководство автоматически принять решение об организации разведывательной работы в молодых африканских государствах. Объективно сложилось так, что борьба африканских народов за независимость стала объектом активного соперничества на континенте великих держав. Африканский континент превратился в арену идеологической и политической конфронтации двух блоков.

Руководству внешней разведки и лично начальнику ПГУ Сахаровскому с первых же шагов работы в африканских странах пришлось столкнуться с серьезными трудностями. Прежде всего, это были трудности в достижении взаимопонимания сотрудников разведки с чиновниками молодых африканских государств. У них были совсем другие менталитет, привычки и нравы. Колониальные времена приучили их не доверять белому человеку, обмануть его считалось заслугой.

Бытовая неустроенность наших сотрудников, отсутствие порой элементарных санитарных и жилищных условий, перебои в снабжении продовольствием заставляли комплектовать резидентуры молодыми, а следовательно, неопытными разведчиками.

Тем не менее мудрый Сахаровский активно использовал авторитет и положение своего шефа, председателя КГБ, чтобы создать нормальные условия для работы сотрудникам разведки, которых он отправлял в африканские страны.

Еще одна из важных особенностей деятельности советской разведки на Черном континенте заключалась в том, что она не была направлена против африканских стран. Напротив, она объективно отвечала их интересам борьбы за укрепление своей политической и экономической независимости. Поэтому с самого начала организации работы в Африке

руководство разведки не рекомендовало вести вербовочную работу в прогрессивных политических и государственных кругах африканских стран. Это отнюдь не облегчало получения достоверных сведений, столь необходимых для решения поставленных перед разведкой задач. Приходилось внедрять новые приемы и методы работы. Главным оружием оставались доверительные связи. Приобрела большое значение обработка открытых источников информации — различных публикаций, справочников, прессы, радио и телевидения.

Такая работа требовала хорошей политической подготовки, знания проблем и большого профессионального мастерства. Политические и общественные деятели, служащие различного уровня, вплоть до самых высоких, охотно шли на установление контактов. Однако искусство разведчика заключалось в том, чтобы придать этим отношениям определенную направленность и довести до такой степени доверительности, при которой можно было рассчитывать на получение требуемой конфиденциальной информации.

Главной боли руководству разведки добавляли и бесчисленные государственные перевороты, происходившие при вмешательстве западных держав и их спецслужб, сопровождавшиеся междоусобицей, племенными распрями, гражданскими войнами. От разведки в каждом конкретном случае требовалась информация о том, кто пришел к власти, какие силы совершили переворот, по какому пути они намерены вести страну. Ответить на все эти вопросы было нелегко.

Кроме того, приходилось учитывать, что западная дипломатия и западные спецслужбы вели работу по подрыву отношений Советского Союза с африканскими странами. Они обрабатывали и подкупали африканских лидеров, использовали свою агентуру для распространения дезинформации, представлявшей в искаженном виде политику и намерения СССР в Африке.

Необходимо было также учитывать, что в ряде африканских государств, рассматривавшихся советским руководством как страны прогрессивной ориентации, перед резидентурами ставилась весьма своеобразная для разведки задача — содействовать развитию и укреплению отношений между странами ее специфическими средствами.

Советская разведка выполняла в Африке очень важную функцию: поддерживала связь с освободительными движениями стран, которые еще находились под гнетом колониализма. Помощь этим движениям оказывалась по разным каналам. Значительный объем работы по поддержанию контактов с освободительными движениями и оказанию им

поддержки Международный отдел ЦК КПСС возлагал на внешнюю разведку.

Правда, работа с представителями национально-освободительных движений отвлекала разведчиков от выполнения чисто разведывательных задач: приобретение источников информации, проникновение на объекты главного противника. А потому ряд разведчиков ее недолюбливали. Но Сахаровскому при оценке их работы всегда удавалось находить в этом противоречии «золотую середину».

Подчеркнем, что оперативная обстановка в большинстве африканских стран в рассматриваемый период оставалась весьма сложной. В этой связи разведывательная работа непосредственно с их представителями требовала от сотрудников резидентур постоянного повышения своих профессиональных навыков и знаний.

Одновременно необходимо отметить, что разведка не делала жесткого идеологического выбора по отношению к освободительным движениям. Она стремилась охватить как можно более широкий круг представителей национально-освободительных движений, разобраться в их реальных возможностях в организации борьбы за освобождение своих стран. При этом в данном вопросе учитывалась линия КПСС, которую настойчиво подчеркивал Н. С. Хрущев на встречах с африканскими деятелями: «Не рвите экономические связи с метрополиями, старайтесь извлекать для себя пользу из реально существующих отношений».

Контакты КГБ с органами безопасности африканских стран возникали и угасали, но существовали всегда. Сводились эти отношения в основном к обмену информацией, представлявшей взаимный интерес, к краткосрочной подготовке кадров в Москве или на местах, к помощи оперативной техникой. Обучение кадров не включало в себя преподавание политических дисциплин, за исключением редких случаев, когда поступали специальные просьбы на этот счет. Многие руководители африканских спецслужб, с которыми пришлось встречаться Сахаровскому, запомнились ему компетентностью, любознательностью, преданностью своему государству.

Символично, что Александр Михайлович начинал свою деятельность на посту начальника ПГУ с проблем на Африканском континенте, когда 29 октября 1956 года началась тройственная агрессия Англии, Франции и Израиля против Египта. А заканчивал свою карьеру, когда в 1973 году египетские войска изгнали израильтян с восточного берега Суэцкого канала. Сахаровский анализировал эти события, уже будучи старшим консультантом по разведке Группы консультантов при председателе КГБ при СМ СССР.

Более того, свою последнюю заграничную командировку в ранге руководителя ПГУ Сахаровский совершил в марте 1970 года в Египет. Предстояли переговоры по обеспечению безопасности прибытия в страну наших ракетчиков и военной техники. В качестве советника Сахаровского сопровождал в этой поездке Кирпиченко.

Следует подчеркнуть, что советская внешняя разведка в условиях политической нестабильности, кризисов и военных действий, характерных для Африканского континента середины 1950—1970-х годов, выполняла свой долг, успешно решала поставленные перед ней задачи.

Боевые соратники

Уже в начальный период руководства А. М. Сахаровским Первым главным управлением КГБ при СМ СССР начали активно пересматриваться основные направления деятельности внешнеполитической разведки.

Так, время диктовало необходимость обратить, в частности, самое пристальное внимание на проведение акций содействия внешней политике СССР. В то время эти акции обозначались в разведке термином «активные мероприятия». Они включали в себя и акции по срыву антисоветских планов и намерений стран Запада, о которых добывала информацию разведка.

До 1959 года процесс практической реализации разведдеятельности в сфере активных мероприятий шел достаточно медленно. В 1959 году по инициативе Сахаровского в рамках ПГУ было создано специальное подразделение, которое должно было играть роль организатора и координатора всей работы внешней разведки в области разработки и реализации активных мероприятий. Руководителем отдела был назначен полковник Иван Иванович Агаянц. Его разведывательная биография была тесно переплетена с политическими и дипломатическими событиями мирового масштаба.

В истории советской внешней разведки было немало страниц, которыми могла бы гордиться любая держава. А на этих страницах блистали имена славных сынов нашей страны, верных долгу и чести. Одним из таких людей был Иван Иванович Агаянц.

Ему было суждено сыграть заметную роль в деятельности внешней разведки Советского Союза, службе в которой он посвятил более тридцати лет. Коллеги, товарищи отзывались о нем как об энергичном, смелом, инициативном, одаренном и исполнительном человеке. Он с энтузиазмом брался за любое дело и выполнял его неизменно с положительным результатом. Оперативные сотрудники чувствовали уверенность в успехе любой, даже самой серьезной операции, если рядом находился Агаянц.

Иван Агаянц родился 28 августа 1911 года в азербайджанском городе Гянджа (в 1935–1989 годах — Кировабад) в семье счетовода, армянина по национальности. Его отец позднее стал сельским учителем и священником (в 1924 году отрекся от духовного сана).

Детские и школьные годы Ивана были неотделимы от бурных революционных событий, которые происходили в то время в стране и в его родном городе. Так случилось, что он воспитывался сестрой — врачом по профессии. В ее доме он приобщался к культуре, знаниям в самых различных областях, иностранным языкам. Одновременно ему импонировали взгляды и убеждения двух старших братьев, которые, безоговорочно и с энтузиазмом приняв советскую власть, активно участвовали в политической жизни послереволюционного Закавказья и со временем стали работать в органах ВЧК — ОГПУ, что впоследствии определило и выбор самого Ивана. Окончив экономический техникум, он сменил ряд профессий, находился на комсомольской и партийной работе.

В 1930 году Иван Агаянц вслед за старшими братьями переезжает из Гянджи в Москву и поступает на работу в Экономическое управление ОГПУ. Через некоторое время молодые сотрудники ОГПУ выдвигают Ивана Агаянца на выборную должность: в течение нескольких лет он руководит деятельностью их комсомольской организации.

Напряженная работа не стала помехой для совершенствования и приобретения знаний в области исторических и юридических наук, литературы и искусства. Иван Агаянц обладал исключительной способностью к иностранным языкам, свободно владел французским, персидским, турецким и испанским, достаточно хорошо знал английский и итальянский.

В 1936 году энергичного молодого сотрудника переводят в аппарат внешней разведки, а уже в 1937 году направляют на оперативную работу во Францию. В парижской резидентуре он находился сначала под прикрытием сотрудника торгпредства, а затем — заведующего консульским отделом посольства СССР.

Возвратившись в Москву в конце 1939 года после успешной командировки, Агаянц становится начальником отделения, а вскоре — заместителем начальника одного из подразделений 5-го (разведывательного) отдела ГУГБ НКВД СССР (внешней разведки).

В начале 1940 года Агаянц направляется резидентом в Иран. Обстановка в этой стране в то время была сложной. Благодаря умелой организации широкого комплекса разведывательных мероприятий, большой личный вклад в которую внес Агаянц, резидентура успешно справилась со стоявшими перед ней задачами.

Агаянц лично участвовал в проведении разведывательных операций, порой связанных с риском для жизни, проявлял незаурядные способности в вербовочной работе. В документах того времени, в частности, говорилось:

«Важная оперативная разведывательная информация, получаемая советскими разведчиками в Иране, сыграла существенную роль при принятии военным командованием и руководством страны тех или иных политических и военно-стратегических решений».

Сложная и ответственная работа выпала Агаянцу и его сотрудникам накануне и в ходе Тегеранской конференции руководителей трех союзнических государств, состоявшейся в конце 1943 года. Советской разведке во главе с ее главным резидентом в Иране удалось переиграть Отто Скорцени, готовившего покушение на лидеров СССР, США и Великобритании, и разрушить замыслы террористов.

После Ирана, в 1946 году, Иван Иванович вновь выехал в Париж, теперь уже в качестве резидента. Однако по состоянию здоровья командировка не была продолжительной (дал о себе знать хронический туберкулез, которым этот энергичный и жизнестойкий человек страдал с середины 1930-х годов).

В то время в Париже проходила вторая сессия совета министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции, готовившая проекты договоров для предстоящей мирной конференции. Ивану Ивановичу пришлось организовывать работу по оказанию помощи советской делегации, которую возглавляли В. М. Молотов и А. Я. Вышинский.

Парижская резидентура под руководством Агаянца активизировала работу: был расширен круг источников за счет хорошо осведомленных людей, приобретены новые ценные агенты и доверительные связи. Сотрудникам резидентуры удалось добыть секретный вариант «плана Маршалла», который дал возможность советской делегации строить свою работу с учетом политических целей США в Европе.

Только этих результатов, достигнутых за время работы Агаянца во главе резидентуры, хватило бы для того, чтобы оценить его как крупного разведчика, внесшего большой вклад в укрепление позиций СССР на международной арене.

С 1948 года Агаянц находился на руководящих должностях в центральном аппарате внешней разведки: был начальником Управления Комитета информации, начальником кафедры Высшей разведывательной школы. В 1959 году Сахаровский предложил ему возглавить Службу активных мероприятий. Во второй половине 1960-х годов газета «Нью-Йорк геральд трибюн» сообщала, что ЦРУ направило в конгресс США доклад, в котором, в частности, указывалось, что «осуществлению многих оперативных мероприятий американских спецслужб активно мешает

деятельность управления советской внешней разведки, возглавляемого генералом Агаянцем».

16 декабря 1965 года Ивану Ивановичу Аганцу было присвоено звание генерал-майор. В 1967 году он был назначен заместителем начальника Первого главного управления КГБ при СМ СССР.

За успехи в разведывательной деятельности генерал-майор Агаянц был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудными знаками «Заслуженный работник НКВД» и «Почетный сотрудник госбезопасности».

12 мая 1968 года Ивана Ивановича Агаянца не стало.

В некрологе для сотрудников внешней разведки, подписанном Сахаровским, говорилось: «На всех участках работы почетный сотрудник госбезопасности генерал-майор Агаянц проявил себя талантливым и энергичным организатором, умным и вдумчивым человеком, обаятельным другом и товарищем... Его деятельность на практической агентурно-оперативной работе за рубежом была чрезвычайно продуктивной. Достаточно сказать, что в период командировки он лично завербовал несколько ценных агентов, которые по настоящее время являются источниками получения важной документальной информации... Несомненно и очевиден также личный вклад И. И. Агаянца в разработку и осуществление крупных комплексных активных мероприятий, нанесших видимый и зримый ущерб противнику».

Любая историческая эпоха, события которой характеризуются острым противоборством в обществе, всегда порождает и выдающихся руководителей, и выдающихся исполнителей, чьим трудом, потом и кровью претворялись в жизнь передовые идеи того времени.

Сахаровский, родившийся в 1909 году, и Агаянц, родившийся в 1911-м, принадлежат к представителям того поколения советских людей, чьи молодые годы пришлись на период активного строительства нового государства, а зрелость — на восстановление его экономики после разрушительной войны. Это поколение приняло от своих предшественников романтическое стремление к новой жизни и неугасающую энергию в борьбе за эту жизнь как на мирном трудовом фронте, так и с оружием в руках, если в этом возникала необходимость.

Их пути сошлись в сентябре 1947 года, когда Иван Иванович вернулся из Парижа в Москву и возглавил одно из управлений Комитета информации при Совете министров СССР, как тогда называлась разведка. К тому времени за плечами Агаянца был уже семнадцатилетний опыт работы

в органах государственной безопасности и внешней разведки.

Сахаровский в то время занимал должность начальника 2-го отдела в управлении, которое возглавил Агаянц. Общение с Агаянцем, который был не только талантливым разведчиком, но и видным политиком и дипломатом, значительно расширило кругозор Сахаровского, приучило его не замыкаться в рамках узковедомственных интересов. Безусловно, школа Агаянца в дальнейшем способствовала успешной работе Сахаровского на посту начальника внешней разведки.

Именно Иван Иванович в октябре 1948 года рекомендовал Сахаровского на должность заместителя начальника одного из управлений Комитета информации. Вновь их пути сошлись при создании в 1959 году во внешней разведке подразделения, на которое были возложены задачи по подготовке и проведению активных мероприятий за рубежом.

В конце 1965 года начальник внешней разведки А. М. Сахаровский подписал следующую характеристику на И. И. Агаянца:

«Полковник Агаянц в разведке работает более 30 лет, с 1940 года — на руководящих должностях, трижды находился в долгосрочных командировках в капиталистических странах, причем дважды в качестве резидента КГБ. Лично достиг значительных вербовочных результатов.

И. И. Агаянц обладает обширными знаниями. Исключительно инициативен и трудолюбив, в коллективе пользуется большим авторитетом как один из наиболее квалифицированных и заслуженных сотрудников разведки».

Выходцем из подразделения, которым руководил Агаянц, являлся и будущий заместитель председателя КГБ СССР — начальник Второго главного управления генерал-полковник Григорий Федорович Григоренко. В 1959–1961 годах он занимал должность заместителя Агаянца, а с марта 1962-го по 1969 год возглавлял подразделение внешней контрразведки.

До 1954 года в структуре внешней разведки не было подразделения, которое занималось бы разработкой спецслужб противника и обеспечением безопасности разведывательной деятельности резидентур. В июне 1954 года оно было создано. Концентрация контрразведывательной работы в рамках одного подразделения, укомплектованного опытными сотрудниками, принесла свои плоды. Внешняя контрразведка сумела добиться ощутимых результатов. Так, приобретенный в аппарате министерства юстиции США источник внешней контрразведки за несколько лет сотрудничества передал советской разведке около пяти тысяч копий документов о работе ФБР против граждан и учреждений СССР в США.

На территории Западной Германии только от одного из источников были получены документальные данные на несколько сотен американских агентов, занимавшихся вербовкой советских граждан.

Ценным источником внешней контрразведки был кадровый сотрудник английской разведки Джордж Блейк. Большой объем материалов о структуре, кадрах и оперативной деятельности разведок Англии и США, в том числе о заброске американской и английской агентуры на территории СССР и стран народной демократии, был получен от Кима Филби.

Было ясно, что работу по этой линии нужно усиливать. И Сахаровский со своими заместителями явился инициатором создания в структуре ПГУ службы внешней контрразведки, которую и возглавил Григорий Федорович Григоренко.

Руководство страны требовало от своей внешней разведки аналитической информации, касающейся проблем взаимоотношений с зарубежными государствами. Начальник разведки Сахаровский прекрасно понимал, что для решения этой задачи без хорошо поставленной информационно-аналитической работы в Центре не обойтись.

Между тем еще в первой половине 1953 года информационное управление внешней разведки было преобразовано в отдел и существенно сокращено. Из 170 сотрудников оставили лишь 12 информационных специалистов, 12 переводчиков, секретариат и руководство — всего 30 человек. Управление переименовали в Отдел переводов и обработки информации.

Трудно представить, как 12 информационных работников могли обрабатывать всю информацию, да еще следить по открытым источникам за положением дел в капиталистическом мире. Начальник отдела Филипп Артемьевич Скрягин подчеркивал в отчете о работе своего подразделения за 1952–1954 годы, что «определенная часть трудностей, слабостей и недостатков в работе информационного подразделения ПГУ в отчетный период явилась следствием отрицательного влияния на нее элементов субъективизма и волюнтаристских решений отдельных лиц, возглавлявших некоторое время органы госбезопасности СССР».

И Сахаровский совместно со Скрягиным принимает активные меры, чтобы поднять информационно-аналитическую работу центрального аппарата разведки на должный уровень.

Но прежде всего хотелось бы сказать несколько слов о человеке, которому Сахаровский доверял и к мнению которого прислушивался.

Начальник информационно-аналитического подразделения разведки Филипп Артемьевич Скрягин был почти ровесником Александра

Михайловича. Родился в 1910 году в 90 верстах от Киева, в небольшом городе Переяслав (в 1943–2019 годах — Переяслав-Хмельницкий). Отец его был крестьянином хутора Воскресенского Переяславского района. Оттуда в поисках лучшей доли уехал в Екатеринослав, где стал специализироваться по столярному делу на вагоностроительном заводе. Отец был неграмотным, но сметливым и быстро освоил и плотницкое, и столярное ремесло. Мать тоже была неграмотной и в молодости натерпелась всякого, особенно когда работала горничной. Семья Скрягиных состояла из девяти душ. Из четырех сыновей Филипп был третьим. Много лет спустя он скажет: «С рождением мне повезло, я смог больше, чем другие братья и сестры, учиться».

В 1926 году, в неполные 16 лет, Филипп начал работать подручным столяра на мельнице, в 1927-м, когда ему не исполнилось еще и семнадцати, уехал в Киев поступать на рабфак. Здесь в маленькой комнатухе жила с мужем и дочерью его сестра. С трудом устроившись на работу, он к семи часам утра шел на завод, а к шести вечера спешил на рабфак. Занятия продолжались до одиннадцати вечера каждый день, кроме воскресенья. Учился он охотно, напористо, пройдя за два года трехлетний курс обучения. Принимал активное участие в комсомольской работе.

Прекрасно зная биографию Скрягина, Сахаровский проникся к нему полным доверием. Он понимал, что этот человек принадлежит к той категории людей, которые своим трудом и личным примером будут создавать слаженное, дружное и боеспособное звено внешней разведки. И Сахаровский не ошибся.

В работе для Скрягина не существовало мелочей. Он отработывал документы, стремясь добиться полной ясности и достоверности, не подделываясь под ту или иную конъюнктуру. Если было надо, мог работать с исполнителями всю ночь, выполняя важное задание руководства. Не терпел двуличия и приспособленчества, подхалимов, разгильдяев, интриганов. Сам вел себя в высшей степени корректно, замечания делал по существу, избегал задевать человеческое достоинство.

Военная служба, фронтовой опыт, работа с важной информацией заложили в Скрягине тот фундамент, который помог ему в сложившихся условиях изменить прежнюю практику и организацию информационной работы. Пришлось преодолеть немало трудностей. Введение жесткого подхода к оценке получаемых информационных материалов исключало появление легковесных — «мотыльковых», по выражению Скрягина, — разведывательных сообщений. Важным направлением работы стала тщательная оценка разведматериалов, что позволяло выявить

дезинформаторов или лиц, стремившихся заработать на передаче нам несекретных, почерпнутых из открытых источников сведений, которые они выдавали за секретные.

Сахаровский оценил желание Скрягина заложить фундамент для серьезной аналитической работы, его стремление тщательно, с перспективой на будущее отбирать способных к аналитической работе сотрудников и всемерно поддерживать их. В результате каждый подготовленный ими аналитический документ заслуживал доверия.

Позже, говоря о своем товарище и коллеге, который за многие годы совместной работы ни разу не подвел начальника разведки, Сахаровский дал ему следующую характеристику:

«Филипп Артемьевич — способный, инициативный, обязательный человек. Он очень ответственно подходил к оценке и обработке материалов. Спокойно и уверенно занимался решением порученных вопросов. Был требователен, но не шумлив. Умело выращивал людей. Постоянно находил новые формы и направления в работе, щедро делился своим опытом с другими. Внимательно выслушивал чужие мнения, настойчиво отстаивал свое, но это не было упрямством».

По мнению Сахаровского, личный вклад Скрягина в организацию целенаправленной работы по глубокому анализу поступавшей разведывательной информации был огромен. К тому же Александр Михайлович ценил в нем уверенность в себе, умение отстаивать свое мнение на любом уровне и остро развитое чувство собственного достоинства.

В доказательство правоты Сахаровского приведем лишь один из многочисленных примеров. У Скрягина шло совещание. Вдруг по вертушке раздался телефонный звонок — говорил председатель КГБ. Всех удивили очень спокойный голос и уверенные ответы начальника, хотя, как все поняли, речь шла об очень важных и срочных делах. Закончив разговор, Филипп Артемьевич положил трубку и таким же спокойным голосом закончил прерванную телефонным звонком фразу. Затем, извинившись перед присутствовавшими, направился к председателю КГБ.

Полная, по определению Сахаровского, «беспощадная» самоотдача Скрягина в работе, преданность долгу, цельность натуры давали ему неоспоримое право открыто и без опасений излагать свои мысли и не бояться последствий, искренне считая, что интересы дела превыше всего, и уж конечно выше его служебных продвижений, к чему он всегда относился весьма философски.

Напряженная работа, переутомление, отсутствие режима — все это не

могло не сказаться на здоровье Филиппа Артемьевича. В октябре 1963 года он оказался в госпитале, где ему сделали операцию. С сентября 1964 года Ф. А. Скрягин стал работать консультантом при начальнике ПГУ.

Предпринятые меры, направленные на перестройку информационной работы в ПГУ, положительно сказались на деятельности всей внешней разведки. Вспоминая о том периоде, Ф. А. Скрягин позже скажет:

«Совершенствование в целом деятельности разведки в этой области было бы немыслимо без глубокого понимания со стороны бывших начальников ПГУ А. С. Панюшкина и А. М. Сахаровского всей важности информационно-аналитической работы для решения стоящих перед разведкой задач. Их принципиальность и настойчивость при проведении мер, направленных на улучшение деятельности разведки, оказались решающими при устранении стоящих на пути к этому препятствий».

Отмечая большую роль этих руководителей в истории разведки, он подчеркивал: «Во многом благодаря им в ПГУ, а затем и в резидентурах резко улучшилось отношение к информационной деятельности и к тем сотрудникам, которые отдавали все свои силы, знания и способности ее совершенствованию».

Панюшкин, Сахаровский, Скрягин настойчиво и плодотворно работали над улучшением информационно-аналитической работы. Им удалось в разгар холодной войны укрепить это важное направление деятельности внешней разведки, добиться тщательного анализа получаемых сведений, выделения среди них наиболее актуальных и достоверных, отсеивания сомнительных данных и дезинформации.

Глава шестая

В ГОДЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Хотя в настоящий момент и нет оснований для предположения, что советское правительство намечает военную агрессию, надо объединяться и исходить из того, что СССР представляет собой непримиримого врага западной цивилизации.

*Из выступления представителя США на совещании по подготовке договора по НАТО.
Вашингтон, апрель 1949 года*

От перемирия к конфронтации

Разгром фашистской Германии и милитаристской Японии не привел к улучшению международной обстановки. Правящие круги стран — бывших союзниц СССР не хотели мириться с происшедшими глобальными переменами. Пытаясь не допустить дальнейшего ослабления своих позиций, они встали на путь ядерного шантажа, холодной войны, создания агрессивных военных блоков и гонки вооружений.

Стараниями официальных отечественных и зарубежных историков принято считать, что холодная война началась в марте 1946 года, когда бывший премьер-министр Англии Уинстон Черчилль в своей знаменитой Фултонской речи (5 марта 1946 года в Вестминстерском колледже, расположенном в американском городе Фултон, штат Миссури) заявил, что Европа оказалась разделенной «железным занавесом», и призвал западную цивилизацию объявить «войну коммунизму».

Однако фактически холодная война (если рассматривать этот термин как противостояние двух ведущих стран Запада — Великобритании и США — и Советской России) началась еще в середине 1920-х годов. Причем до весны 1945 года ведущую роль в ней играл Лондон, а после окончания Второй мировой войны — Вашингтон. Исходя из этого можно считать, что на время Второй мировой войны Москва, Лондон и Вашингтон заключили некое «перемирие», чтобы совместными усилиями победить Берлин. А сразу же после победы агрессивная политика со стороны Лондона и Вашингтона против Москвы возобновилась. Об этом свидетельствуют документы, добытые советской разведкой в тот период.

Так, в меморандуме американского военного руководства № 329 от 4 сентября 1945 года, то есть на следующий день после официального окончания Второй мировой войны и капитуляции Японии, ставилась задача: «Отобрать приблизительно 20 наиболее важных целей, пригодных для стратегической атомной бомбардировки, в СССР и на контролируемой им территории».

А в меморандуме Объединенного комитета начальников штабов США № 1518, датированном 9 октября 1945 года, указывалось, что основой превентивной ядерной войны против СССР должно стать уничтожение его военно-стратегического потенциала.

Перед советской внешней разведкой были поставлены новые задачи, которые она успешно решала. Подтверждением этого являются, в

частности, ее определенный вклад в создание отечественного атомного оружия, действия по прекращению тройственной агрессии в 1956 году, когда Англия, Франция и Израиль атаковали Египет, и урегулирование кризисных ситуаций на Ближнем Востоке вплоть до 1967 года, а также мероприятия по Карибскому кризису 1962 года, венгерским 1956 года и чехословацким 1968 года событиям. С другой стороны, в этот же период формировались подходы к разрядке международной напряженности.

Объем задач внешней разведки значительно возрос, география ее деятельности расширилась, охватив весь мир. В новых условиях значимость добываемой разведкой информации возросла. Крайне важно было вскрыть секретные военно-политические планы США и Англии в отношении Советского Союза, осветить ход англо-американских переговоров, касающихся действий на случай военного столкновения с СССР, разработку планов перевооружения, создания НАТО и других военно-политических блоков.

Но главная задача внешней разведки в послевоенные годы состояла в том, чтобы держать в поле зрения подготовку военного нападения на Советский Союз с применением ядерного оружия. А такие планы, как показывает полученная разведкой в те годы информация, в том числе и документальная, активно разрабатывались военными кругами США и Англии.

Для решения столь важных задач требовалось совершенствование разведки, ее структуры, организации управления и методов ведения работы.

В условиях холодной войны такой важный фактор, как практическая целесообразность, вынуждал Советский Союз иметь мощную разведывательную организацию, способную выполнять многоцелевые функции для обеспечения государственной безопасности страны. Именно такую разведку и создавали Сахаровский, его предшественники и последователи.

В «Очерках истории российской внешней разведки», в частности, по данному поводу подчеркивается:

«Это был сложный период, порой носивший драматический характер. Раскол мира на военно-политические блоки и окружение Советского Союза сетью военных баз, на многих из которых было размещено ядерное оружие; отход бывших союзников от прежних договоренностей; распад колониальной системы и борьба колониальных держав за сохранение своих позиций в бывших владениях, в том числе и военными методами; война в Корее, Берлинский и Суэцкий кризисы; обострение ситуации на Ближнем

Востоке; наконец, агрессия против Кубы, поставившая мир на грань ядерной войны, — такова была канва событий этих лет».

На смену союзу государств с различными политическими системами, объединенных стремлением покончить с агрессией фашистского блока, пришла холодная война с ее непримиримой конфронтацией, обусловленной коренным различием геополитических интересов и подходов к послевоенному мироустройству.

Внешнеполитическая деятельность СССР в середине 1950-х годов проходила в сложных условиях. В мае 1955 года в Варшаве состоялось совещание восьми восточноевропейских государств (Албании, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии). 14 мая они заключили Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Организация Варшавского договора стала не только военным союзом европейских социалистических стран, но и важнейшим координационным внешнеполитическим органом. Однако сохранение командно-административной системы и борьба за власть в этих странах мешали практической реализации планов построения нового сообщества.

Мешала этому и обострившаяся борьба между противоборствующими сторонами в холодной войне на Ближнем и Среднем Востоке. 26 июля 1956 года Египет принял декрет о национализации англо-французской Всеобщей компании Суэцкого морского канала. Суэцкий кризис значительно обострил международную обстановку, поскольку президент Насер, опираясь на советскую поддержку и проводя жесткую политику, отверг «план Даллеса» по созданию «международного органа» по управлению Суэцким каналом и идею образования Ассоциации пользователей Суэцким каналом.

На состоявшейся в Лондоне 16 августа 1956 года международной конференции делегация СССР выступила с предложениями о мирном решении суэцкого вопроса на основе справедливого сочетания интересов Египта и интересов всех других государств, пользующихся Суэцким каналом. Однако перспектива такого урегулирования конфликта не устраивала западные державы. Не добившись желаемых результатов, Англия и Франция приступили к подготовке прямого вооруженного нападения на Египет. Активно готовился к агрессии и Израиль, стремившийся к захвату арабских территорий.

Естественно, истинные цели и намерения Израиля в этом регионе тщательно скрывались и маскировались. Поступавшая из резидентуры КГБ в Тель-Авиве информация свидетельствовала о том, что план захвата Газы неоднократно обсуждался израильскими представителями, вплоть до

премьер-министра, с американцами, англичанами и французами. Правительство Израиля постоянно подогревало Суэцкий кризис и подталкивало Англию и Францию к развязыванию военных действий против Египта.

Следует отметить, что напористость Израиля в нагнетании антиегипетской обстановки раздражала даже его западных союзников. В распоряжении тель-авивской резидентуры, например, имелась копия телеграммы израильского посла в Париже Якоба Цара, в которой он докладывал еще в конце 1954 года в свой МИД о том, что французское руководство «предлагает израильскому правительству выступить с официальным заявлением о своем невмешательстве в англо-египетский конфликт». Резидентура получила и копию ответа МИДа Израиля на эту французскую «рекомендацию». В нем говорилось, что в Тель-Авиве «признано нецелесообразным выступать с такой официальной декларацией».

В ночь на 30 октября 1956 года израильские войска без объявления войны перешли в наступление и начали продвигаться в направлении Суэцкого канала. Завязались ожесточенные бои с египетской армией, которая была в срочном порядке развернута на Синайском полуострове. Англичане и французы нанесли тем временем бомбовые удары по основным египетским городам. Стало ясно, что израильское наступление преследовало цель заманить египетскую армию на Синай и обеспечить Англии и Франции беспрепятственную высадку войск в районе Суэцкого канала. Разгадав этот замысел, президент Насер спешно вывел большую часть своей армии с Синая и преградил путь англо-французским войскам.

Тем не менее 5 ноября 1956 года английские и французские агрессоры высадились у входа в Суэцкий канал и захватили Порт-Саид. С осуждением агрессивной политики Англии, Франции и Израиля выступило подавляющее большинство стран. К ним вынуждены были присоединиться и США, которые не хотели ссориться с арабским миром. 5 ноября министр иностранных дел СССР направил в Совет Безопасности телеграмму с требованием к агрессорам немедленно прекратить военные действия и в трехдневный срок вывести свои войска из Египта. В случае невыполнения этого требования СССР изъявил намерение оказать Египту всестороннюю помощь. В посланиях главам правительств Англии, Франции и Израиля Москва предупредила их о готовности Советского Союза принять решительные меры для восстановления мира на Ближнем Востоке. Такая позиция советского правительства отрезвляюще подействовала на агрессоров. Уже на следующий день огонь с их стороны был прекращен.

Но лишь в декабре 1956 года английские и французские войска покинули зону Суэцкого канала. В январе 1957 года ушли с Синая и израильтяне.

Благодаря активной деятельности резидентур КГБ в Тель-Авиве и Каире начальник внешнеполитической разведки в Центре имел возможность своевременно информировать руководство СССР о развитии ситуации на Ближнем Востоке.

Во второй половине 1950-х — начале 1960-х годов Хрущев резко активизировал внешнюю политику СССР, придав ей, как позже сформулировала группа партийных руководителей (Брежнев, Суслов, Косыгин), отстранившая его от власти, «волюнтаристский» характер. Три основные и тесно связанные между собой проблемы определяли содержание внешнеполитических усилий СССР хрущевского периода: противостояние с США и развитыми странами Запада, раскол внутри социалистического лагеря, столкнувшегося с двойным кризисом (внутренним, начавшимся событиями в Венгрии осенью 1956 года, и внешним, связанным с неприятием некоторыми государствами, в том числе Китаем, руководящей роли КПСС), и, наконец, выход на международную арену национально-демократических стран третьего мира, на развитие которых Советский Союз старался оказать влияние. Разведка активно работала по всем этим направлениям, добывая необходимую информацию.

Главный противник и разведка СССР

Главным объектом деятельности внешней разведки любой страны является основной политический, экономический и, как следствие, военный противник. Это может быть отдельное государство или блок стран, представляющих в силу их военного, экономического и научно-технического потенциалов, а также агрессивности политического курса реальную угрозу безопасности для противостоящей стороны и ее союзников. Борьба против такого противника ведется по всем внешнеполитическим и экономическим направлениям с использованием всех возможностей государственных органов, в том числе сил и средств разведки.

После развязывания холодной войны главными противниками Советского Союза стали США и Англия, а также другие страны НАТО, поскольку именно они возглавили борьбу с «восточным коммунизмом». За прошедшие годы США неизменно укрепляли свое лидирующее положение в борьбе с коммунизмом. Они диктовали стратегию и тактику подрывной деятельности против СССР и, как они их называли, стран восточного блока. Политические руководители США разрабатывали и проводили в жизнь различные внешнеполитические доктрины и военно-стратегические планы: «сдерживания коммунизма», «освобождения от коммунизма», «наведения мостов», «массированного воздействия», «балансирования на грани войны», «гибкого реагирования», которые свидетельствовали об агрессивности их внешней политики.

Для реализации этого курса в 1950—1960-е годы правящие круги США особое значение стали придавать разведывательной и диверсионной деятельности своих спецслужб, возведя ее на уровень государственной политики.

Учрежденное президентом Трумэном в сентябре 1947 года Центральное разведывательное управление (ЦРУ) быстро превратилось в мощную организацию, которая занималась сбором и обработкой разведывательных данных и распространяла по миру влияние США с помощью «тайных операций».

По свидетельству американских авторов «Энциклопедии шпионажа» Нормана Полмара и Томаса Аллена: «Трумэн подписал в декабре 1947 года секретную директиву Совета национальной безопасности (СНБ) и стал первым президентом США, санкционировавшим проведение тайных

операций (тогда они назывались психологическими)».

Подобные операции, например поддержка антикоммунистических партий на выборах в Италии или вооружение антикоммунистических сил в Греции, являлись важной секретной составляющей официально провозглашенной «доктрины Трумэна» по «сдерживанию коммунизма».

«Психологическую войну» в США не принято афишировать. Многие ее акции — строго охраняемые тайны разведки, дипломатии, других служб, выполняющих поручения американского президента и СНБ. Однако появилось много книг, в которых раскрываются цели и механизм этих операций. Американский Совет национальной безопасности рекомендовал в своих директивах проводить их тогда, когда «та или иная цель американской внешней политики не может быть достигнута средствами дипломатии, а военная акция слишком рискованна или неоправданна». Основная цель — бороться с коммунистическим режимом на его собственной территории, оказывать помощь любым движениям сопротивления, ослаблять лояльность граждан передачами по радио, листовками, литературой.

Для проведения тайных акций в ЦРУ было создано Управление специальных операций (УСО). В июне 1948 года появилась еще одна директива СНБ, санкционировавшая «прямые превентивные акции, включая диверсионные и контрдиверсионные действия, подрывную работу, эвакуационные мероприятия, а также поддержку подпольных движений сопротивления на местах».

В 1952 году директор ЦРУ Уолтер Беддел Смит возложил проведение тайных операций на Управление планирования, которое возглавил Аллен Уэлш Даллес. В 1953 году, когда Трумэна на посту президента США сменил Эйзенхауэр, Даллес стал руководителем американской разведки. Он возглавлял ЦРУ девять лет и превратил его в главное оружие США периода холодной войны.

Каким он был, Аллен Даллес? На этот вопрос ответить гораздо легче, чем на вопрос, каким был Александр Михайлович Сахаровский. Об Аллене Даллесе можно узнать из десятка книг, опубликованных в том числе и на русском языке. Вышли в свет на русском языке и книги самого Даллеса: «Искусство разведки», «Тайная капитуляция», «Великие шпионы».

Но не ищите ни в одной из перечисленных книг Даллеса фамилию Сахаровского. Западные писатели любят своих героев, некоторые русские издатели, к сожалению, тоже ценят их героев. Без сомнения, Даллес был незаурядной личностью, сильным противником. И не случайно ветераны советской разведки вспоминали, как радовался Сахаровский сообщению об

отставке Даллеса, которая последовала после провального вторжения на Кубу. Даллес гарантировал президенту Кеннеди успех, заверяя его в том, что за высадкой наемников последует всеобщее восстание на Кубе. Но тщательно подготовленная операция закончилась полным провалом. И это было далеко не единственное поражение Даллеса в холодной войне.

В книге Дж. Бейли, С. Кондрашева и Д. Мерфи «Поле битвы — Берлин» рассказывается о борьбе двух разведок за Берлин и Германию во времена холодной войны. В ней приводятся сведения о крупнейшей разведывательной операции того времени под кодовым названием «Берлинский туннель», об истории Берлинской стены и ряде других важнейших событий послевоенного периода. На этом поле битвы с одной стороны выступал советский КГБ, а с другой — ЦРУ. Интересно предисловие к книге главного редактора издательства «Йейл юниверсити пресс» Джонатана Брента. Он считает, что в книге показаны две системы в действии:

«Американская разведка в конце Второй мировой войны почти не имела профессиональных или административных ресурсов. Это было учреждение с плохим финансированием, с малочисленным штатом, без достойного будущего. И наоборот, советская разведка в 1945 году была высоко профессиональной, с историей, уходящей корнями в революцию 1917 года.

Советская разведка имела доступ к тем, кто был на вершине властной иерархической лестницы в Америке, Англии и Франции. Например, она могла знать, что обсуждал британский кабинет министров 10 сентября 1948 года, собравшись на несколько минут, и в начале октября доложить об этом Сталину. Она отвоевывала позицию за позицией, но все же никогда не могла понять ни американцев, ни немцев, поэтому не имела четкого представления, как поступят американцы перед лицом берлинской блокады. А американцы, не имея даже мало-мальски сравнимых ресурсов, тем более успешных операций, оказались в состоянии правильно оценить готовность Советов развязать войну из-за блокады и, благодаря своим аналитикам, с успехом реализовали в 1948 году операцию «Воздушный мост».

Западу в тот критический период удалось выжить не столько благодаря оружию, винтовкам, танкам, самолетам, бомбам, сколько знаниям. Ведь любая информация становится знаниями, а знания — политической силой».

И еще из этого же предисловия: «Многочисленные победы КГБ редко бывали оценены по достоинству лидерами страны, ослепленными своей

идеологией и предвзятым пониманием положения вещей в мире».

Но даже в этой книге, которая является серьезным вкладом в документальную литературу о послевоенном противостоянии Востока и Запада, среди четырнадцати основных участников событий с американской стороны упоминается Даллес, а вот среди двадцати четырех советских участников описываемых разведывательных мероприятий начальнику советской внешней разведки места не нашлось.

1950–1960-е годы ознаменовались расцветом тайных операций американской разведки. Исходя из «особой» роли США в мире и проникнувшись духом превосходства американского образа жизни, ЦРУ во главе со своим директором бросилось спасать «цивилизованный мир» от коммунистической угрозы.

Свою карьеру в качестве руководителя ЦРУ Даллес начал с успешно осуществленной крупной, своего рода пробной тайной операции «Аякс», в ходе которой было свергнуто правительство Ирана во главе с премьер-министром Моссадыком и восстановлен шахский режим. Непосредственно переворотом внутри страны руководил агент ЦРУ Кермит (Ким) Рузвельт (позднее известный в ЦРУ как «Мистер Иран»), внук президента Теодора Рузвельта.

Эта акция была направлена на защиту интересов американского капитала в сфере международных нефтяных компаний. Следует заметить, что операция затрагивала и личные коммерческие интересы Даллеса, поскольку принадлежавшая ему фирма «Саллинен энд Кромвелл» вела дела англо-иранской нефтяной компании.

В 1954 году президент Эйзенхауэр обеспокоился возрастающим влиянием Советского Союза в Латинской Америке, в первую очередь — в Гватемале. «Нам нужно было разделаться с пришедшим к власти коммунистическим правительством», — заявил позднее бывший президент в одном из своих выступлений. Последовала тайная акция ЦРУ, и негодное правительство было свергнуто. Вскоре после этих событий на совещании в Белом доме Эйзенхауэр, обратившись к Даллесу, сказал: «Благодарю вас, Аллен. Вы предотвратили появление советского плацдарма в Центральной Америке».

Затем последовало вмешательство ЦРУ в дела Египта, Коста-Рики, Бирмы, Индонезии, Лаоса, Вьетнама, Филиппин, Кубы. При Аллене Даллесе началось прямое вмешательство разведки в сферу политики. Не ограничиваясь чисто разведывательными задачами, ЦРУ превратилось в прямого творца политики, ставя перед собой цель сражаться с коммунизмом во всем мире. Все это стало возможным благодаря созданию

Белым домом наибольшего благоприятствования подрывной деятельности разведывательного ведомства, что поставило его директора в исключительное положение.

Даллес имел несколько достаточно сильных каналов воздействия на президента Эйзенхауэра, главным из которых были ежедневные информационные сводки ЦРУ. Они как бы формировали мнение президента и держали его под плотным информационным колпаком.

Вторым каналом влияния было использование членов Совета национальной безопасности, в котором сильные позиции ЦРУ сохранились еще со времен президента Трумэна. В своих мемуарах бывший президент США писал:

«Всякий раз, когда Совет национальной безопасности собирается рассматривать какие-то планы, скажем, политику в отношении Юго-Восточной Азии, он тут же предлагает ЦРУ дать оценку возможных последствий этой политики. Директор ЦРУ участвует в работе совета и постоянно информирует его членов в связи с той или иной рассматриваемой им проблемой. Его оценки выражают мнение центральной разведки и учитывают точки зрения всех других органов, сообщающих свои рекомендации ЦРУ».

Даллес имел возможность согласовывать свои планы, а следовательно, и планы ЦРУ непосредственно с президентом. Во-первых, потому что он пользовался могущественной поддержкой монополистических кругов, особенно нефтяных, интересы которых ЦРУ успешно защищало на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и Латинской Америке. Во-вторых, его старший брат Джон являлся государственным секретарем в правительстве Эйзенхауэра. Оба брата отличались резко выраженными антисоветскими убеждениями и уверенностью в «особой», руководящей роли Америки в мировом сообществе.

В сущности, А. Даллес считал необходимым согласовывать свой курс лишь с президентом и братом. Практически все остальные лица, подключавшиеся к руководству разведывательной деятельностью, играли незначительную роль. Получение одобрения на те или иные акции превращалось для него в вопрос административной техники, основная подготовительная работа шла в стенах ЦРУ.

В этой атмосфере настойчиво проводимая идея Даллеса о том, что ЦРУ должно пользоваться исключительным правом осуществления тайных разведывательных операций, находила поддержку в правительственных кругах и у самого президента. Неуклонно стремясь реализовать мечту об уничтожении коммунистической идеологии, Даллес основные усилия ЦРУ

направлял на расшатывание основ советского общества. В основу своей деятельности он положил высказывания древнего китайского полководца и философа Сунь Цзы, в которых даются основы ведения «психологической войны». Сунь Цзы писал:

«Разлагайте все хорошее, что имеется в стране вашего противника. Вовлекайте видных представителей вашего противника в преступные предприятия. Подрывайте их престиж и выставляйте в нужный момент на позор общественности. Используйте также сотрудничество самых подлых и гнусных людей. Разжигайте ссоры и столкновения среди граждан вражеской страны. Подстрекайте молодежь против стариков. Мешайте всеми средствами деятельности правительства. Будьте щедры на предложения и подарки для покупки информации и сообщников. Вообще не экономьте ни на деньгах, ни на обещаниях, так как они приносят богатые дивиденды».

Творчески приспособив эти постулаты к своему времени, А. Даллес внушал офицерам ЦРУ:

«Посеяв там (в Советском Союзе. — *В. А., В. П.*) хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности поверить. Как? Мы найдем единомышленников. Найдем союзников и помощников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Литература, театры, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых творцов, которые станут насаждать культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности.

В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно способствовать самодурству чиновников, взяточничеству, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, и прежде всего вражду и ненависть к русскому народу — все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или же понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ оболгать, объявить

отбросами общества».

Умный и коварный Даллес был хорошим психологом и прекрасно понимал, какие корни народного духа надо подрубать в первую очередь. И сделано было им в этом направлении немало.

В 1975 году администрацией Дж. Форда была создана специальная комиссия во главе с вице-президентом США Рокфеллером по расследованию деятельности ЦРУ. Позже были образованы две комиссии конгресса США — сенатская во главе с сенатором Черчем и комиссия палаты представителей, которую возглавлял конгрессмен Пайк.

Материалы официальных расследований деятельности американских спецслужб показывают, что ЦРУ занималось не столько сбором разведывательной информации, сколько вмешательством во внутренние дела многих суверенных государств.

Касаясь этой стороны деятельности ЦРУ, сенатская комиссия конгресса США («комиссия Черча») указывала:

«Тайные операции занимали главное место в деятельности ЦРУ на протяжении большей части истории в ущерб выполнению задачи по сбору и оценке разведывательной информации. Упор на проведение тайных операций, которые поощряли президенты Соединенных Штатов, привел к крайнему засекречиванию, сделавшему возможным такие злоупотребления, как заговоры с целью убийства иностранных государственных деятелей и испытание наркотических препаратов на людях».

Авторы доклада также вынуждены были признать, что в начале 1960-х годов в ЦРУ было создано специальное подразделение, предназначенное для организации и осуществления специальных акций по ликвидации неугодных администрации США лиц. Замышлялись покушения на Фиделя Кастро (имеются доказательства по крайней мере восьми попыток убить лидера Кубы), Сукарно, Джоу Энляя. В 1960 году Даллес отдал приказ убить первого премьер-министра Демократической Республики Конго Патриса Лумумбу, для чего из Вашингтона в эту страну со специальным ядом был направлен один из руководителей американской разведки.

Подтвердилась связь ЦРУ с американской мафией с целью проведения переворотов и устранения политических деятелей. Так, в августе 1960 года Даллес утвердил планы привлечения американской мафии к операции против Кастро.

Как известно, вторжение на Кубу было последней тайной операцией Даллеса. Он начал разрабатывать ее еще при президенте Эйзенхауэре и продолжил при Дж. Кеннеди, который, как и другие представители правящей верхушки США, был явным сторонником уничтожения

существующего политического режима на Кубе. У Даллеса была особая заинтересованность в осуществлении намеченного плана. Он надеялся укрепить свои позиции при новой администрации очередным успехом в Карибском море и превратить Кубу в базу борьбы с противниками американского режима во всей Латинской Америке. 19 апреля 1961 года, по словам самого Даллеса, был худшим днем в его жизни. Это была его личная трагедия и самая драматичная неудача США. Наступил конец эры Аллена Даллеса. Будучи долгие годы вне всякой критики, ЦРУ и ее директор вдруг сразу стали объектом жесточайших нападок со всех сторон. Первый удар последовал от самого президента Дж. Кеннеди: «Я, вероятно, допустил ошибку, сохранив Аллена Даллеса. Даллес обладает огромными способностями. Но я никогда не работал с ним, и мне сложно оценить смысл того, что он говорит. Даллес — легендарная личность, а с легендарными личностями крайне трудно работать эффективно. Я допустил ошибку, поставив Бобби (брат президента. — В. А., В. П.) во главе министерства юстиции. Бобби должен быть в ЦРУ».

Карьера Даллеса как разведчика закончилась. Он, правда, успел поработать в комиссии по расследованию причин поражения в заливе Кочинос. Благодаря его усилиям удалось избежать изъятия тайных операций из ведения ЦРУ и ограничения его функций сбором разведывательной информации. Дж. Кеннеди принял доводы Даллеса и все оставил в ЦРУ по-старому, сменив только руководство. 27 сентября 1961 года в своей речи по поводу отставки Аллена Даллеса Джон Кеннеди высоко оценил его заслуги: «Я не могу назвать никого другого, кто бы служил стране с большим мужеством и самоотверженностью, чем Аллен Даллес». Ричард Биссель, заместитель директора ЦРУ по планированию, назвал Даллеса «непревзойденным специалистом в деле создания разведки и повышения ее эффективности».

Оценивая работу Аллена Даллеса в качестве разведчика еще времен Второй мировой войны, генерал Дуайт Эйзенхауэр называл его «наиболее выдающимся американским профессиональным разведчиком своего времени, хотя и более склонным к оперативному сбору и анализу информации, чем к долговременным разведывательным проектам». Став руководителем ЦРУ, он считался там разведчиком-мозговиком и получил прозвище Великий старик.

В штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли в главном вестибюле здания возвышается бюст Даллеса — апологета тайных операций, дух которого и поныне витает над ЦРУ.

Таким образом, можно констатировать, что после окончания Второй

мировой войны, когда были сокрушены планы фашистского мирового порядка, человечество не обрело мира и покоя, а оказалось перед реальностью другого, уже «нового мирового порядка». Сформировались могущественные силы, имеющие многочисленные легальные и нелегальные структуры, которые последовательно проводили в жизнь политическую доктрину безусловного господства одной сверхдержавы. То, что не удалось фашистской Германии, на протяжении десятилетий настойчиво, хотя и иными средствами добивались Соединенные Штаты Америки.

Деятельность Центрального разведывательного управления США как основного органа агентурной разведки и осуществления подрывных акций всегда подчинялась американским стратегическим интересам и способствовала их претворению в жизнь.

В своей книге «Кто правит Америкой» американский социолог Уильям Домхофф отмечал, что «с момента своего рождения и на протяжении дальнейшей истории ЦРУ находилось под контролем высшего класса и функционировало в механизме элиты власти». А гораздо позднее, 15 августа 1989 года, газета «Крисчен сейенс монитор» признавала: «Великое долларовое наступление на Советский Союз успешно развивается. 30 тысяч ядерных боеголовок и оснащенная по последнему слову техники самая большая армия в мире оказались не в состоянии прикрыть территорию своей страны от всепроникающего доллара, который уже наполовину уничтожил русскую промышленность, добил коммунистическую идеологию и развел советское общество».

В отличие от задач, которые стояли перед ЦРУ, Первому главному управлению КГБ в те годы ставились задачи именно сбора и аналитической оценки разведывательной информации. Среди них можно назвать такие как своевременное выявление планов подготовки возможного нападения на СССР и конкретных мероприятий в области военных приготовлений; получение достоверной информации о создании новых видов стратегического оружия, способного изменить существовавший баланс сил, и о развитии наиболее перспективных областей науки и техники; добывание разведывательных сведений о политических и подрывных планах ведущих капиталистических стран в отношении СССР и стран социалистического содружества и о развитии событий в кризисных ситуациях.

Советская разведка была призвана воздействовать на соответствующие правительственные круги в ряде регионов, добываясь разрядки напряженности международных отношений, отслеживая соблюдение

заключенных межправительственных соглашений и содействуя их выполнению, а также ее целью было создание благоприятной атмосферы для встреч в верхах.

Таков был круг задач, которые успешно решал коллектив разведчиков, возглавляемый Сахаровским.

Эти задачи были определены решением ЦК КПСС от 30 июня 1954 года «О мерах по усилению разведывательной работы органов государственной безопасности за границей». Было предложено сосредоточить усилия на организации разведки в главных странах Запада — США и Англии, а также на «используемых ими для борьбы против Советского Союза странах, в первую очередь — Западной Германии, Франции, Австрии, Турции, Иране, Пакистане и Японии».

Как уже отмечалось, в том же году Совет министров СССР утвердил Положение о Первом главном управлении КГБ, которое закрепляло его право на ведение разведывательной деятельности за рубежом, определяло структуру внешней разведки, ее функции, задачи, штатный состав. Принятые в 1954 году нормативные документы долгие годы служили основной правовой базой работы внешней разведки. Но несмотря на наличие такой базы начальнику ПГУ Сахаровскому приходилось работать в очень сложных условиях.

Последовавшая за кончиной Сталина в марте 1953 года борьба за лидирующее положение в руководстве страны отрицательно сказалась на деятельности внешней разведки. Рвавшийся к единоличной власти Берия провел неоправданные, с точки зрения разведки, реорганизации и чистки. Многие оперативные работники «легальных» резидентур были отозваны, часть из них уволена; подверглась чистке агентурная сеть, с рядом источников была прекращена связь. Это привело к их потере для разведки.

После отстранения Берии последовали указания руководства страны о восстановлении жизнедеятельности разведки, кардинальной перестройке ее работы, искоренении применявшихся ранее незаконных методов, подконтрольности государственным и партийным органам.

Однако ни для кого не является секретом, что Н. С. Хрущев, укрепив свое положение лидера партии и приняв на себя с начала 1958 года руководство Советом министров СССР, все в большей мере стал проводить авторитарную политику на международной арене, не слишком прислушиваясь ни к мнению Ю. В. Андропова, Б. Н. Пономарева или А. А. Громыко, ставшего в начале 1957 года министром иностранных дел Советского Союза, ни тем более к суждению начальника Первого главного управления КГБ. И все же единственной силой, которой до середины 1980-

х годов удавалось успешно противостоять многоплановой подрывной деятельности США и их союзников, являлись органы государственной безопасности СССР.

Следует отметить, что в отличие от ЦРУ США, которое «функционировало в механизме элиты власти», КГБ СССР был лишь инструментом, исполнявшим политическую волю ЦК КПСС. И не случайно его именовали «вооруженным отрядом партии». И был он не «всевластным» и не «всесильным», поскольку полностью подчинялся либо партийному лидеру, либо высшему партийному руководству в целом. Первое главное управление в тот период было лишь «проводником» внешнеполитической деятельности страны на международной арене.

Такое сравнение ни в коей мере не может умалять значимость внешней разведки в системе государственной безопасности. Секретная информация, которую получала разведка, помогала расставить акценты на уже имевшейся картине обстановки в противоборствующих странах и либо подтверждала, либо в корне изменяла представление о ней.

И здесь роль начальника внешней разведки была особенно значимой. Ведь только он окончательно решал, какие из многочисленных информационных сообщений могут представлять интерес для правительства, а какие следует перепроверить. Таким образом, именно начальник разведки нес ответственность за переданную или не отправленную в высшие органы власти информацию. Эта ответственность предполагала, в свою очередь, доверие высших органов власти к своей внешней разведке.

Тот факт, что должность руководителя внешней разведки является одной из важнейших в стране, требует от ее руководителя быть в курсе всех внешнеполитических событий и направлять коллектив разведки на защиту интересов государства, а не сиюминутных политических соображений, и, руководствуясь своей профессиональной квалификацией, доказывать руководству страны важность полученной информации.

А. М. Сахаровский обладал всеми качествами, которые требовались в то время от сотрудников разведслужбы высшего звена: глубокой осведомленностью о состоянии дел во всех внешнеполитических сферах, прогрессивным подходом к использованию последних достижений науки и техники в разведке, точным пониманием управленческих и кадровых проблем.

Он воздействовал на подчиненных силой своей личности, в которой соединялись высокая ответственность, богатый жизненный и профессиональный опыт. Он предоставлял сотрудникам возможность

самостоятельно решать поставленные перед ними задачи, проявлять инициативу и в то же время не выпускал бразды правления из своих рук и полностью контролировал расстановку кадров. Сахаровский многое сделал для решения социальных вопросов в ПГУ КГБ, включая медицинское обслуживание, жилищные проблемы и улучшение условий службы и отдыха.

Он не сомневался в верности выбранного партией пути и поэтому не был политиком в полном смысле этого слова, то есть не пытался обсуждать политические проблемы и влиять на их решение, а нацеливал коллектив разведки на безусловное выполнение поставленных задач.

Сотрудничество со странами Восточной Европы

Особенно наглядно проявлялась роль начальника внешней разведки в развитии сотрудничества с разведками стран социалистического содружества. Это было совершенно новое направление в деятельности нашей разведки, и оно видоизменялось по мере становления в соцстранах государственных структур, возникновения и укрепления органов безопасности, в которые входили и их внешние разведки.

На первых порах это была помощь в создании и укреплении органов разведки молодых социалистических государств, подготовке кадров, передаче накопленного опыта, оснащении средствами оперативной техники.

Сотрудничество разведок социалистических стран за сравнительно небольшой срок их существования прошло сложный путь от простого обмена информацией до проведения совместных операций по всем направлениям разведывательной деятельности, включая и агентурную работу по проникновению в объекты разведывательной заинтересованности. Год от года оно становилось все более целеустремленным и взаимовыгодным. Повышались его оперативная эффективность и результативность. По существу, это было взаимодействие равноправных специальных служб дружественных государств, которое отвечало интересам этих стран и способствовало укреплению их внешнеполитических позиций в мире.

Сотрудничество внешней разведки с органами безопасности соцстран следует прежде всего рассматривать как одну из форм связей с братскими государствами, это сотрудничество подчинялось общим принципам и нормам, существовавшим в отношениях между ними.

Во многих своих выступлениях перед руководящим составом начальник внешней разведки КГБ Сахаровский отмечал, что отношения с друзьями — сложная область деятельности, требующая такта, выдержки, тонкого оперативного и политического чутья, всесторонних знаний.

Сахаровский стремился к тому, чтобы это сотрудничество «день ото дня наполнялось глубоким содержанием, обретало четкие формы, выливалось в конкретные совместные оперативные действия, носило по-настоящему деловой характер и являлось полезным для обеих сторон». При переговорах делегаций внешних разведок на различных уровнях, при разработке совместных планов и согласовании конкретных мероприятий он

настаивал, чтобы предусматривалось полное взаимопонимание и, как правило, равные взаимные обязательства сторон. Начальник советской разведки требовал от подчиненных, чтобы не на бумаге, а в повседневной практике механизм взаимодействия спецслужб постоянно развивался, постепенно переходя от передачи накопленного разведывательной службой нашей страны опыта к совместным оперативным действиям.

Вместе с тем следует отметить, что взаимное сотрудничество между разведывательными службами вовсе не означало полной «прозрачности» в их оперативной деятельности. Каждому профессиональному разведчику понятно, что требование «прозрачности» в области разведывательной деятельности ставит под вопрос безопасность и эффективность ее работы, а поэтому она неприемлема.

В первые послевоенные годы сотрудники советских спецслужб, выполняя свой, как они считали, интернациональный долг, активно участвовали в становлении национальных служб безопасности Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии, Кубы, Югославии, КНДР.

В 1957–1958 годах аппараты старших советников КГБ в этих странах были преобразованы в аппараты старших консультантов КГБ, а в 1962 году Политбюро ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли решение о создании на их базе представительств КГБ при органах безопасности стран социалистического содружества.

Юридическую основу взаимодействия разведок соцстран, как и раньше, составляли двусторонние межведомственные соглашения, центр тяжести сотрудничества постепенно переносился на поддержание полностью равноправных контактов и координацию совместных оперативных действий.

Соглашения с органами безопасности дружественных стран не были однотипны. Они составлялись с учетом достигнутого уровня сотрудничества и специфики задач, поставленных перед ними руководством страны, квалификации их личного состава и других факторов.

В преамбуле соглашения формулировались политические цели сотрудничества, а именно: обеспечение безопасности Советского Союза и соответствующей социалистической страны, а также борьба со специальными службами империалистических государств в интересах обеспечения безопасности социалистического содружества.

В статьях соглашения, предусматривавших конкретные обязательства сторон, определялись и основные формы сотрудничества, в частности: обмен разведывательными сведениями по вопросам, представлявшим

взаимный интерес; согласование предложений по проведению совместных разведывательных мероприятий; оказание органам внешней разведки необходимой помощи в повседневной оперативной работе.

При Сахаровском была выработана соответствующая методика сотрудничества между внешними разведками дружественных стран. В ее рамках постоянно осуществлялся двусторонний обмен мнениями на уровне начальников главных управлений, оперативных и оперативно-технических отделов по основным проблемам и текущим вопросам совместной разведывательной работы. Особое место в этой форме сотрудничества занимали встречи и переговоры руководителей разведок. Важность таких встреч очевидна, поскольку на них решались главные вопросы, а также в зависимости от складывавшейся международной обстановки согласовывались новые меры по добыванию актуальной разведывательной информации, что подчас было связано с переориентированием зарубежных аппаратов, формированием новых резидентур или усилением действующих.

Двусторонние встречи, как правило, предварительно согласовывались и планировались на год вперед, обуславливалось количество встреч, место их проведения, а также участники и главные вопросы переговоров. Проведению переговоров на всех уровнях предшествовала тщательная подготовка в соответствующих подразделениях разведки, в процессе которой намечался круг вопросов для обсуждения и позиция советской стороны. При подготовке к таким переговорам необходимо было учитывать реальные возможности разведок соцстран и их готовность к совместным действиям.

В вопросах организации деловых встреч как в Москве, так и на территориях социалистических стран большую роль играли представительства КГБ при органах безопасности этих стран. В практике сотрудничества было установлено такое правило: прежде чем рассматривать вопрос об организации встречи, необходимо было через представительство комитета изучить круг проблем, подлежащих рассмотрению, и возможности их решения. И только при наличии достаточных оснований начиналась подготовка к встрече. При планировании деловых встреч главным критерием выступала оперативная необходимость их проведения. При этом сотрудникам представительств КГБ предписывалось учитывать местные условия и запрещалось «давать советы и рекомендации по проблемам, не имеющим отношения к оперативной деятельности».

А. М. Сахаровский прекрасно знал требования, которые предъявлялись

к руководящим сотрудникам представительств, прикомандированным к органам разведки дружественных стран, поскольку сам работал в Румынии в этом качестве. Он стремился к тому, чтобы кадровый аппарат разведки подбирал для работы в соцстранах сотрудников с серьезным опытом работы и обладавших обширными политическими и страноведческими познаниями. Все они были в состоянии дать точную и аргументированную оценку обстановки, в том числе и в области внешней политики. Получая проверенную информацию, они взвешенно оценивали сложившееся в стране положение дел и часто излагали существо проблем независимо от сведений, получаемых по дипломатическим каналам. Расхождение точек зрения между ними не всегда приветствовалось как руководством КГБ, так и партийными органами.

Сахаровский неоднократно поддерживал отчеты своих коллег в вышестоящих органах, так как понимал, какие опасности и преграды приходилось преодолевать сотрудникам при получении этой информации. Причем если представители КГБ, послы и дипломатические сотрудники чаще всего получают информацию, подготовленную в эшелонах власти, то Александр Михайлович нацеливал своих сотрудников на то, чтобы они регулярно поддерживали связь с лицами, имеющими доступ к необходимой информации, и обменивались с ними мнениями и соображениями по существующим проблемам. Лишь тогда, подчеркивал он в своих выступлениях, когда получающие информацию сотрудники не станут подгонять реальные данные под мнение высоких руководителей, обработчики информации смогут получить объективную картину при анализе полученных материалов.

Сахаровский считал, что к неписаным законам работы сотрудников внешней разведки в составе представительств КГБ в соцстранах относится требование, в соответствии с которым ни один ее сотрудник не имеет права навязывать свое видение проблемы представителям власти страны своего пребывания. Вместе с тем они должны с достаточной степенью настойчивости отстаивать достоверность получаемой информации, несмотря на то что она может не совпадать с официальной точкой зрения партийного и государственного руководства.

Этим руководствовался и сам Александр Михайлович во время работы в Румынии, отношения с руководством которой не всегда были гладкими, имели свои подъемы и спады, обусловленные, как правило, особой позицией румынского руководства по ряду внутренних и международных проблем, по вопросу о роли и месте Румынии в социалистическом содружестве.

Сахаровский понимал, что под влиянием своего исторического опыта румыны крайне болезненно воспринимают высокомерное, а тем более пренебрежительное отношение к своей нации, своему государству, не терпят давления, с какой бы стороны оно ни исходило — от врагов или друзей.

К сожалению, это не всегда совпадало с волюнтаристским внешнеполитическим курсом Н. С. Хрущева. Автор книги «Румыния. Инакомыслящий союзник России» Д. Флойд считал, что «одной из причин ухода Хрущева от власти в октябре 1964 года была его неспособность навязать Румынии свой диктат». Д. Флойд, в частности, писал: «Борьба между Хрущевым и Георгиу-Дежем оставалась незамеченной большинством западных обозревателей вплоть до 1964 года. Дебаты, происходившие за закрытыми дверями во время совещаний СЭВ в 1962–1963 годах, достигли своего апогея в 1964 году, когда румыны открыто отошли от советской позиции».

Это, конечно же, только версия автора книги, но то, что Румыния всегда отличалась от других стран социалистического содружества степенью и длительностью своего «сопротивления советской экспансии», подтверждается относительной независимостью румынской экономики от советской, которая была достигнута путем «тихой революции» и в отличие от выступлений оппозиции Югославии и Албании была гораздо лучше подготовлена.

Формы и методы проведения Румынией «особого» курса оставались такими же, какими пользовалась эта страна на протяжении всей своей истории: дипломатическая «акробатика» и удачное использование момента. Менялись только правительства. Даже проигрывая в политических дебатах, румыны всегда оставались верны своей позиции в экономической жизни страны.

Взаимодействие с разведывательным органом Румынии осуществлялось в достаточно большом объеме с 1950 года. В соответствии с межведомственным соглашением советская сторона оказывала румынским спецслужбам всестороннюю помощь в подготовке кадров и организации разведывательной деятельности. В августе 1965 года окружение Чаушеску пожелало прекратить сотрудничество между органами безопасности обеих стран, в том числе и между внешними разведками. С тех пор вплоть до падения режима Чаушеску ни одна из сторон не поднимала вопроса о возобновлении контактов.

Непросто складывались и отношения между разведками Советского Союза и Венгрии. В 1953 году венгерское партийно-государственное

руководство осуществило слияние управления госбезопасности, в состав которого входила молодая разведслужба, с МВД Венгерской Народной Республики. Это ослабило внешнюю разведку, так как около половины ее сотрудников было переведено в другие подразделения единого МВД для их усиления. И тем не менее с помощью советских советников и консультантов к 1956 году в основном завершилось становление венгерской разведки, работа которой постепенно стала приносить положительные результаты. В соответствии с рекомендациями совещания руководителей органов госбезопасности социалистических стран, состоявшегося в Москве в 1955 году, основное внимание венгерской разведки было сосредоточено на противодействии спецслужбам США, Англии, Западной Германии и Австрии. Именно от них в тот период исходила серьезная угроза социалистическому режиму в Венгрии — хотя бы потому, что они активно использовали в своих интересах почти два миллиона венгерских эмигрантов. В частности, правящие круги США и других стран Запада с помощью своих разведывательных служб вели широкомасштабную и тщательно спланированную деятельность по провоцированию ухудшения венгеро-советских отношений и формированию в Венгрии единого блока антиправительственных сил.

К моменту начала венгерских событий Сахаровский только что был утвержден в должности начальника советской внешней разведки. И именно в этот период приобрел первый опыт тесного взаимодействия в кризисных ситуациях высшего политического руководства страны, ее дипломатической службы, Комитета государственной безопасности и внешней разведки.

Важнейшие политические решения во время венгерских событий принимались Суловым, Маленковым и Аристовым, военные — Жуковым и Коневым. Активно работала по своей линии группа Комитета государственной безопасности во главе с его председателем Серовым. Но и начальник внешней разведки, и советский посол в Венгрии не стояли в стороне ни от происходивших там событий, ни от принимавшихся решений.

Послом СССР в Венгрии в то время был Юрий Владимирович Андропов, назначенный на этот пост в конце 1954 года, когда положение в стране было уже достаточно сложным и потенциально взрывоопасным. Андропов крайне серьезно относился к своим обязанностям, с большим старанием изучал венгерский язык, историю и культуру Венгрии, имел широкий круг знакомых в различных слоях венгерского общества, поддерживал тесные контакты с политическими лидерами страны. И

коллеги Андропова по посольству, и венгерские представители не без основания отмечали высокий уровень его образованности.

Следует отметить, что до назначения в Венгрию Андропов некоторое время возглавлял в МИДе 4-й европейский отдел, в компетенцию которого входили вопросы отношений с Польшей и Чехословакией. Он не понаслышке знал о формах и методах уже развернувшейся холодной войны и поэтому внимательно изучал происходившие в Венгрии процессы не только в политической и хозяйственной областях, но даже в обычных житейских и частных вопросах.

Андропов и Сахаровский были очень похожи в своем скрупулезном отношении к порученным им важным государственным делам, вне зависимости оттого, какой пост они занимали. Но были между ними и существенные различия.

Юрий Владимирович всегда стремился к активной политической деятельности. Он отличался от своих предшественников и в МИДе, и в аппарате ЦК КПСС, и в КГБ широтой и глубиной интересов, хорошо разбирался в основных аспектах внутренней и внешней политики, идеологических и теоретических проблемах, являлся сторонником необходимости радикальных перемен и реформ.

Александр Михайлович был в большей степени профессионалом-практиком. У него всегда на первом месте стояли проблемы, связанные с деятельностью разведки. Он свято следовал неписаному закону любой из разведывательных служб, согласно которому каждый должен знать лишь то, что ему положено знать. Следует подчеркнуть, что такое разумное ограничение часто предотвращает взаимные упреки и обвинения, когда секретные сведения становятся достоянием гласности.

Таким образом, Андропов и Сахаровский как бы взаимно дополняли друг друга. А началось это взаимопонимание с венгерских событий. Они оба четко представляли себе, что эти события были заранее спланированы, согласованы и скоординированы центрами идеологических диверсий западных стран. Уже тогда им было ясно, что нагнетание напряженности в Румынии, Польше, ГДР, а затем и в Венгрии являлось попытками противопоставить социалистическому общественному строю в СССР различные модели национализма.

В этой связи интересно отметить, что, выступая 26 сентября 1964 года в Берлине на международной научной конференции, посвященной столетию Первого интернационала, Андропов подчеркивал:

«Не вызывает сомнений, что в наши дни национальный фактор превратился как в идеологии, так и в политике в важную силу, которую

коммунисты не могут не учитывать. Наши противники даже заговорили о том, что именно национализму суждено стать плотиной, которая остановит дальнейшее движение коммунизма».

Говоря о борьбе с идеологическими диверсиями, Андропов отмечал, что в этой борьбе есть две стороны — внешняя и внутренняя. Что касается внутренней стороны вопроса, то он обращал внимание на направленность их на людей, чьи взгляды и поступки противоречат нашей морали, нашим законам. Подобные взгляды, считал Андропов, могут вызываться недостаточной идейной закалкой и политическими заблуждениями, религиозным фанатизмом и националистическими пережитками, житейскими трудностями и моральным разложением, а то и просто нежеланием трудиться. Именно таких людей держит противник под прицелом идеологической диверсии.

Что касается внешней стороны, то органы госбезопасности призваны ограждать интересы советского общества, нацеливая свои удары против действий главных организаторов идеологических диверсий — спецслужб западных государств. Борьба с ними, считал Андропов, должна носить самый решительный и бескомпромиссный характер. Такую борьбу и вела внешняя разведка под руководством Сахаровского.

Анализируя события осени 1956 года, необходимо учитывать, что в Венгрии тогда резко активизировали свою подрывную работу разведслужбы стран НАТО. Бурную деятельность развернули представители венгерских эмигрантских организаций за рубежом, рассчитывая на реставрацию в Венгрии довоенных порядков. Радиопропаганда на венгерском языке в те дни не ограничивалась критикой социалистического строя, но содержала конкретные указания: какие требования выдвигать в политической борьбе и как действовать вооруженным группам, вплоть до подробных инструкций, как изготовить самодельные горючие смеси и взрывные устройства для борьбы с советскими танками.

Разведорганы стран НАТО вербовали бежавших из Венгрии молодых людей и засылали их обратно для выполнения конкретных заданий. Вблизи Вены были созданы лагеря для венгерских беженцев, которые стали своеобразными рассадниками преступности не только в Австрии, но и в других странах Западной Европы.

Важная роль в обеспечении разведывательных операций отводилась резидентурам западных разведок, действовавшим под прикрытием дипломатических миссий в Будапеште. Совместными усилиями венгерских и советских разведчиков и контрразведчиков на начало 1956 года было

выявлено 44 сотрудника западных спецслужб. Например, под прикрытием посольства США действовали 15 разведчиков, Англии — семь, Франции — шесть, Израиля — пять разведчиков.

Воссоздание венгерской разведки и восстановление сотрудничества с ней началось сразу же после подавления восстания. Уже в конце ноября 1956 года начал функционировать ее центральный аппарат, состоявший из тридцати человек. В течение 1957 года с помощью советских спецслужб была налажена нормальная работа большинства представительств венгерской разведки за рубежом. Все последующие годы взаимодействие крепло и развивалось на равноправной основе с учетом уроков трагических событий 1956 года.

В 1960-е годы капиталистические державы еще не решались на фронтальное столкновение с социалистической системой. Они делали основной упор на подрыв единства стран восточного блока. Определив Чехословакию как наиболее слабое звено в социалистическом содружестве, Запад сконцентрировал усилия на расшатывании устоев неокрепшего нового общества в ЧССР, сделав ставку на реставрацию буржуазной республики «мирным путем» — силами внутренней контрреволюции.

В реализации данного курса противник первостепенную роль отводил своим разведывательным и другим специальным службам, действовавшим под их контролем центрам идеологических диверсий, а также реакционным эмигрантским организациям.

Не следует забывать, что это был разгар холодной войны, период жесткого противостояния двух враждебных военно-политических блоков — НАТО и Организации Варшавского договора.

Сахаровский получал обширную информацию о политической и оперативной обстановке в Чехословакии. Он знал, что еще в начале 1950-х годов чехословацкая разведка пережила две основательные кадровые чистки, в результате которых лишилась около 80 процентов своего руководящего и оперативного состава. Это были отголоски внутривластных событий февраля 1948 года, когда трудный и напряженный этап борьбы за политическую власть завершился победой чехословацких трудящихся во главе с компартией Чехословакии.

Сахаровский знал, что руководство МВД ЧССР располагало информацией о подрывной деятельности оппозиции внутри страны, но не придавало ей должного значения. Более того, аппарат ЦК КПЧ, особенно после смерти Клемента Готвальда, не уделял особого внимания работе органов государственной безопасности, несмотря на активизацию антисоциалистических сил в стране. Напротив, широкое распространение

получило мнение о необходимости отстранить МВД от борьбы с идеологическими диверсиями: якобы эта деятельность не входила в его компетенцию.

Однако центральный аппарат советской внешней разведки под руководством Сахаровского прилагал максимум усилий для укрепления связей с чехословацкими коллегами. Взаимодействие окончательно стабилизировалось после 1955 года, когда на совместной разведывательной деятельности стала благотворно сказываться реализация решений состоявшегося в марте того же года в Москве Совещания руководителей органов государственной безопасности европейских стран народной демократии. С тех пор и до середины 1960-х годов советские и чехословацкие разведчики действовали рука об руку в сфере совпадающих национальных интересов своих государств. Например, в этот период было совместно выявлено и обезврежено не менее двух десятков агентов западных спецслужб, пресечены или использованы в оперативных целях их вербовочные подходы почти к тремстам советским и чехословацким гражданам, разоблачено и выдворено из Чехословакии 12 кадровых сотрудников разведок США и стран Запада.

И все же с середины 1967 года удалось парализовать основные звенья государственной политической системы ЧССР: Президиума ЦК КПЧ, Национального собрания, правительства Национального фронта. Органы исполнительной и законодательной власти, по существу, перестали выполнять свои функции к ноябрю 1967 года. ЦК КПЧ и его аппарат бездействовали. В самом центральном партийном органе создалась обстановка подозрительности и взаимного недоверия.

Продолжавшиеся многие месяцы разлад и противоречия в ЦК КПЧ в январе 1968 года вылились в политический кризис, причины которого были тесно связаны с наличием в партии оппозиции, образовавшейся еще после XII съезда КПЧ (1962). Кроме того, руководство партии недооценило опасность западной политики «наведения мостов». Отдельные руководители даже содействовали ее претворению в жизнь, расширив сотрудничество с Западом и сведя на нет идеологическую работу.

Утром 21 августа 1968 года в Чехословакию были введены войска пяти стран Варшавского договора — Болгарии, Венгрии, Польши, ГДР и Советского Союза. На улицах Праги появились танки и другая бронетехника.

С того времени в открытой печати, как в западной, так и российской, появилось множество публикаций, в основе которых лежало крупное совместное оперативное мероприятие — ввод войск на территорию

суверенного государства. Оценка этого факта существенно разнится: здесь и тезис о «вероломстве» пяти стран, и подавление Пражской весны, и акт агрессии против независимого государства. Нередки публикации и иного содержания, в которых подробно описывается, как готовилась контрреволюция в Чехословакии и кто были ее вдохновителями, изучаются уроки кризисного развития в компартии и обществе в целом, повествуется о формах и методах подрывной деятельности.

К сожалению, во многих из этих публикаций допускается грубая методологическая ошибка, которая состоит в том, что «чехословацкий кризис» рассматривается не с позиций того времени, а в контексте современных, существенно изменившихся обстоятельств, далеких от прошлого. Сахаровский, например, был убежден в правильности и своевременности ввода войск, так как советская внешняя разведка как орган государственной безопасности не могла оставаться в стороне от урегулирования возникшего тогда кризиса, затрагивавшего национальные интересы СССР и его союзников.

В сентябре 1949 года западные державы пошли на раскол Германии, что привело к образованию ФРГ и ГДР.

8 февраля 1950 года в ГДР был принят закон, согласно которому Главное управление по защите народного хозяйства МВД было преобразовано в министерство государственной безопасности (МГБ) ГДР. Ему поручалась «борьба с актами саботажа и диверсиями, а также пресечение деятельности вражеских разведок и их агентуры на территории республики».

С учетом этого руководство Советского Союза приняло решение об установлении официального взаимодействия с новым органом государственной безопасности ГДР и о передаче ему значительной части функций, выполнявшихся с апреля 1945 года на территории Германии соответствующими советскими ведомствами и подотчетными им структурами.

С согласия высшего партийно-государственного руководства ГДР и при содействии МГБ ГДР советская внешняя разведка продолжала самостоятельную оперативную работу с территории Восточной Германии, переориентировав ее на борьбу против западных спецслужб. Берлинская «легальная» резидентура вошла в состав аппарата представителя МГБ (с 1954 года — КГБ) СССР при МГБ ГДР. В этом состояло принципиальное отличие сотрудничества с немецкими друзьями от отношений со спецслужбами других стран Восточной Европы. Там представительства КГБ не вели самостоятельной разведывательной деятельности, выполняя

лишь задачи по связи и координации усилий на двусторонней основе.

Внешнеполитическая разведка МГБ ГДР была создана летом 1951 года. Практическая работа по формированию этой структуры была возложена на государственного секретаря МИДа ГДР Антона Аккермана. В сентябре того же года при Советской контрольной комиссии был образован организационно-инструкторский отдел, которому поручалось, в частности, оказывать помощь немецким друзьям в создании вышеупомянутой службы. Его первым начальником был назначен прибывший из Москвы полковник Андрей Григорьевич Грауэр.

Андрей Григорьевич быстро завоевал симпатии своих немецких коллег, которым он передавал свой опыт и среди которых был тогда 28-летний Маркус Вольф, ставший впоследствии легендарным руководителем внешней разведки ГДР, которую он возглавлял в 1953–1988 годах.

В своей книге «Игра на чужом поле» Маркус Вольф так вспоминает период своей учебы у А. Г. Грауэра:

«Он был опытен, и мы ловили каждое слово, когда он рассказывал нам о полной приключений повседневности секретных служб.

Он учил нас создавать службу, разделять ее на отдельные направления и поражать противника в самые чувствительные места.

Позже меня не раз спрашивали: почему Москва создала себе в лице нашей службы немецкого конкурента, который вскоре обрел чувство собственного достоинства и во многом превосходил советскую разведку в Германии? Я полагаю, что в Москве с полным основанием считали: немецкой службе будет в послевоенной Германии легче, чем русским, добираться до определенной информации, которую братская служба будет предоставлять советской стороне.

Так дело и обстояло, по крайней мере, поначалу, когда наша служба находилась под полным советским контролем. Мы послушно передавали советникам из СССР всю информацию, даже псевдонимы наших источников. Но постепенный переход к соблюдению правил конспирации, в том числе и в отношениях с советскими коллегами, к тщательному отбору того, что они должны были знать, а чего — нет, не вполне соответствовали позиции «отцов-основателей».

На первом этапе сотрудничества советские советники действительно принимали непосредственное участие в разработке нормативной базы и структуры внешней разведки ГДР, в подборе и профессиональной подготовке кадров, в создании зарубежных резидентур и их агентурных аппаратов. Они щедро передавали свой опыт, оказывали помощь в осуществлении оперативных мероприятий. Советская разведка делилась с

немецкими коллегами информацией, получая взамен с каждым годом все более добротный конечный продукт усилий немецких разведчиков.

По мере возмужания восточногерманской разведки взаимодействие с ней советской разведки постепенно переходило от оказания инструкторских и советнических услуг к равноправному и плодотворному сотрудничеству. Уже к концу 1950-х годов внешнеполитическая разведка ГДР как составная часть ее МГБ обладала блестящими профессиональными кадрами, отличавшимися способностью к самостоятельному осуществлению сложных комплексных операций.

Интересно мнение руководителя восточногерманской разведки Маркуса Вольфа и о руководителях КГБ и ПГУ того периода, которое он приводит в своей книге:

«После Сергея Круглова, который сменил Берия, пост перешел к Ивану Серову. Он формировал советские структуры в Восточной Германии: организовал штаб-квартиру КГБ в Берлине, назначил представителей КГБ во всех округах ГДР, создал огромный Департамент военной разведки в Потсдаме. Серов был за то, чтобы ГДР сама вела собственные разведывательные и контрразведывательные операции.

Я впервые встретился с ним в марте 1955 года на совещании представителей служб безопасности восточного блока. Он всегда был в мундире — и в буквальном, и в переносном смысле этого слова, и в своих речах всегда сосредоточивался на необходимости объединить наши усилия против общего врага — США.

Моим советским ангелом-хранителем был Александр Панюшкин, бывший посол в Вашингтоне, а позже руководитель Отдела заграничных кадров в Центральном Комитете КПСС.

Серова на его посту сменил властный и амбициозный Шелепин, который продержался только три суровых года. Его преемником стал Владимир Семичастный. Это был доброжелательный и дружелюбный руководитель. Но за внешней приветливостью скрывался умный, расчетливый, идеологически жесткий человек, который сделал стремительную карьеру в КГБ, сумев занять правильную позицию и перейти на нужную сторону, когда в 1964 году Хрущев был смещен со своего поста и его место занял Леонид Брежнев. Семичастного мало интересовала внешняя разведка, которую он целиком доверил Александру Сахаровскому, глубоко уважаемому как своими коллегами, так и мной. Впрочем, ко мне лично Сахаровский относился как к сыну, что соответствовало и разнице в возрасте.

Все изменилось к лучшему с приходом Юрия Андропова в качестве

руководителя КГБ в 1967 году. Наконец-то появился человек, которым я восхищался, не связанный протоколом и далекий от мелких интриг, которые занимали умы его предшественников на этом посту. Он был свободен от советского высокомерия, когда автоматически полагалось, что эта великая империя безупречна».

В завершение рассказа о сотрудничестве советской и восточногерманской разведок хотелось бы привести хотя бы один из примеров их успешного взаимодействия не только в оперативной деятельности, но и в отношениях к судьбам своих агентов.

Как мы уже отмечали, Сахаровский стал исполнять обязанности начальника советской внешней разведки с 23 июня 1955 года. А в июле того же года кабинетом Конрада Аденауэра было принято решение о преобразовании «Организации Гелена» в Федеральную разведывательную службу (БНД), которая стала одним из главных объектов проникновения для восточногерманской и советской разведок.

«Организация Гелена» была создана генерал-майором гитлеровской армии с помощью и при финансировании американских спецслужб в 1946 году и предназначалась для ведения активных разведывательных действий на востоке. В тот период Гелен насаждал агентуру в расположении военных городков, на железных дорогах, вблизи аэродромов, в министерствах и ведомствах ГДР.

К началу 1950-х годов советская разведка уже располагала солидной информацией как о структуре самой организации, так и о ее агентуре. Когда руководство ГДР решило провести аресты геленовской агентуры, то только в результате первой операции было сразу арестовано более четырехсот человек, в ходе второй — примерно такое же количество агентов.

Это стало возможным в связи с тем, что в организацию были внедрены перспективные агенты из числа бывших сторонников Гитлера, которые сумели пересмотреть свои взгляды. Вот что пишет об этом в своей книге «Мемуары разведчика» Хайнц Фёльфе — один из главных участников развернувшегося во времена холодной войны сражения между восточногерманской и западногерманской разведками:

«Понятие «предательство» всегда связано с позором человека и делает его имя гнусным. Этот ярлык хотели наклеить и на мое имя. Но я ничего не предал, наоборот, я остался верен своим новым взглядам, доставшимся мне так нелегко, а именно пониманию необходимости использовать все свои знания и все свое умение, свои старые связи, чтобы помочь Советскому Союзу в его тяжелой борьбе против развязывания третьей (в этом случае —

атомной) мировой войны. И если еще и сегодня некоторые средства массовой пропаганды называют меня предателем, то это результат раздражения как раз тем, что мне многое удалось, что я сумел внести свой вклад в обеспечение мира на стыке двух больших общественных систем. Они никогда не простят того, что человек из «их» круга, да еще принадлежавший к «элите», к СС, нашел в себе силы сотрудничать с Советским Союзом».

В августе 1943 года Хайнц Фёльфе был принят на работу в 6-е (разведывательное) управление Главного управления имперской безопасности (РСХА). В конце 1944 года его направляют в Нидерланды для организации заброски диверсионных групп в тылы англо-американских войск. В мае 1945 года он сдался в плен канадским войскам, прошел через опросы и допросы и в октябре 1946 года был освобожден.

Спустя несколько месяцев Фёльфе начал учебу в Берлинском университете на факультете государства и права в качестве свободного слушателя, одновременно подрабатывал журналистикой. Частые поездки в качестве корреспондента Берлинского радио по Германии, в том числе в советскую зону оккупации, дали ему возможность установить многочисленные контакты.

В этот период под влиянием событий в Западной Германии, да и в мире в целом, произошла переоценка взглядов Фёльфе как на историю Третьего рейха, так и на обстановку в стране. На это потребовалось, конечно, время. Он пришел к твердому убеждению, что те силы Запада, которые привели к развязыванию Второй мировой войны, не могут быть гарантами прогресса.

Фёльфе приходилось встречаться с советскими журналистами, с офицерами из советской военной миссии в английской зоне оккупации. В ходе общения возникали политические дискуссии. Как журналист он брал интервью и беседовал с политическими и общественными деятелями Восточной Германии.

В конце 1951 года ему предложили сотрудничать с советской разведкой и, получив согласие, рекомендовали устроиться на работу непосредственно в разведывательную службу Гелена.

Фёльфе с блеском выполнил задание советской разведки: уже в начале 1956 года получил ранг правительственного советника и был назначен начальником реферата (отдела), который ведал «контршпионажем против СССР и советских представительств в ФРГ».

В связи с этим назначением оперативные возможности Фёльфе существенно расширились. Он принимал участие в составлении

еженедельных политических обзоров, которые западногерманская разведка готовила для федерального канцлера, был в курсе планов правительства по перевооружению ФРГ. В период интеграции Западной Германии во вновь создаваемые западноевропейскими странами союзы и блоки Фёльфе информировал советскую разведку о реорганизациях в бундесвере и его намерении получить доступ к ядерному оружию. Он умело добывал информацию по внешней и внутренней политике страны.

От Фёльфе систематически поступала информация о разработке западногерманскими спецслужбами советских представителей или предстоящего выдворения некоторых из них из страны. Это позволяло вывести из-под удара тех, кому угрожала опасность.

Противник не мог не анализировать причины срыва своих операций, активно искал источники утечки информации. Весной 1961 года над разведывательной группой Фёльфе стали сгущаться тучи. Центр выступил с предложением о временной консервации источников, однако руководство представительства КГБ в Берлине настаивало на продолжении работы с ними.

6 ноября 1961 года Фёльфе был арестован, а в 1963 году приговорен к пятнадцати годам лишения свободы — самому суровому наказанию в практике западногерманского правосудия, которое получал в ФРГ чей-либо агент.

В ходе длительных переговоров, к которым были подключены представители руководства четырех государств (СССР и ГДР, с одной стороны, ФРГ и США — с другой), советской разведке удалось добиться согласия на обмен Хайнца Фёльфе.

Зимней ночью 17 февраля 1969 года в районе КПП Херлесхаузен на государственной границе между двумя Германиями произошло событие, которое не освещалось в печати того времени: обмен суперагента советской разведки Хайнца Фёльфе сразу на 21 агента ФРГ и США. Для их доставки к месту обмена спецслужбам ГДР потребовался большой автобус. Среди них 18 человек являлись агентами западногерманской разведки, отбывавшими срок наказания в тюрьмах ГДР, трое других западных немцев были пойманы с поличным в СССР и осуждены за шпионаж в пользу США. Руководство советской внешней разведки еще раз доказало, что своих в беде не бросает.

А вот что по этому поводу пишет сам Фёльфе:

«Не хочу скрывать, что положение, в котором я вынужден был пребывать в течение почти десяти лет, требовало особого доверия к моим советским партнерам. Личные отношения и общая политическая

программа, которая связывала меня с офицерами советской разведки, помогли мне справиться с большими трудностями и психологическими нагрузками.

Для меня начиналась совершенно новая жизнь. Дело не только в том, что я был наконец свободен. Я вступал в новый мир, к которому мне еще предстояло привыкнуть. Конечно, этот процесс проходил не без проблем. Но мои старые и множество новых друзей делали все, что могли, чтобы я нашел свое место в новой жизни».

Хайнц Фёльфе стал гражданином ГДР. Эта страна была его родиной, ибо он родился в столице Саксонии Дрездене. Поселился он в Берлине, стал преподавать криминалистику на юридическом факультете университета, где еще в 1941 году начинал учебу, причем на этом же факультете. В 1972 году Хайнц Фёльфе защитил докторскую диссертацию и получил звание профессора. Он неоднократно бывал в Советском Союзе на отдыхе и лечении. За большой вклад в укрепление безопасности Советского Союза выдающийся разведчик Хайнц Фёльфе был награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды, а также нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

В решении ЦК КПСС от 30 июня 1954 года определялась главная задача взаимодействия с разведками стран народной демократии: обеспечение дальнейшего объединения их усилий в работе по главному противнику. В полной мере это можно отнести к сотрудничеству с польскими и болгарскими коллегами.

Однако Александру Михайловичу Сахаровскому в этих, казалось бы, одинаковых условиях приходилось решать принципиально разные задачи.

Польским спецслужбам оказывалась консультативная и советническая помощь в организации и совершенствовании их разведывательных и контрразведывательных органов. С одной стороны, обмен оперативно-политической информацией носил интенсивный характер, с другой — советско-польские отношения всегда были достаточно сложными, время от времени имели место определенные обострения. А потому при решении оперативных задач начальнику внешней разведки КГБ приходилось ставить перед собой серьезный для того времени вопрос: «Являются ли польские коллеги стратегическими партнерами или просто попутчиками?»

Сахаровский понимал, что генезис русофобии у поляков восходит к глубокому историческому прошлому. Однако годы Второй мировой войны, совместная борьба против фашизма, казалось бы, заложили солидную базу для развития сотрудничества двух славянских народов. Благодаря СССР Польша вновь обрела независимость и государственность. Проводившаяся

в послевоенные годы политика была направлена на добрососедство, примирение, укрепление дружбы и взаимопонимания. На этом пути было сделано немало, однако добиться заметной переоценки ценностей в историческом сознании поляков так и не удалось.

Центры идеологических диверсий Запада, по существу, направляли и координировали деятельность антисоциалистических сил в Польше, оказывали им через различные международные организации мощную моральную и материальную поддержку, организовывали акции давления на польское руководство, используя механизмы экономических и кредитно-финансовых отношений. При этом средства массовой информации стремились изобразить происходящие в Польше события как стихийные выступления рабочего класса и «демократической оппозиции» без какого-либо вмешательства извне, представить антисоциалистические силы как подлинных представителей всего населения страны, а Польскую объединенную рабочую партию — как утратившую свою руководящую роль в обществе.

Спецслужбы и центры идеологических диверсий Запада, в первую очередь США и ФРГ, сделали соответствующие выводы из венгерских событий 1956 года и чешских событий 1968 года. Их специалисты по подрывной деятельности против социалистических стран Восточной Европы пришли к следующему заключению:

для успешного ведения подрывной работы в этих странах необходимо «искать базу в рабочем классе», а не только в «диссидентских группировках»;

выступления «оппозиции» не должны носить характер относительно кратковременного, хотя и бурного всплеска;

подрывную деятельность следует вести постепенно, поэтапно, по принципу «ползучей эрозии» основ общественно-политического устройства страны.

Как писал в своей книге «Игра на чужом поле» Маркус Вольф, «Андропов понимал, что военные вторжения в Венгрию в 1956 году, а позже в Чехословакию в 1968 году свидетельствовали скорее о слабости Москвы, чем о ее силе».

Понимал это и Сахаровский. Но что он мог сделать в тех условиях, о которых писал в своей книге «Руководители Польши глазами разведчика» Виталий Григорьевич Павлов, в 1973–1984 годах руководивший представительством КГБ при МВД Польской Народной Республики, генерал-лейтенант, отдавший разведке 50 лет жизни:

«Хотя я и был руководителем представительства нашей специальной

службы перед польскими спецслужбами, я строго руководствовался указаниями Андропова о том, что никакие разведывательные методы в своей работе применять не должен. Так я и действовал.

У меня не было каких-либо агентов, не было и секретных информаторов, ни с кем из польских друзей и знакомых я никогда не поддерживал в Польше конспиративной связи. Весь мой информационный арсенал состоял из нормального доброжелательного общения как по линии служебных отношений, так и личного знакомства.

Все, что я узнавал из бесед, порою очень длительных и далеко не всегда конкретных с точки зрения интересовавших меня фактов, я настойчиво собирал, систематизировал, проверял и перепроверял».

В противоположность такой тактике представителя КГБ американцы делали все для ускорения кризисного развития в Польше, одновременно надеясь «на вероятность использования войск ОВД в этой стране». Это позволило бы им еще больше ужесточить свою политику по отношению к Советскому Союзу, сломить сопротивление некоторых западноевропейских союзников в вопросе размещения в Европе новых видов американского ядерного оружия и добиться увеличения военных бюджетов стран Западной Европы.

Кроме того, американцы считали, что в случае попытки решить польский кризис военным путем была бы значительно ослаблена Организация Варшавского договора в результате вероятного, по их мнению, «сопротивления оккупации со стороны польского населения, возможно даже с участием подразделений польской армии». В связи с этим западная радиопропаганда осуществляла в тот период интенсивную антисоветскую кампанию, направленную на солдат и офицеров Войска польского, которых призывала «оказать самое упорное сопротивление советским войскам и войскам других стран Варшавского договора», представляя дело так, будто решение о вводе войск ОВД на территорию Польши уже принято.

Тем самым Соединенные Штаты выполняли свои стратегические планы по отношению к Польше, которые позднее изложил в одном из своих выступлений известный американский политолог Генри Киссинджер: «Польше отводится специальная и весьма деликатная роль. Она не только станет наиболее сильным среди восточноевропейских стран членом альянса (НАТО), но и превратится в ведущего игрока, направленного в будущем на Восток отнюдь не для войны. Предназначенная Польше роль, отвечающая глобальным интересам США, региональным — Германии и национальным — самой Польше, должна иметь историческое значение».

Более того, некоторые польские политологи считали, что «вступление

Польша в НАТО и ЕС предоставит ей такие шансы в переговорах с Россией, которых она не имела в течение последних 400 лет. Тогдашний правящий класс самым непростительным образом не использовал имевшиеся у него возможности. Он полагал, что преимущества Польши над Россией даны ей на вечные времена».

Таким образом, точка зрения Сахаровского, что разведывательная деятельность должна способствовать взаимопониманию между государствами, в том числе и за счет получения достоверной, конфиденциальной информации о действительных стратегических целях внешней политики, не была востребована. В данном конкретном случае эта деятельность являлась «разменной монетой» в решении высшим политическим руководством Советского Союза и Польши конкретных «сиюминутных» задач.

Наибольшее взаимодействие и взаимопонимание складывалось у советских спецслужб со спецслужбами Болгарии. В «Очерках истории российской внешней разведки» по этому поводу говорится, в частности, следующее: «Главным направлением взаимодействия советской и болгарской разведок было избрано по обоюдному согласию сторон совместное противодействие США, а также их союзникам по НАТО — Турции и Греции. Эта установка была одобрена Политбюро ЦК Болгарской коммунистической партии. И результаты не заставили себя долго ждать.

В 1957 году на территории Болгарии были задержаны и обезврежены 14 агентов спецслужб США, Турции и Греции. В том же году сорвано 25 вербовочных подходов к болгарским гражданам (главным образом к туристам) в Австрии, Греции, ФРГ, Франции и Турции. В 1959 году была пресечена враждебная деятельность еще 19 агентов.

После восстановления дипломатических отношений между США и Болгарией в Софии в феврале 1960 года открылась американская дипломатическая миссия. Среди ее 24 сотрудников вскоре были выявлены и взяты под контроль 8 оперативных работников резидентуры ЦРУ.

Болгарские друзья высоко оценивали нашу помощь в подготовке и повышении квалификации своих кадров. Ежегодно специализированные учебные заведения КГБ принимали на обучение по разведывательным специальностям 20 сотрудников болгарских спецслужб».

Если обратиться к трудам Института экономики мировой социалистической системы Академии наук СССР, то в его исследованиях, относящихся, кстати, к 1980-м годам, верность Народной Республики Болгарии курсу, согласованному странами социалистического содружества на международной арене, не подвергалась сомнению. Ученые

рекомендовали и дальше развивать координацию внешнеполитической деятельности в Балканском регионе, взаимно учитывая как особенности региональной политики НРБ, так и национально-государственные интересы СССР. Как бы здесь пригодилась достоверная информация о стратегических планах правительства Болгарии и его стремлении в ЕС и НАТО! Даже предусмотрительный Сахаровский не мог предположить, для кого он готовил кадры в Высшей разведывательной школе и Краснознаменном институте КГБ.

Чтобы подытожить краткий рассказ о сотрудничестве разведок стран социалистического содружества в разгар холодной войны, обратимся еще к двум группам стран, выбравшим в послевоенные годы социалистическую ориентацию и командно-административную систему, подобную той, которая сформировалась в Советском Союзе и большинстве стран Восточной Европы.

К первой группе относятся Демократическая Республика Вьетнам, Корейская Народно-Демократическая Республика и Куба, которые не только прошли через горнило холодной войны, но и испытали на себе вооруженную агрессию США и их союзников. Советский Союз оказывал этим странам помощь по всем направлениям, в том числе и по линии внешней разведки.

Во вторую группу стран входили Китай, Югославия и Албания. На уровень сотрудничества Советского Союза с этими странами большое влияние оказали личные отношения между Хрущевым и, соответственно, Мао Цзэдуном, Тито и Ходжей.

Так, например, первый кризис в советско-албанских отношениях был связан с решением вопроса о нормализации межгосударственных албано-югославских отношений. Действия в этом направлении предпринимались по инициативе Хрущева, но во многом они носили формальный характер и не учитывали того факта, что Югославия в тот период являлась политическим и экономическим антиподом Албании. Официальные декларации Тираны расходились с мнением местных средств массовой информации, считавших Тито «предателем», «врагом албанцев Косова и Македонии». Не следует забывать и о личной неприязни Ходжи и Тито, которые «слишком много друг о друге знали и слишком плохо друг о друге говорили».

Причиной следующего обострения в советско-албанских отношениях послужили события 1956 года в Венгрии. Иосип Тито официально поддержал свержение Ракоши и приход к власти Надя. Ходжа же выступил с резкой критикой позиции Югославии по венгерскому вопросу. Албанская

партия труда вступила в новую полосу борьбы с «ревизионизмом» (в котором подозревались Югославия и СССР).

Вместе с тем к 1960 году обострились советско-китайские отношения, на которых негативно сказался визит Н. С. Хрущева в США в 1959 году. Китайские руководители выступили с резкой критикой советского лидера за «отход от классовой ленинской линии, капитулянтские оппортунистические настроения в отношении американского империализма, абсолютизацию мирного пути перехода к социалистическому строю и сотрудничество с югославскими ревизионистами». Албания сразу же встала на сторону Китая.

На ноябрьском (1960) совещании представителей коммунистических и рабочих партий в Москве, на котором присутствовали делегации от 81 страны, Энвер Ходжа выступил с развернутым изложением албанской позиции по вопросу о мирном сосуществовании государств с различным общественным строем, о многообразии форм перехода к социализму, об отношении к культу личности Сталина и о югославском ревизионизме. Его выступление шло вразрез с оценками большинства участников совещания по данным вопросам. Ходжа подверг острой критике советско-албанские экономические отношения, после чего партийная делегация Албании покинула совещание.

По решению советского правительства началось свертывание экономических отношений с Албанией: из страны были отозваны советские специалисты, албанские студенты лишились возможности продолжать обучение в СССР. В ноябре 1961 года Советский Союз отозвал своего посла из Тираны и потребовал аналогичных действий от руководства МИДа Албании. В декабре того же года из Тираны выехал весь персонал советских посольства и торгпредства.

Все эти обстоятельства не мог не учитывать в своей работе начальник ПГУ КГБ. Генерал Сахаровский придавал большое значение анализу новых внешнеполитических тенденций во взаимоотношениях между странами. При встречах с оперработниками, прибывавшими в Москву в отпуск, он всегда интересовался их мнением о положении в стране пребывания, давал дельные советы.

Наиболее характерным примером осложнений во взаимном сотрудничестве спецслужб при изменении внешнеполитических курсов двух стран является история советско-китайских отношений.

В 1964–1969 годах резидентом КГБ в Китае был видный советский разведчик Юрий Иванович Дроздов. В дальнейшем генерал-майор Дроздов достаточно подробно изложил суть изменений в сотрудничестве спецслужб

Китая и СССР в своей книге «Записки начальника нелегальной разведки»:

«В декабре 1963 года в кадрах разведки мне предложили прервать учебу на курсах повышения квалификации и начать подготовку к командировке в КНР. Почему выбор пал на меня, не владеющего китайским языком, не знаю, но резкое обострение советско-китайских отношений требовало организации разведывательной работы по КНР, которую мы прекратили в октябре 1949 года, ко всему прочему передав китайским органам безопасности свою агентуру и совершив недопустимый для любой разведки промах в угоду пожеланиям и просьбам временных союзников. Ошибочность этого шага сказывается и по сей день.

Задача передо мной была поставлена трудная. Ведь с 1949 года китайские разведчики и контрразведчики проходили подготовку у нас, были частыми гостями на Лубянке. Мы широко распахнули им свою душу и раскрыли сокровенные секреты, но не обратили внимания на отдельные особенности действий китайской верхушки.

Дипломаты и разведчики-китаисты еще помнили, что после своего прихода к власти, во время первого парада на площади Тяньаньмэнь, Мао Цзэдун сказал Чжоу Эньлаю: «Ну что? Несбыточное, как видишь, с советской помощью осуществилось». На что Чжоу ответил: «Теперь бы с их помощью и удержаться». — «Удержимся, но не будешь же ты считать их постоянными союзниками?» — бросил Мао.

Этот вроде бы безобидный обмен мнениями не был случайным, он отражал истинные взгляды Мао Цзэдуна. Как стало известно в ходе последующих наблюдений и сбора данных, слегка оправившись после последней гражданской войны и взяв власть в свои руки, китайское руководство еще в 1952 году развернуло глубоко законспирированную разведывательную работу по СССР, готовило пакет территориальных претензий к Советскому Союзу. Ко всему этому добавлялись острые разногласия по вопросам лидерства и задач международного коммунистического движения, отягощенные еще и отношениями между главами обеих стран.

Начальник Первого главного управления генерал Сахаровский, напутствуя меня на работу в Пекин, просил быть осторожным, терпеливым, все перепроверять, не забывать об истории Китая и его отношений с Россией, а также об особенностях психологического склада китайцев, которые во многом определяют их отношение к другим странам и их поведение с иностранцами».

Вспоминая о том периоде, когда он только начинал свой путь резидента в Китае, генерал-майор Дроздов с большой теплотой говорит о

Сахаровском, который «находил нужные слова в телеграммах, дававших возможность предупредить ошибку, исправить положение, более четко организовать работу».

В заключение главы хотелось бы сказать несколько слов об отношении А. М. Сахаровского к таким понятиям, как «нравственность разведки» и «нравственность в разведке». Сам будучи человеком высоконравственным в бытовом, общественном и служебном смыслах этого слова, Александр Михайлович считал, что разведка как государственная организация функционирует на основе законов и соответствующих нормативных актов, а не на базе нравственных предписаний.

По отношению к противнику разведывательная деятельность, как, впрочем, и политика, экономика, международные отношения и некоторые другие сферы общественной жизни, не может иметь каких-либо моральных обязательств. Разведка действует по законам той страны, которую она представляет, а не той, на территории которой действует.

Он считал, что и в отношении дружественных стран надо проводить такую политику, чтобы не прозевать того момента, когда надо «включать рычаги» разведывательной деятельности. Здесь он ориентировался на интеллектуальное превосходство советского разведчика, на его умение уловить истинный смысл взаимоотношений. Исторический опыт показывает, что излишняя ориентация на некие общечеловеческие ценности и нравственные начала в холодной войне могут привести «моралиста» если не к преступлению, то к интеллектуальному поражению.

Другое дело — нравственность в разведке. Здесь Александр Михайлович всячески приветствовал проявление высоких моральных качеств как регулятора поведения сотрудников разведки по отношению к своим коллегам и согражданам.

Сахаровский категорически не признавал «телефонное» право, устные предписания, которые не увязывались с нравственными нормами, четко различал такие понятия, как ум и хитроумие. Он рассматривал высокие моральные качества советского разведчика как проявление его интеллектуальных способностей, заложенных в нем от природы, развитых за счет воспитания и образования и реализующихся в решении практических, общественно важных задач.

Глава седьмая

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ И МИРОВОЙ КРИЗИС

*Каково бы ни было наше сегодня, мир — это наше
завтра.*

Виктор Гюго

Локальные войны и конфликты

Как уже отмечалось, после завершения Второй мировой войны недавние союзники превратились в соперников Советского Союза на международной арене. Впервые противостояние СССР и США остро проявилось во время Берлинского кризиса 1948 года, а затем — в 1950 году во время боевых действий американской армии на территории Кореи.

На первом этапе корейской войны^[4] американский десант прорвал фронт северокорейских войск и на отдельных направлениях даже вышел к границе Китая. Лишь вмешательство Китая предотвратило поражение КНДР и способствовало стабилизации обстановки.

Боевые действия американцев в Корее показали слабую мобильность советских войск и некоторые промахи нашей разведки, которая не смогла отследить подготовку американцев к десанту.

В связи с этим в 1951 году началось активное формирование спецназа ГРУ. Были созданы штатные диверсионно-разведывательные подразделения, которые входили в состав ряда армий и округов. Всего было сформировано более сорока отдельных рот специального назначения.

В 1952 году И. В. Сталин на заседании Комиссии по реорганизации разведывательной и контрразведывательной служб МГБ СССР очертил круг задач политической разведки, актуальных, однако, и для разведки военной.

Было продолжено формирование отдельных батальонов специального назначения, а в 1961 году в составе войск военных округов и групп войск были сформированы отдельные бригады специального назначения.

После смерти Сталина и ареста Берии был взят курс на изменение внешней и внутренней политики страны. Соответственно произошла корректировка ряда задач внешней разведки. Среди них отметим такие как усиление разведывательной работы, направленной против США и Великобритании как потенциальных агрессоров; своевременное выявление агрессивных планов США и стран НАТО, а также других государств, направленных на подготовку и развязывание войны.

Но столкнувшись с международным конфликтом СССР пришлось на территории социалистического государства, а именно в Венгрии.

В октябре — ноябре 1956 года вся мировая общественность была озабочена событиями в Венгрии. Учитывая проарабскую позицию Советского Союза на Ближнем и Среднем Востоке, США и западные

державы стремились отвлечь его внимание от данного региона, усилив диверсионную работу против социалистических стран Восточной Европы. Особенно активную роль здесь играл главный союзник США в Европе — Западная Германия. Помимо поддержки своих американских покровителей правительство ФРГ стремилось извлечь из этого выгоду и для себя.

Контрреволюционный путч в Венгерской Народной Республике предприняли представители внутренней оппозиции и изгнанные ранее из страны и укrywшиеся на Западе остатки хортистов и офицерства. Главным его вдохновителем являлись Соединенные Штаты. Государственный секретарь США Джон Фостер Даллес, выступая в штате Техас 27 октября, то есть на четвертый день после начала венгерских событий, открыто призвал к смене существовавшего в стране руководства. 2 ноября 1956 года правительство США выразило готовность предоставить венгерским путчистам заем в 20 миллионов долларов. Работавшая под контролем американцев радиостанция «Свободная Европа» во время венгерских событий фактически превратилась в штаб по координации действий мятежников. 31 октября она передала в эфир призыв: «Пусть венгры ликвидируют Варшавский договор и заявят, что Венгрия не является больше его участницей».

Советские войска, находившиеся в Венгрии согласно Варшавскому договору, по просьбе правительства ВНР оказали содействие венгерской армии в восстановлении порядка в Будапеште. Но новый председатель Совета министров Имре Надь от имени венгерского правительства выразил пожелание о выводе советских войск из Будапешта. Они были выведены, а венгерские части, по распоряжению того же Надя, прекратили какие-либо действия в отношении мятежников. В результате последовали массовые расправы с коммунистами, а также общественными и политическими деятелями различных уровней.

В этой обстановке Янош Кадар от имени вновь созданного им 3 ноября 1956 года Революционного рабоче-крестьянского правительства обратился к командованию советских войск в Венгрии с просьбой о помощи.

Безусловно, роль венгерской и советской разведок в предупреждении мятежа могла бы быть более значительной. Однако еще в 1953 году венгерское партийно-государственное руководство осуществило слияние органов госбезопасности, в состав которых входила молодая разведслужба, с министерством внутренних дел страны. Это серьезно ослабило венгерскую разведку, так как около половины ее сотрудников были переведены в другие подразделения единого МВД. В 1955 году на совещании руководителей органов госбезопасности социалистических

стран венгерским коллегам было рекомендовано усилить противодействие проискам спецслужб США, Англии, Западной Германии и Австрии. Именно от них в тот период исходила серьезная угроза социалистическому строю, так как разведки этих государств активно использовали в своих интересах почти два миллиона венгерских эмигрантов.

Не было недостатка и в информации о том, что западные спецслужбы стремятся создать в стране влиятельную политическую силу, способную отобрать власть у коммунистов. В ноябре 1956 года эти сведения фактически подтвердил директор ЦРУ Аллен Даллес на заседании сенатской комиссии по иностранным делам. Он, в частности, заявил, что американская разведка задолго до начала венгерских событий содействовала подготовке там антиправительственного восстания и сразу же после его начала немедленно направила в Вену и Западный Берлин 20 опытных сотрудников ЦРУ для координации действий своей агентуры по оказанию выгодного для США влияния на развитие ситуации в Венгрии.

Венгерские события ярко высветили влияние на них американских спецслужб и контрреволюционно настроенных эмигрантов, а также предательскую роль некоторых руководящих деятелей ВНР. Одновременно они наглядно продемонстрировали возможности советского руководства по ликвидации возникшего очага напряженности в недавно созданном Варшавском договоре.

Послом Советского Союза в Венгерской Народной Республике с 1954 года являлся Юрий Владимирович Андропов. Состав посольства был укомплектован в основном молодыми и способными дипломатами. Одним из ближайших помощников Ю. В. Андропова в Венгрии стал В. А. Крючков, с которым у посла почти сразу же установилось полное взаимопонимание. Когда позже Андропов перешел работать в аппарат ЦК КПСС, а затем — в КГБ, Крючков и там был одним из его наиболее доверенных лиц.

Андропов хорошо понимал, что положение в стране становится все более сложным и взрывоопасным. Можно с уверенностью предположить, что информация советского посольства из Будапешта с особой тщательностью изучалась не только в МИДе, но и в КГБ и ЦК КПСС.

Нагнетанию напряженности способствовал и тот факт, что уже в середине 1956 года достоянием венгерской общественности стало содержание секретного доклада Хрущева на XX съезде КПСС. В связи с этим в Венгрии все активнее стали звучать требования отставки первого секретаря ЦК Венгерской партии труда Матьяша Ракоши как венгерского наместника Сталина.

В октябре — ноябре 1956 года Андропов непрерывно находился в Будапеште, в советском посольстве, и принимал непосредственное участие в разрешении кризиса. Важнейшие политические решения вырабатывались прибывшей в Венгрию из Москвы группой советских политических и военных деятелей, в состав которой входили Микоян и Сулов, а также Маленков, Аристов, Жуков и Конев. Специальную оперативную группу возглавлял председатель КГБ при Совете министров СССР Серов. Его заместителем был известный разведчик генерал-майор Коротков.

Члены оперативной группы КГБ, состоявшей из сотрудников советской внешней разведки и контрразведки, были задействованы в проведении специальных мероприятий. Выполнение возложенных на них задач потребовало мужества и решительности. Им приходилось работать в условиях вооруженного сопротивления, иногда ночью, порой перемещаясь на танках и бронетранспортерах. Группа осуществляла также разведывательное обеспечение действий советских воинских частей.

За успешное выполнение заданий советского правительства многие сотрудники разведки, действовавшие в составе оперативной группы КГБ в Венгрии, были удостоены государственных наград.

Ю. В. Андропов не стоял в стороне ни от происходивших событий, ни от принимаемых решений. К нему обращались за советом, он непрерывно поддерживал связь с Москвой. Он не был противником принятых в Венгрии жестких мер, но, учитывая его прежние связи с венгерским руководством, ему нередко поручали миссию посредника в тех или иных переговорах. События в Венгрии остались одним из важных эпизодов в жизни Андропова, и он гордился своей ролью в них, ибо был искренне убежден, что с его помощью был подавлен именно контрреволюционный мятеж.

В таких условиях проходило становление Сахаровского как начальника советской внешнеполитической разведки. Рассказывая о событиях того периода, нельзя не сказать хотя бы нескольких слов о Берлинском кризисе 1958–1961 годов.

Его кульминационным моментом явилось событие, о котором ранним утром 24 августа 1961 года Аппарат уполномоченного КГБ в ГДР информировал срочной телефонограммой Центр, в которой, в частности, сообщалось:

«Днем 23 августа в Западном Берлине на секторальную границу были выдвинуты соответственно по секторам подразделения американских, английских и французских войск. У границы находятся танки, бронетранспортеры и автомашины с безоткатными орудиями».

В ответ к секторальной границе со стороны Восточного Берлина выдвинулись подразделения советских войск. Впервые после Второй мировой войны войска союзников противостояли друг другу в центре Европы. Это противостояние явилось прямым следствием политики холодной войны, которая превратила Западный Берлин в постоянный очаг кризиса и место противоборства спецслужб.

Какую роль играла внешняя разведка СССР в Берлинском кризисе? Она внимательно следила за положением дел в Западном Берлине и действиями западных держав и властей ФРГ против СССР и ГДР. Усилия разведки были направлены на обеспечение советского руководства информацией, необходимой для ведения сложных и нередко заходивших в тупик переговоров с западными державами по берлинскому вопросу. Необходимо было точно знать о планах и намерениях другой стороны, чтобы избежать действий, которые могли бы подвести противостояние к критической черте.

Для достижения этой цели были задействованы резидентуры советской внешней разведки практически во всех западных странах. На всем протяжении Берлинского кризиса внешней разведке удавалось систематически обеспечивать руководство Советского Союза информацией, в том числе документальной, относительно планов западных держав, касавшихся Берлина.

Одним из ключевых документов, полученных в ту пору советской разведкой, явился секретный меморандум правительства ФРГ Совету НАТО, озаглавленный: «Юридическая и политическая концепция правительства Федеративной Республики Германии в вопросе о статусе Берлина». В этом документе правительство ФРГ советовало западным державам перейти в политическое наступление и предъявить Советскому Союзу ряд серьезных требований.

С учетом информации, которая поступала от руководства советской разведки, правительство СССР 10 января 1959 года направило союзникам по Второй мировой войне и странам, принимавшим в ней участие своими вооруженными силами, проект нового мирного договора с Германией, в который были включены и конкретные предложения по Западному Берлину. Было достигнуто согласие о проведении в том же году совещания министров иностранных дел. Такое совещание состоялось в мае — июне 1959 года в Женеве, но не дало никаких конкретных результатов. Дальнейшее обсуждение берлинского вопроса было перенесено на май 1960 года, но на этот раз уже на высшем уровне.

В связи с особой важностью событий в 1960 году в Аппарате

уполномоченного КГБ в Берлине была создана специальная группа, в ее задачи входило дальнейшее изучение берлинской проблемы и приобретение соответствующих источников информации. Началась напряженная работа, которая заметно активизировала информационный поток. Аппарат уполномоченного в тот период возглавлял опытный разведчик, специалист по Германии Александр Михайлович Коротков. Из Берлина в Центр поступил ряд важных материалов о позициях правительств ФРГ, США, Англии и Франции по берлинскому вопросу. Советским разведчикам удалось получить протоколы заседаний правительства ФРГ, на которых обсуждалась берлинская проблема, аналитическую записку западногерманской разведки о предполагаемой позиции Советского Союза на совещании «в верхах», ряд документальных материалов ведомства федерального канцлера о переговорах Конрада Аденауэра с западными державами относительно координации действий, направленных против ГДР.

Большой практический интерес представили инструкции МИДа Франции, направленные в январе 1960 года французскому представителю в рабочей группе США, Англии, Франции и ФРГ, созданной для согласования позиций этих стран на предстоящем совещании на высшем уровне.

В марте того же года через возможности разведки были получены два документа: сообщение о работе группы экспертов четырех держав по германскому и берлинскому вопросам и документ об основах модус вивенди^[5] для Берлина, представленный США на обсуждение рабочей группы. Одновременно советской разведкой были получены документальные данные о подготовке к введению в действие «воздушного моста» между ФРГ и Западным Берлином в случае обострения обстановки вокруг Берлина.

Все эти материалы тщательно изучались и анализировались в Центре. Разведка докладывала их в МИД и руководству государства для подготовки к намечавшейся на начало мая 1960 года встречи «в верхах».

Однако вторжение 1 мая в воздушное пространство СССР американского самолета-разведчика «Локхид U-2», сбитого советскими ракетами, привело к срыву совещания.

Срыв совещания «в верхах» надолго затянул решение берлинского вопроса. В июле — августе 1961 года правящие круги ФРГ развернули активную деятельность, чтобы не допустить переговоров Запада с СССР. В печати ФРГ началась кампания с угрозами в адрес ГДР и призывами к подготовке в ГДР контрреволюционного путча. Министр обороны ФРГ

Штраус встретился с командующим вооруженными силами НАТО генералом Норстэдом и постарался убедить его в том, что настало время совместными усилиями ликвидировать ГДР. Заручившись поддержкой Норстэда, Штраус в июле 1961 года направился в США, где в беседах с президентом Кеннеди и его ближайшим окружением пытался убедить их, что «восстание в ГДР назрело».

Из ФРГ в Западный Берлин срочно перебрасывались специально подготовленные террористы и диверсанты, из них формировались ударные группы, которые должны были проникать в ГДР и провоцировать там беспорядки. Обстановка накалилась до такой степени, что в любой момент мог вспыхнуть конфликт с непредсказуемыми последствиями.

Все это требовало от СССР и его союзников по Варшавскому договору энергичных мер. И такие меры были приняты. 13 августа 1961 года с одобрения стран — участниц Варшавского договора власти ГДР закрыли границу с Западным Берлином, соорудив бетонную стену.

События 13 августа оказали отрезвляющее воздействие на западных политиков, понявших бессмысленность демонстрации силы. В конце 1961 года советская разведка добыла материалы ноябрьского заседания Совета НАТО, на котором было признано целесообразным, чтобы три западные державы вступили в переговоры с Советским Союзом. Однако начавшиеся в конце 1961 года советско-американские контакты были прерваны в связи с разразившимся в 1962 году Карибским кризисом.

Таким образом, добытая советской внешней разведкой политическая информация о позициях, замыслах и действиях наших противников в Берлинском кризисе сыграла важную роль в его мирном урегулировании. Тем не менее разумное решение берлинской проблемы с учетом интересов СССР и его союзников было достигнуто лишь в 1971 году.

Вместе с тем в начале 1960-х годов внимание центрального аппарата внешней разведки и ее начальника А. М. Сахаровского было приковано не только к Берлинскому кризису, но и к драматическим событиям в Конго — бывшей бельгийской колонии в Африке. 30 июня 1960 года страна провозгласила независимость. Избранный народом парламент сформировал правительство во главе с одним из лидеров национально-освободительного движения Патрисом Лумумбой.

Однако бельгийское правительство не захотело мириться с потерей богатейшей колонии и предприняло военную интервенцию под предлогом защиты белого населения.

Летом 1960 года Совет Безопасности ООН принял решение об оказании помощи законно избранному правительству Лумумбы,

пресечении бельгийской интервенции и сохранении территориальной целостности страны. С этой целью в Конго были направлены воинские контингенты ООН. Но возглавлявшаяся американцами администрация ООН в этой стране использовала миротворческие силы не для отражения бельгийской агрессии, а для борьбы с правительством Лумумбы.

Советское правительство оказывало дипломатическую и материальную поддержку молодому африканскому государству, помогало национально-патриотическим силам страны в борьбе за сохранение независимости и территориальной целостности.

В этой связи остро встал вопрос о получении информации относительно планов и замыслов западных стран в Конго. Нужны были также сведения о конголезских политических партиях и лидерах, их позициях, внешнеполитической ориентации.

В составе выехавшего в Леопольдвиль советского посольства находилась небольшая группа разведчиков во главе с Леонидом Гавриловичем Подгорным. Уже первый период их работы в Конго показал, что хозяевами положения в стране были американцы. Они ловко использовали аппарат администрации ООН и его воинские контингенты, чтобы прибрать страну к рукам. Американцы стремились устранить тех, кто мешал им, включая само правительство Лумумбы.

Резидентуре удалось получить интересные сведения. Оказывается, еще до предоставления Конго независимости туда совершил поездку президент одного из крупнейших банков Америки «Чейз Манхэттен» Дэвид Рокфеллер. Результатом поездки явилось создание консорциума, который выделил для «решения» конголезских проблем заем в 325 миллионов долларов.

В июле 1960 года резидентуре удалось получить информацию о поездке Лумумбы в США. Там речь шла о пятнадцатилетней опеке ООН над ситуацией в Конго. В этом случае Лумумбе была обещана техническая и гуманитарная помощь. Основное условие, которое было выдвинуто в Вашингтоне, — соблюдение интересов частных американских компаний и отказ от помощи других стран.

Интересна в этой связи поездка в Леопольдвиль доверенного представителя президента США, опытного дипломата и государственного деятеля, специалиста по американо-советским отношениям Аверелла Гарримана. Он должен был на месте оценить обстановку и затем доложить свои предложения Дуайту Эйзенхауэру. Встреча с советским послом в Конго Михаилом Даниловичем Яковлевым была важной частью миссии Гарримана. Американский дипломат пытался

убедить Яковлева в том, что необходимо строить отношения с молодым конголезским правительством и оказывать ему помощь исключительно через ООН. «Почему вы действуете в обход ООН?» — спросил Гарриман. «Потому что помощь ООН в настоящих условиях и под вашей командой — петля на шее конголезского народа!» — ответил Яковлев. Такова была в те годы риторика холодной войны, весьма далекая от дипломатического этикета.

Покидая советское посольство, Гарриман бросил поджидавшим его журналистам фразу, облетевшую затем весь мир и ставшую знаменитой: «Выхлопы советских военных самолетов отравили политическую атмосферу в Конго». Стало ясно, что решение Гарриман уже принял: действовать надо без Советского Союза, а правительство Лумумбы заменить на более послушное Соединенным Штатам.

После возвращения Лумумбы из поездки в США, когда американцам стало ясно, что он никогда не согласится на роль марионетки, ЦРУ стало готовить тайную спецоперацию по его ликвидации. Решение об этом было принято тогдашним президентом США Эйзенхауэром. Одним из инициаторов его принятия был «господин Конго» Дуглас Диллон — заместитель государственного секретаря, председатель совета банковского дома «Диллон Рид энд К°».

Получив разрешение, ЦРУ приступило к действиям. 28 августа 1960 года директор ЦРУ Аллен Даллес направил своему резиденту в Леопольдвиле Хеджмену следующую телеграмму:

«Руководители организации пришли к решению, что если Лумумба сохранит лидерство, неизбежным результатом будет в лучшем случае хаос, а в худшем — открытый путь к захвату коммунистами власти в Конго с губительными последствиями для престижа Объединенных Наций и для интересов свободного мира в целом. В связи с этим мы решили, что устранение Лумумбы должно быть неотложной и главной задачей. В нынешней ситуации данная цель должна стать определяющей в нашем плане секретных действий».

14 сентября бывший в то время начальником Генерального штаба конголезской армии полковник Мобуту, получив через ООН от американцев солидную денежную сумму, совершил государственный переворот. Он объявил о разрыве дипломатических отношений с Советским Союзом и выдворении в 24 часа советского посольства из Леопольдвиля.

Через несколько часов после заявления Мобуту о захвате власти его солдаты появились у здания советского дипломатического представительства. Но все их попытки проникнуть на территорию

посольства были решительно пресечены его сотрудниками. Советский посол обратился к главе администрации ООН в Конго с просьбой защитить посольство от «неконтролируемой солдатни». Администрация ООН обещала взять посольство под охрану, но лишь до истечения срока ультиматума. Здание посольства было окружено войсками ООН, а за ними расположились солдаты Мобуту.

Всю ночь в осажденном здании упаковывали вещи и уничтожали документы. Посол Яковлев был спокоен, деловит и не проявлял ни малейших признаков растерянности. Все сотрудники посольства организованно занимались подготовкой к эвакуации. Точно в назначенный час был спущен советский флаг, и кортеж автомашин направился сквозь двойной кордон солдат в аэропорт.

Сложнее было решить вопрос с Лумумбой. В ЦРУ разрабатывались различные варианты ликвидации конголезского лидера. Однако все попытки оказались неудачными. В штаб-квартире ЦРУ созрел новый план: вывести Лумумбу из-под охраны ООН и передать его политическим противникам, что в условиях гражданской войны в Конго означало бы для него верную смерть.

Ситуация развивалась следующим образом: Мобуту отдал приказ об аресте Лумумбы. Лумумба оставался в своей резиденции, которая, как и советское посольство, была окружена двойным кольцом охраны. Солдаты Мобуту стерегли Лумумбу в ожидании удобного момента расправиться с ним, а войска ООН оберегали Лумумбу от мобутовцев. В сложившейся обстановке американцы через свою агентуру в окружении Лумумбы спровоцировали его побег из резиденции в Стенливиль. Сопровождавший Лумумбу английский офицер, который командовал подразделением ганского контингента войск ООН, осуществлявшим его охрану, арестовал в пути конголезского лидера и находившихся с ним соратников Мполо и Окито и передал их катанскому сепаратисту Чомбе. Иными словами, офицер войск ООН предал тех, кого должен был охранять. Узников сразу же отправили на самолете в Элизабетвиль.

Специальная операция ЦРУ завершилась кровавым исходом: 17 января 1961 года Лумумба, Мполо и Окито были замучены в застенках Чомбе.

В течение трех с лишним лет сотрудники резидентуры работали в условиях политической нестабильности и гражданской войны в Конго. Дважды, в сентябре 1960-го и в ноябре 1963 года, резидентура вынуждена была сворачивать свою деятельность в связи с провокационными выдворениями из страны всего состава советского посольства и приостановлением дипломатических отношений между Конго и СССР.

В этих критических ситуациях проявились лучшие качества и руководителя резидентуры КГБ Подгорного, и всех ее сотрудников. Мужество, хладнокровие, умение оценить обстановку и найти верное решение неоднократно спасали их в сложных ситуациях. Но еще более тяжкие испытания выпали на долю советника советского посольства Бориса Сергеевича Воронина, сменившего Подгорного в должности резидента, и атташе посольства Юрия Николаевича Мякотных.

Ноябрьским днем 1963 года к дебаркадеру леопольдвильской пристани приблизился маленький паром, связывающий столицы двух африканских государств Браззавиль и Леопольдвиль. На его палубе среди повозок и автомашин разместился и «фиат» с дипломатическими номерами советского посольства в Леопольдвиле. Он принадлежал Воронину.

Следует отметить, что в те годы в Конго опять попали под запрет находившиеся в оппозиции национально-патриотические партии. Внешней разведке было поручено поддерживать конспиративные контакты с их лидерами. В августе 1963 года оставшиеся на свободе лидеры этих партий перебрались в Браззавиль. Встречи с ними сотрудники резидентуры стали проводить в столице соседнего государства, куда выезжали по поручениям посла и для закупок продовольствия.

Для проезда из Леопольдвилья в Браззавиль и обратно виз и разрешений не требовалось, достаточно было предъявить дипломатическую карточку. Но тем не менее полученные на встречах материалы надо было провозить через государственную границу. Станут ли леопольдвильские власти соблюдать международные правила и уважать неприкосновенность советских дипломатов и их багажа?

Об этом и думал Воронин, возвращаясь из Браззавиля, где он провел ряд ответственных встреч и получил объемистые пакеты с материалами, предназначенными для «инстанции». Эти пакеты особенно волновали его. Он не знал, что в них, и корил себя за то, что предварительно не ознакомился с их содержанием. Что если в них просьбы о помощи, финансовые вопросы? Попади эти документы в руки конголезских властей в случае провокации при пересечении границы, это был бы сильнейший компромат.

Вот и причал. Машины медленно съезжают на берег. Идет проверка документов. За машиной Воронина вплотную следует автомобиль английского посольства. Вдруг «фиат» советского посольства окружает плотная группа жандармов и людей в штатском. Воронин мгновенно все понял. Он успевает заблокировать двери и поднять стекла. Начинает рвать документы, пытаясь их уничтожить. Мякотных тоже все понял и активно

помогает Воронину. Но двери автомашины выбивают прикладами, а дипломатов силой вытаскивают из нее за ноги. При этом Воронин ударяется затылком об асфальт и теряет сознание. Обоих дипломатов тут же на пристани сильно избивают, а затем бросают в кузов жандармского пикапа и увозят.

Английский дипломат, который стал свидетелем этой зверской расправы, пройдя пограничный контроль, тут же приехал в советское посольство. Там он заявил, что не разделяет наших идеологических концепций и нашей политики в Конго, но считает своим долгом рассказать о случившемся и выразить возмущение поведением конголезских властей.

Далее события развивались следующим образом. По линии МИДа и разведки в Москву были немедленно направлены сообщения о случившемся. Советский посол связался с президентом Касавабу, который пообещал к утру освободить дипломатов. Но все говорило о том, что и сам президент уже не контролировал ситуацию в связи с очередным военным переворотом, осуществленным Мобуту.

Ночью в камеру, в которой находились Воронин и Мякотных, ворвалась группа пьяных солдат. Ими командовал лично Мобуту, который тоже был навеселе. Советских дипломатов в очередной раз избивали, вытащили в тюремный двор и поставили к стенке. Мобуту потребовал от них признания в участии в антиправительственном коммунистическом заговоре. Иначе — расстрел. Он отдал команду солдатам, те вскинули винтовки. Но тут появляется начальник конголезской службы безопасности и о чем-то долго беседует с Мобуту. Последний отдает команду увести пленников в камеру.

С утра допросы возобновились. Теперь их вела группа лиц, среди которых угадывались американцы. Изменился и характер вопросов. Они стали жестче, конкретнее. Но их смысл был один — заставить признаться в существовании антиправительственного заговора, нити которого тянутся в советское посольство.

Докладывая обстановку в Центр, резидентура сделала вывод, что антисоветская кампания носит исключительно политический характер и не базируется на каких-либо конкретных фактах разведывательной деятельности.

К полудню советского посла пригласили в МИД, где вручили ноту, объявляющую весь персонал посольства персонами нон грата, и предложили всему составу посольства покинуть страну в течение сорока восьми часов.

Воронин продолжал мужественно сопротивляться нападкам

допрашивавших его сотрудников службы безопасности. Он заявил, что выполнял в Браззавиле поручения посла по поддержанию связи с людьми, которые еще совсем недавно входили в состав конголезского правительства.

Проводившие допрос явно были не готовы к такому отпору. Вечером Воронина и Мякотных увезли на аэродром, посадили в самолет и выслали из страны. Оба были в синяках и кровоподтеках, в разорванной одежде, Воронин к тому же был босиком. Перед высылкой дипломатам предложили поменять «сибирскую ссылку» на «прелести» западного мира, на что Мякотных ответил, что уже имел возможность испытать эти «прелести» на своей спине.

Вскоре после выдворения советского посольства из Конго Мобуту совершил очередной военный переворот и на долгие годы установил режим единоличной военной диктатуры.

Из приведенных примеров видно, какими трудными оказались для советской внешней разведки первые шаги в этой африканской стране. Но правильные действия руководства ПГУ, грамотный подбор кадров, выдержка и хладнокровие сотрудников резидентуры способствовали выполнению задач, поставленных перед разведкой в данном регионе.

Карибский кризис

М. Херман в своей книге «Власть разведки в дни мира и войны» писал: «Разведка в известном смысле сродни медицине. Врач большей частью занят тем, что просто поддерживает нормальное существование своего пациента. Но наступает момент, когда он спасает ему жизнь. По-видимому, так же по отношению к своей стране работает и разведка».

В 1961 году отношения между СССР и США резко обострились. Американцы разместили на военных базах в Турции ядерные ракеты средней дальности. В ответ советское руководство тайно доставило аналогичное оружие на Кубу. С обеих сторон зазвучала агрессивная риторика.

Так возник самый острый в годы холодной войны Карибский ракетный кризис 1962 года, который поставил человечество на грань ядерной катастрофы.

Спустя более чем четыре десятилетия после кризиса, когда появилась возможность ознакомиться с ранее недоступными документами, стало очевидно, как близко мир находился у пропасти, грозившей третьей мировой войной и уничтожением человечества.

Кризис продолжался 13 дней — с 16 октября 1962 года, когда президенту Кеннеди было доложено об обнаружении советских ракет на Кубе, по 28 октября, когда было достигнуто принципиальное компромиссное решение о его урегулировании. Но для руководства внешней разведки и сотрудников посольства в Вашингтоне самыми напряженными были семь дней и ночей — с того момента, когда вечером 22 октября президент США поведал миру об «обнаружении советских ракет» на Кубе.

До настоящего времени Карибский кризис по-прежнему остается предметом дискуссий и углубленного изучения учеными — историками, психологами, политиками, дипломатами и военными.

Важная роль в урегулировании кризиса принадлежала резиденту советской внешней разведки в Вашингтоне Александру Семеновичу Феклисову, о боевой биографии которого мы уже рассказывали.

В своей книге «Признание разведчика» Феклисов так рассказал о развитии Карибского кризиса:

«Пришедший к власти в США в январе 1960 года президент Джон Кеннеди уже через три месяца предпринял попытку свергнуть кубинское

революционное правительство во главе с Фиделем Кастро. Он санкционировал вторжение на остров пятнадцатитысячной армии наемников из числа кубинских контрреволюционеров, подготовленных и вооруженных ЦРУ США. Эта попытка оказалась неудачной. Однако Кеннеди не отказался от своих планов. Он жаждал реванша, и по его указанию ЦРУ и Пентагон начали осуществлять широкую программу мероприятий по ликвидации кубинской революции, которые включали экономическую блокаду, террористические акты, проведение разведывательно-диверсионных операций.

В целях предотвращения свержения правительства Кастро Советский Союз стал оказывать усиленную экономическую и военную помощь Кубе, в том числе ракетной техникой.

Разведывательные службы США вели непрерывное и тщательное наблюдение за всеми поставками на Кубу, в первую очередь — из СССР. 14 октября 1962 года американский разведывательный самолет зафиксировал строительство на острове пусковых ракетных установок, которые, по мнению американских специалистов, могли быть использованы для нанесения ракетно-ядерного удара по восточному побережью США в случае американского вторжения на Кубу.

Реакция Белого дома была незамедлительной. Был создан специальный комитет, в задачу которого входила разработка мероприятий по устранению ракетной угрозы со стороны Кубы. На усмотрение президента США были представлены следующие альтернативные решения: вторжение на Кубу; уничтожение ракетных установок бомбардировкой с воздуха; блокада острова; ведение секретных переговоров с Хрущевым по дипломатическим каналам; обсуждение проблемы в ООН.

Комитет рекомендовал президенту вначале принять третий вариант — установить блокаду Кубы. В воскресенье 21 октября под руководством президента заседал его кабинет вместе с руководством Пентагона. А в понедельник, 22 октября, из Москвы пришло срочное указание: выяснить характер вопросов, обсуждавшихся в Белом доме. В этой связи все сотрудники резидентуры были нацелены на добывание информации от своих связей.

Меня неожиданно пригласил на ланч Джон Скали — известный внешнеполитический обозреватель телевидения, который поддерживал хорошие отношения с госсекретарем Дином Раском. Перед уходом из ресторана Скали сказал, что в 7 часов вечера президент Кеннеди выступит с важным обращением к американскому народу, в котором он объявит меры, принятые правительством США против Советского Союза и Кубы.

В своем выступлении президент объявил: о введении строгого морского карантина (то есть — блокады) Кубы; о приведении в состояние боевой готовности вооруженных сил США; о внесении в Совет Безопасности ООН резолюции, требующей, чтобы СССР демонтировал пусковые установки для ракет среднего радиуса действия и вывез их с Кубы.

В прессе появились сообщения, исходящие из Пентагона, что на пути к Кубе находятся 25 торговых судов и что 90 кораблей ВМС США встретят их в открытом океане. Сообщалось также, что в район Кубы направляются советские атомные подводные лодки. Военная истерия накалялась с каждым днем, достаточно было произойти даже случайно какому-либо столкновению на море или в воздухе, как могли начаться военные действия с непредсказуемыми последствиями.

Каждый день Хрущев направлял послания Кеннеди, а Кеннеди — Хрущеву, телеграфные линии между Москвой и Вашингтоном были перегружены, но так уж получилось, что именно через Скали мне предложили передать в Москву следующий вариант разрешения кубинского кризиса: «Советский Союз демонтирует и вывозит с Кубы ракетные установки под контролем ООН. Со своей стороны правительство США публично берет на себя обязательство не вторгаться на Кубу».

Я заверил Скали, что переданное им предложение будет немедленно сообщено по назначению. Однако немедленно это сделать не удалось, так как посол Добрынин, сославшись на то, что МИД не уполномочивал посольство вести такие переговоры, отказался подписать подготовленный мною текст телеграммы. Я был удивлен этой нерешительностью. Сам подписал телеграмму и передал ее шифровальщику для отправки по каналу резидентуры своему шефу, начальнику разведки КГБ генерал-лейтенанту Сахаровскому.

Утром следующего дня я с большим волнением ждал ответа из Москвы. Решалось: война или мир. Время шло, но Добрынину из Москвы ничего не поступало. Зато мне пришла в 9.30 утра депеша из Центра: Сахаровский подтвердил, что получил мое сообщение, и попросил повторить его по мидовскому каналу за подписью посла. Я немедленно ответил, что пытался это сделать еще вчера, но Добрынин отказался подписать телеграмму».

Следует подчеркнуть, что советско-американские переговоры и контакты с целью урегулирования кризиса шли по многим направлениям: на государственном уровне, по линии Министерства обороны, по дипломатическим каналам. Активным участником поиска путей решения

конфликта был советский посол на Кубе Александр Иванович Алексеев, который имел тесные контакты с Фиделем Кастро.

Как уже упоминалось, 16 октября 1962 года в США была создана специальная «кризисная группа», которую позже стали именовать Исполнительным комитетом Совета национальной безопасности.

В КГБ на Лубянке работала специальная антикризисная группа, в которую вошли представители всех родов войск и Министерства иностранных дел. Но советский внешнеполитический механизм оставался неизменным. Как и прежде, главные политические решения принимались в рамках партийного руководства: Хрущевым, Брежневым, Козловым, Косыгиным, Микояном и Суловым с привлечением экспертов и сотрудников аппарата, которых подбирали Малиновский, Громыко и Пономарев. Когда нужно было принять особо важное решение, Хрущев собирал расширенный состав Политбюро с участием секретарей ЦК, представителей МИДа и Министерства обороны.

Кульминацией кризиса стало обращение к народу президента Кеннеди, в котором он сообщил, что отдал распоряжение Пентагону усилить военные приготовления. На юго-восток США стали перебрасываться крупные подразделения сухопутных войск, морской пехоты и десантников. Выйти «на исходные позиции» было приказано более ста боевым кораблям. 26 октября Джон Кеннеди дал указание государственному секретарю США Дину Раску создать временное правительство из числа кубинских эмигрантов. На следующий день над Кубой был уничтожен разведывательный самолет U-2, что было использовано американскими «ястребами» для мощнейшего давления на президента Кеннеди.

Хрущев решил не уступать нажиму США даже перед угрозой войны. В письме президенту США он обвинил Кеннеди в том, что тот поставил СССР «ультимативные условия», и полностью отверг «произвольные требования США». Рассматривая блокаду как акт агрессии, толкающий человечество к мировой ракетно-ядерной войне, Хрущев заявил, что «советское правительство не может дать инструкции капитанам советских судов, следующих на Кубу, соблюдать предписания американских ВМС, блокирующих этот остров». «Если американцы будут действовать подобным образом, — продолжал он, — мы будем вынуждены со своей стороны предпринять меры, которые сочтем нужными и достаточными для того, чтобы оградить свои права».

О тексте письма было известно лишь членам Президиума ЦК, а также нескольким приглашенным лицам, таким как Малиновский и Громыко.

Приближалась развязка конфликта. В ночь на 26 октября председатель

КГБ Семичастный спал в комнате рядом со своим кабинетом. Около 8.30 утра ему принесли копии всех сообщений, касающихся Карибского кризиса. Семичастный в свои 37 лет был самым молодым председателем КГБ за всю его историю и часто при решении оперативных вопросов опирался на мнение руководителей подразделений КГБ, в том числе и на мнение начальника внешней разведки Сахаровского. В этот критический момент полученная Сахаровским и несогласованная с МИДом телеграмма Феклисова о предложениях Скали могла или успокоить, или взорвать накопившееся напряжение.

Дело в том, что ранее официальная информация, поступавшая от Скали, не пользовалась доверием мидовских работников и не учитывалась в сообщениях, готовившихся для Кремля. Это хорошо знал Сахаровский. И тем не менее он решил действовать через Громыко.

Именно Громыко утром 28 октября доложил Хрущеву, что от администрации Кеннеди по двум каналам получены сообщения о ее готовности урегулировать кризис на условиях, изложенных в письме от 26 октября: руководитель резидентуры КГБ в Вашингтоне Феклисов встретился с американским журналистом Скали, который передал предложения Вашингтона по разрешению кризиса, а в полученном утром новом письме Кеннеди предлагалось практически то же самое.

Таким образом, благодаря усилиям дипломатов, разведчиков и людей, имевших влияние в высших эшелонах власти, Хрущев и Кеннеди нашли разумный компромисс.

1 ноября 1962 года, выступая по телевидению, Фидель Кастро счел необходимым сделать следующее заявление: «Нужно особенно помнить о том, что во все трудные моменты, с которыми мы сталкивались перед лицом американской агрессии, мы всегда опирались на дружескую руку Советского Союза. За это мы благодарны ему, и об этом мы должны говорить во весь голос!»

Эти слова, несомненно, можно с полным основанием отнести и к советским разведчикам, которые совместно с кубинскими партнерами разрабатывали и успешно осуществляли накануне и в ходе Карибского кризиса целый комплекс мероприятий по противодействию подрывной деятельности американских спецслужб.

Подводя итог тем событиям, можно констатировать, что определенный вклад в разрешение многочисленных локальных кризисов, имевших место в период холодной войны, принадлежит внешней разведке и ее начальнику Александру Михайловичу Сахаровскому, который при докладах высшему руководству страны всегда проявлял глубокое понимание всего круга

проблем, над которыми работала его Служба.

Глава восьмая

ОНИ СЛУЖИЛИ С САХАРОВСКИМ

Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры. Надо понять, что при наших нынешних условиях кадры решают всё.

И. В. Сталин

Главное в разведке — кадры

Разведка — это прежде всего люди. Основную часть кадров советской разведки составляли люди, безгранично верившие в новое справедливое устройство общества. Действуя преданно и самоотверженно, они решали сложнейшие задачи, стоявшие перед разведкой, накапливали опыт и оттачивали профессиональное мастерство.

Оценивая работу с кадрами разведчиков Александра Михайловича Сахаровского, бывший директор ЦРУ США Уильям Колби в одном из своих интервью подчеркивал: «Это был очень интересный человек. Он начал с того, что набрал лучших выпускников лучших университетов страны, обучил их языкам, дал им хорошие профессиональные навыки. И они действительно хорошо работали».

Следует отметить, что советские разведчики в своей работе опирались не только на простых людей, но и на представителей высших кругов иностранных государств, их интеллигенцию, которые смотрели на Советский Союз как на страну с внешнеполитическим курсом, направленным на упрочение мира, ограничение гонки вооружений и оздоровление международной обстановки.

Разведчики Вильям Фишер, Конон Молодой, Ким Филби, Джордж Блейк, супруги Леонтина и Моррис Коэн и многие другие порой с риском для жизни добывали крайне необходимую информацию для принятия руководством СССР важных стратегических решений в период острых международных конфликтов.

Вот с такими людьми служил и такими людьми руководил Сахаровский. А для этого надо было добиться их доверия. Сотрудники должны видеть в руководителе пример для подражания. Именно поэтому в советской разведке всегда основное внимание уделялось воспитательной работе на примерах старших товарищей. Конечно, всего того, что нужно разведчику, нельзя в него вложить, научить, многие качества должны быть попросту врожденными. Но обстановка, коллектив, непосредственный руководитель все же играют значительную воспитательную роль.

Поэтому хотелось бы остановиться на некоторых примерах поведения в сложных обстоятельствах выдающихся советских разведчиков и тех мерах, которые предпринимались руководством разведки для того, чтобы и разведка, и непосредственные участники событий с честью вышли из сложившейся ситуации.

14 октября 1957 года в США в здании федерального суда Восточного округа Нью-Йорка начался широко освещавшийся в мировой прессе судебный процесс по делу № 45094 «Соединенные Штаты Америки против Рудольфа Ивановича Абеля». На скамье подсудимых находился советский разведчик-нелегал полковник Вильям Генрихович Фишер, который при аресте представился Рудольфом Абелем, назвав имя своего уже умершего товарища по нелегальной разведке. Тем самым он сообщил своему руководству в Москве, которое знало о дружбе Фишера с Абелем, что с ним случилась беда, и о том, под какой легендой он будет действовать в ходе суда.

Вильям Фишер родился 11 июля 1903 года в Англии в семье политэмигрантов из России. В 1920 году семья Фишер возвратилась в Москву.

С 1927 года Вильям Фишер — во внешней разведке. Работал с нелегальных позиций в двух европейских странах. В период Великой Отечественной войны находился в распоряжении 4-го управления НКВД, занимался организацией разведывательно-диверсионной работы в тылу врага.

В ноябре 1948 года выехал на нелегальную работу в США. Резидентура Фишера вела исключительно активную разведывательную деятельность. В результате предательства в июле 1957 года был арестован. В ходе следствия вел себя мужественно.

Доказать, что Фишер-Абель занимался шпионажем, суду не удалось. Не было установлено ни одного факта, который подтверждал бы получение подсудимым секретных данных или их передачу иностранному государству. Однако прокурор на основании показаний предателя — сотрудника нелегальной резидентуры Р. Хейханена, который являлся помощником Фишера, потребовал признать разведчика виновным. Как писал в своей книге «Незнакомцы на мосту» адвокат Фишера на процессе Джеймс Донован, «для признания обвиняемого виновным вовсе не обязательно, чтобы преступник уже совершил свое деяние».

Ни во время предварительного следствия, когда ФБР применяло повседневное давление на арестованного, ни во время суда и тюремного заключения Вильям Генрихович не выдал каких-либо сведений, связанных с его миссией в США. 15 ноября 1957 года суд приговорил Фишера-Абеля к тридцати годам тюремного заключения.

А руководство разведки с этого дня начало прорабатывать варианты возможного освобождения попавшего в беду товарища.

Несколько позже другое сообщение также облетело всю мировую

прессу. В нем говорилось, что утром 1 мая 1960 года советские ракетчики в районе Свердловска сбили иностранный самолет, проникший в воздушное пространство СССР с враждебными целями. Летчик, выбросившийся с парашютом, был задержан. 17 августа 1960 года в Колонном зале Дома союзов в Москве начался судебный процесс над американским летчиком Фрэнсисом Гэри Пауэрсом. Процесс привлек внимание миллионов людей на всем земном шаре. И это было понятно. Ведь на скамье подсудимых рядом с Пауэрсом незримо находились организаторы его разведывательного полета — руководители ЦРУ США.

В первые дни после задержания Пауэрса различные правительственные ведомства США, в том числе и Государственный департамент, публиковали исключаящие друг друга заявления, преследовавшие одну цель: категорически опровергнуть разведывательный характер полета самолета «Локхид U-2».

Однако несколько позже, давая показания в сенатской комиссии по иностранным делам конгресса США, государственный секретарь Гертер вынужден был признать: «1 мая произошел провал разведывательной операции. Программа полетов «U-2» представляла собой важное и эффективное усилие в области разведки. Обстоятельства потребовали от нас предпринять эти шпионские действия. Пришлось признать, что этот полет состоялся, что он был разведывательным. Я одобрил его как часть всей программы».

Указанное обстоятельство позволило адвокату Гриневу на судебном процессе заявить: «Хотя Пауэрс и был непосредственным исполнителем, но основным виновником все-таки является не он, несмотря на то, что разбираемое сегодня дело связано с его именем. В связи с этим приходится сожалеть, что на скамье подсудимых находится только один Пауэрс. Если бы рядом с ним находились те, которые послали его на преступление, можно не сомневаться, что положение моего подзащитного Пауэрса было бы иным и он занял бы тогда второстепенное место и, следовательно, мог бы безусловно рассчитывать на значительное смягчение наказания».

Учитывая признание Пауэрсом своей вины и раскаяние в содеянном, Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к десяти годам лишения свободы.

Как же соединились эти два события — арест в Нью-Йорке Фишера-Абея и суд над Пауэрсом в Москве? И в нашей, и в зарубежной печати в то время утверждалось, что разведчика Абея обменяли на летчика Пауэрса только благодаря усилиям ФБР и семьи Пауэрса, обращавшейся лично к Хрущеву и Кеннеди. Однако сегодня уже ни для кого не является секретом,

что имевший место обмен двух разведчиков был подготовлен и осуществлен советской внешней разведкой.

Мероприятия по вызволению Фишера из американской тюрьмы были начаты сразу после оглашения приговора. Сотрудники центрального аппарата старались подобрать оптимальный вариант, который позволил бы начать переговоры с американцами. Для ведения переговоров с ними был приглашен влиятельный юрист В. Фогель, член коллегии адвокатов Большого Берлина, который выступал посредником между супругой разведчика и американскими властями.

Важным моментом был подбор подходящего кандидата или кандидатов для обмена. Заместитель генерального прокурора США Томпкинсон так охарактеризовал сложившееся положение: «Арест Абеля — дело большого значения. Это человек, пожертвовавший всем ради выполнения своей миссии. Для русских он, несомненно, незаменим. Поэтому я не думаю, чтобы он был обменян на кого-нибудь, поскольку тем самым мы преподнесли бы русским огромный подарок».

Еще во время судебного процесса над Фишером-Абелем его американский адвокат Донован заявил в суде: «В такой ситуации, как Абель, может оказаться и наш человек. И тогда русский полковник может пригодиться». Американцы были убеждены, что подобного не может произойти с их соотечественником. Однако процесс над Пауэрсом показал, что именно это и произошло.

И американцы во время бурных дискуссий по делу летчика-шпиона впервые озвучили мысль о возможности обмена. Переговоры затянулись на полтора года, но в итоге 10 февраля 1962 года на мосту Глинике, разделявшем Западный и Восточный Берлин, Рудольф Абель, которому предстояло еще 25 лет находиться в американской тюрьме, был обменян на Фрэнсиса Пауэрса. Разведчик снова оказался дома, в Советском Союзе.

Таким образом, руководство советской внешней разведки показало всему миру, что не бросает своих в беде и предпринимает все возможное для их возвращения на родину.

Какова же была дальнейшая судьба Вильяма Фишера? Вернувшись на родину, он продолжил активно работать в центральном аппарате внешней разведки. Его заслуги отмечены орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности». Скончался Вильям Генрихович Фишер 15 ноября 1971 года.

Следующий пример спасения попавшего в беду советского разведчика, классически проведенного под руководством Сахаровского, касается Конона Трофимовича Молодого.

Конон Молодой родился 17 января 1922 года в Москве в семье научных работников. Его отец преподавал в Московском государственном университете и Московском энергетическом институте, а также заведовал сектором научной периодики в Госиздате. Скончался от инсульта в 1929 году в возрасте 50 лет. Мать была профессором Центрального научно-исследовательского института протезирования, а в годы Великой Отечественной войны — военным хирургом.

В 1932 году с разрешения советского правительства Конон выехал в США к сестре матери, которая проживала там с 1914 года. Учился в средней школе в Сан-Франциско, в совершенстве овладел английским языком. В 1938 году возвратился в Москву и продолжил учебу в советской средней школе, которую успешно окончил в 1940 году.

В октябре 1940 года был призван в ряды Красной армии. Весь период Великой Отечественной войны находился в действующей армии, во фронтовой разведке. Принимал непосредственное участие в боевых действиях против немецко-фашистских войск. В должности помощника начальника штаба отдельного разведывательного дивизиона лейтенант Молодой неоднократно ходил в тыл противника, брал «языков», добывал необходимые командованию сведения. Его боевой путь отмечен орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

После демобилизации из армии в 1946 году Молодой поступил на учебу на юридический факультет Московского института внешней торговли, изучал китайский язык. Являлся соавтором учебника китайского языка.

С 1951 года — во внешней разведке.

По публикациям у нас в стране и за рубежом Молодой проходит под именем канадского бизнесмена Гордона Лонсдейла. С 1955 по 1961 год он возглавлял нелегальную резидентуру советской внешней разведки в Англии. Это было одно из наиболее эффективных зарубежных звеньев внешней разведки, которое успешно добывало секретную политическую, научно-техническую и военно-стратегическую информацию в важнейших учреждениях Англии и на военных базах США и НАТО, расположенных на ее территории.

Деятельность резидентуры была весьма успешной, и, казалось, ничто не предвещало беды. Но в результате предательства одного из руководящих

сотрудников польской разведки М. Голеневского ЦРУ получило сведения о том, что СССР якобы располагает информацией с базы английских военно-морских сил в Портленде. Еще в 1958 году Голеневский, завербованный ЦРУ, сообщил американцам, что у советской разведки в Портленде есть ценный источник информации. ЦРУ информировало об этом английскую контрразведку, которая затратила на поиски советского агента, работавшего на базе, целый год. К концу 1959 года он был установлен и взят в активную разработку. К середине 1960 года контрразведчики установили Молодого-Лонсдейла, а затем и его помощников — разведчиков-нелегалов супругов Коэн, работавших в Англии под фамилией Крогер.

5 января 1961 года, испугавшись разоблачения, Голеневский, который находился в то время в командировке в Берлине, бежал в США. Предупрежденные об этом англичане поспешили с арестом Лонсдейла и Крогеров, произведя его 7 января.

Судебный процесс над разведчиками начался 13 марта 1961 года и продолжался восемь дней. Когда слушания были закончены, судья объявил приговоры: Молодому-Лонсдейлу — 25 лет каторжной тюрьмы, супругам Крогер, его помощникам, — по 20 лет.

О помощниках Молодого — разведчиках-нелегалах Ко-энах-Крогерах мы еще расскажем, а сейчас коснемся того, как оценивали поведение Молодого во время ареста и судебного процесса те, против кого он работал.

Лондонская газета «Дейли мейл» опубликовала заявление Молодого, в котором говорилось, что никто из арестованных не находился с ним ни в какой преступной связи и что если суд на основании имеющихся у него улик считает обвинение доказанным, то виновным является только он, какие бы последствия для него это ни повлекло.

В ходе следствия и суда Молодой прилагал большие усилия, чтобы оправдать Леонтину Коэн. Он представлял ситуацию так, что она не была посвящена в его дела. Газета «Обсервер» писала: «В нем было что-то настолько профессиональное, что возникало лишь чувство восхищения. И если хоть один человек был патриотом и жил ради своего долга, то это — он».

Находясь в английской тюрьме, Молодой верил, что Центр примет все меры к его освобождению. Это позволяло сохранять спокойствие и стойко переносить тяжелые испытания. И он не ошибся в руководстве внешней разведки. Работа по вызволению нелегалов из тюрьмы началась сразу же после суда над ними.

Сам по себе процесс обмена Молодого был кропотливым и сложным. Такая возможность представилась в ноябре 1962 года, когда в СССР по

обвинению в шпионаже был арестован английский бизнесмен Гревилл Винн. Он признал себя виновным в выполнении разведывательных поручений и был приговорен к восьми годам лишения свободы. Одна из английских газет писала: «Англия, в отличие от Америки, никогда не обменивалась шпионами с Россией. Если бы дело Винна создало прецедент, русские одержали бы победу в тайной холодной войне. Какая это была бы победа, если бы акула Лонсдейл был обменен на мелюзгу Винна».

Тем не менее соглашение было достигнуто. Сам обмен состоялся в Берлине 22 апреля 1964 года. Теплой была встреча с друзьями и товарищами по работе. С возвращением Молодого поздравили председатель КГБ и начальник внешней разведки, которые приложили максимум усилий, чтобы вернуть разведчика-нелегала на родину.

За мужество и стойкость, проявленные при выполнении особых заданий, К. Т. Молодому было досрочно присвоено очередное воинское звание полковника. Он продолжил работу в центральном аппарате разведки. Был награжден орденами Красного Знамени и Трудового Красного Знамени, а также нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности». Работа разведчика-нелегала К. Т. Молодого легла в основу художественного фильма «Мертвый сезон». Скончался разведчик от инсульта 11 октября 1970 года.

Приведем еще один пример беззаветного служения Родине. Супруги Федоровы, Галина Ивановна и Михаил Владимирович, проработали во внешней разведке более сорока лет. Половину этого срока они действовали в нелегальных условиях, создав резидентуру связи в Западной Европе.

Михаил Федоров родился 1 января 1916 года в городе Колпино под Петроградом в семье рабочего. Отец в то время трудился на Ижорском заводе в сталелитейном цехе, мать занималась домашним хозяйством. В 1922 году семья переехала в город Ямбург, переименованный вскоре в Кингисепп.

В Кингисеппе прошли детские и юношеские годы Михаила. В школе он увлекался спортом, поэтому после окончания десятилетки в 1935 году поступил на учебу в Ленинградский институт физической культуры имени П. Ф. Лесгафта.

По окончании института 1 сентября 1939 года, в день начала Второй мировой войны, Михаил был зачислен на службу в 5-е управление РККА, как в то время называлась советская военная разведка. А уже в начале октября направлен для прохождения разведывательной подготовки в

индивидуальном порядке в отделение разведотдела штаба Западного особого военного округа в город Белосток. Программа подготовки была рассчитана на 18 месяцев. Планировалось, что в конце июня 1941 года он нелегально уйдет в Польшу, а затем, обзаведясь польскими документами, попытается осесть в Германии. Однако планам руководства не суждено было реализоваться. Когда подготовка разведчика была практически завершена, началась Великая Отечественная война.

В конце июля 1941 года Федоров был направлен в распоряжение разведотдела штаба Западного фронта в район Вязьмы, на станцию Касня. В качестве заместителя командира группы разведчиков он до декабря 1941 года находился за линией фронта — в Великих Луках и Невеле. Члены группы вели разведку по дислокации и передвижению частей противника, минировали дороги, разрушали средства связи, карали предателей родины.

В начале сентября 1942 года Михаил в составе разведывательно-диверсионного отряда специального назначения был выброшен с парашютом в районе города Барановичи Брестской области. За участие в боевых операциях награжден орденом Красной Звезды.

В общей сложности в тылу врага Михаил Федоров провел больше двадцати семи месяцев.

Возвратился в Москву из-за линии фронта в августе 1944 года и был откомандирован в распоряжение Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной армии. Прошел необходимую подготовку и в августе 1945 года был направлен на нелегальную работу в Англию. Работал в дипломатическом представительстве одной из зарубежных стран, передавал в Центр важную информацию военно-политического характера.

В середине 1947 года был переведен из военной разведки во внешнюю разведку госбезопасности. Вместе с супругой Галиной Ивановной длительное время находился на нелегальной работе в одной из стран Западной Европы.

Галина Федорова (в девичестве Маркина) родилась 17 февраля 1920 года в Саратове в рабочей семье. Отец был электромонтером-самоучкой. Позднее, пройдя профессиональную подготовку, он получил должность директора мельницы, где работала и мать Галины. Сразу после революции вступил в партию большевиков, последние годы жизни находился на партийной работе.

После смерти отца в 1932 году матери стало трудно воспитывать четверых детей, с двенадцати лет Галина воспитывалась у тетки — сестры отца, которая жила в Москве. В 1937 году, окончив школу-десятилетку, девушка пошла работать в Наркомфин СССР, одновременно училась на

вечернем факультете Московского высшего технического училища имени Н. Э. Баумана.

В январе 1939 года по путевке комсомола пришла в органы государственной безопасности. Вначале работала в Транспортном управлении НКВД, занималась техническими вопросами, но привлекалась и к выполнению отдельных оперативных заданий.

В годы Великой Отечественной войны находилась в распоряжении Группы особого назначения 4-го управления НКВД, занимавшейся подготовкой кадров для работы в подполье. Во время войны ей приходилось выполнять тяжелые и ответственные задания.

В 1946 году окончила двухгодичные курсы иностранных языков при Высшей школе Министерства государственной безопасности СССР, затем перешла на работу во внешнюю разведку, в подразделение, которое занималось разведкой с нелегальных позиций.

Рассказывать о деятельности нелегалов такого уровня, как супруги Федоровы, крайне сложно, поскольку многие тома их оперативного дела еще не скоро станут достоянием гласности. Мы же можем только констатировать уровень подбора кадров и воспитательной работы в советской разведке того периода.

Написанная Федоровыми книга «Будни разведки» рассказывает о том, сколько мужества, выдержки и терпения требуется разведчику-нелегалу, чтобы каждодневно вести опасную, тщательно скрываемую от посторонних глаз деятельность.

Можно лишь догадываться, какой ценой, каким напряжением нервов и воли приходилось расплачиваться разведчикам за каждую из конспиративных встреч — а было их больше трехсот! — проведенных в разных европейских странах. А сотни радиосеансов под носом у контрразведки? Благодаря работе разведчиков Центр имел возможность оперативно получать ценнейшие сведения. Кроме того, по другим каналам они сумели передать в Москву более четырехсот важных секретных материалов. Длительное время источником информации у них являлся крупный политический деятель одной из стран, входящих в НАТО. Благодаря ему и стараниям Федоровых руководство Советского Союза своевременно получило исчерпывающие сведения о широко ныне известном документе «Дропшот», представляющем собой план превентивного ядерного удара по различным целям на территории СССР. Они передавали в Москву сведения о военных базах в Европе и их передислокации. Накануне ежегодных сессий Генеральной Ассамблеи ООН разведчики получали от надежного источника конфиденциальную

информацию о позиции ведущих европейских стран по ключевым вопросам повестки дня. Вполне понятно, что эти сведения являлись весьма полезными для советских делегаций, выезжавших в Нью-Йорк.

Естественно, каждая информация от Федоровых, как и от Фишера или Молодого, не проходила мимо начальника разведки. Аккумулировать получаемые сведения, ждать вместе с участниками событий завершения каждой оперативно значимой операции — удел Центра. И вместе с ними радоваться благополучному завершению иногда очень длительных командировок.

О Федоровых открыто заговорили лишь летом 1990 года, когда они встретились с телезрителями Центрального телевидения в программе «На службе Отечеству» и откровенно рассказали не столько о службе (все-таки конспирация), сколько о своей жизни на Западе. И некоторые наши сограждане недоумевали, поражаясь тому, что после богатой жизни в Европе, где они были миллионерами, Федоровы вернулись в Россию, добровольно лишив себя всех благ, которыми пользовались долгие годы.

Действительно, Галина Ивановна и Михаил Владимирович имели в стране пребывания свой собственный городской дом с прислугой, фешенебельную виллу. В их гараже ожидали хозяев всегда подготовленные к выезду «мерседесы» и «линкольны». На счету в банке находилось достаточно средств для безбедной жизни не на один десяток лет.

В Москве разведчики Федоровы поселились в скромной двухкомнатной квартире и довольствовались такой же пенсией, какую получали многие их товарищи по работе. Стоило ли им менять миллионы долларов на пенсионные рубли? Ответ на него дает их понимание долга, которое сформулировала Галина Федорова:

«Каждый человек хочет быть счастливым и, как известно, сам кует себе это счастье. И мы были по-своему счастливы, хотя не обошли нас в жизни и трудности. У каждого человека своя судьба, которая, вероятно, и определяет его жизнь. Мы, например, волею судьбы стали разведчиками-нелегалами, о чем совершенно не жалеем. Сейчас с большой благодарностью оглядываемся на свой пройденный путь, путь служения Родине, своему народу, защите государственных интересов нашей родной многонациональной страны. Разве это не счастье?»

После возвращения на родину супруги Федоровы работали в центральном аппарате разведки. Неоднократно выезжали за рубеж для решения конкретных разведывательных задач.

Полковник Федоров награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, Дружбы народов, двумя орденами

Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке». Скончался в 2004 году.

Полковник Федорова награждена орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке». Скончалась в 2010 году.

Супруги написали две книги: «Будни разведки» и «Вся жизнь конспирация», в которых рассказали о многогранной и сложной работе разведчиков-нелегалов.

Но достойно защищали государственные интересы СССР не только ее граждане. Подбор агентов, которым предстояло работать на нашу государственную безопасность, был весьма многоплановой и очень сложной задачей. Особенно были ценны те люди, которые сотрудничали с советской разведкой по идейным соображениям.

Моральные аспекты агентурной работы всегда являлись сверхчувствительной областью нравственности. Оплачивается работа агентуры или нет, руководство разведки и сотрудники, работающие с ней, всегда считают хорошо расположенных к нам граждан других стран прогрессивно настроенными людьми и благодарны им за то, что они открывают нам доступ к строго охраняемым их государствами сведениям.

Однако очень важно понимать психологическое состояние наших помощников: борьба с собственной совестью рано или поздно проявит себя. И вот здесь только чуткий руководитель может помочь иностранцу, сотрудничающему с нами на основе идейной близости или по другим мотивам, но хорошо настроенному к нам, сохранить в собственных глазах уважение к себе.

Сахаровский всегда четко разделял агентуру на ту, которая отстаивает свои принципы и никогда не опустится до уровня провокатора или вымогателя, и ту, которую лишь сложившиеся обстоятельства вынудили сотрудничать с нами.

В любом случае Сахаровский требовал от разведчика при его контактах с агентом тонко чувствовать переживаемые тем моральные сомнения, поддерживать, помогать в тяжелые минуты.

Однако какими бы мотивами ни руководствовался агент, идя на сотрудничество с разведкой, он должен быть уверен, что, случись что-либо непредвиденное, руководство разведки предпримет все возможное, чтобы не оставить его в беде.

При беседах с сотрудниками Сахаровский обращал внимание на то, что у каждого агента свой потенциал, свои возможности, что основную тяжесть агентурной работы вынужден нести сам человек, согласившийся нам помогать. В то же время он подчеркивал, что при всем благожелательном отношении к агенту нельзя путать разведывательную организацию с благотворительной.

В тех же случаях, когда опасность провала агента становилась реальной и его пребывание на родине или в другой стране было нежелательно, руководство Комитета государственной безопасности и внешней разведки предпринимало все меры по немедленному выводу иностранца в нашу страну. Разведка обеспечивала его материально и гарантировала личную безопасность.

Доступ к выведенному в СССР агенту поначалу был весьма ограничен, так как его бдительно охраняли. В дальнейшем его трудоустроивали по его желанию или использовали для подготовки кадров разведки, а также на аналитической работе. Здесь следует отметить еще одно отличие советских спецслужб от спецслужб стран НАТО: руководство внешней разведки не требовало от агентов-эмигрантов в публичных выступлениях чернить свою страну и людей, с которыми они работали. В разведке их всегда рассматривали как профессионалов, которые с честью выполняли поставленные перед ними задачи.

Примером такого отношения к агентам-эмигрантам является вывод в СССР выдающегося советского разведчика Кима Филби.

Гарольд Адриан Рассел Ким Филби родился 1 января 1912 года в Индии в семье чиновника британской колониальной администрации при правительстве раджи. Имя Ким ему дал отец в честь одного из героев Киплинга, оно осталось с ним на всю жизнь. Родители почти все время жили 214

в Индии, а мальчик находился на попечении бабушки в Англии. Учился в привилегированной Вестминстерской школе, которую окончил с отличием. В 1929 году поступил в Тринити-колледж Кембриджского университета. В студенческие годы Ким примыкал к прогрессивно настроенным группам в университете, активно выступал против фашизма.

В 1931 году сблизился с компартией Великобритании, искренне считая, что только коммунизм может преградить дорогу нарождающемуся нацизму.

Прогрессивные взгляды молодого Филби привлекли внимание советского разведчика-нелегала А. Дейча. В 1933 году Ким начал сотрудничать с советской внешней разведкой на идейной основе.

После окончания Кембриджского университета Филби некоторое время работал в редакции газеты «Таймс». Во время гражданской войны в Испании находился на франкистской территории в качестве военного корреспондента газеты. Передавал нам ценные сведения об обстановке в том регионе.

В 1940 году по заданию советской разведки Филби поступил на работу в британскую разведывательную службу Сикрет интеллидженс сервис (СИС). Уже через год Филби становится заместителем начальника контрразведки этой службы и отвечает за контрразведывательное обеспечение всех военных операций западных участников антигитлеровской коалиции в Европе.

В 1944 году получает повышение по службе и назначается на пост руководителя особо важного, 9-го отдела СИС, занимавшегося изучением «советской и коммунистической деятельности» в Великобритании. Одновременно исполняет обязанности заместителя начальника СИС.

За время Великой Отечественной войны Ким Филби передал нам большое количество важной информации о вооруженных силах Германии, об отношении к СССР союзников по антигитлеровской коалиции. Он сообщил в московский Центр ценнейшие сведения о планах операций фашистских войск в районе Курска и намерениях гитлеровцев применить на Восточном фронте новые виды боевой техники. От Филби поступали данные и о разведчиках, забрасывавшихся в СССР в годы войны.

Летом 1947 года Ким Филби выехал в Стамбул в качестве резидента британской разведки. С 1949 по 1951 год возглавлял в Вашингтоне миссию по связи английской разведки с Центральным разведывательным управлением (ЦРУ). Установил контакты с руководством ЦРУ и ФБР, в том числе с А. Даллесом и Э. Гувером. Координировал деятельность американских и английских спецслужб в борьбе с «коммунистической угрозой». И в эти годы Филби продолжал активно работать на советскую разведку, регулярно информировал Москву о деятельности английских и американских спецслужб, направленной против СССР и его союзников в странах Восточной Европы.

В августе 1956 года Филби был направлен на работу в Бейрут от британской разведки под прикрытием корреспондента газет «Обсервер» и «Экономист». В течение семи лет он работал в Бейруте, передавая в Центр сведения о действительных намерениях США и Великобритании в этом регионе.

В начале 1963 года в связи с угрозой провала Филби с помощью советской разведки был нелегально выведен из Бейрута в Советский Союз.

С 1963 по 1988 год работал консультантом внешней разведки по спецслужбам Запада, участвовал в подготовке разведчиков.

За заслуги перед нашей страной Ким Филби награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Дружбы народов, знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», многими медалями.

Написанная Кимом Филби книга «Моя тайная война» о работе в советской внешней разведке издана в нашей стране и за рубежом.

Ким Филби скончался 11 мая 1988 года. Похоронен на Новокунцевском кладбище в Москве. В память о нем, выдающемся разведчике-интернационалисте, снят документальный телевизионный фильм «Выпускник Кембриджа».

Когда в 1967 году были преданы гласности сведения об истинной роли Филби, бывший сотрудник ЦРУ М. Коуплэнд, близко его знавший, заявил: «Деятельность Кима Филби в качестве офицера связи между СИС и ЦРУ привела к тому, что все чрезвычайно обширные усилия западных разведок в период с 1944 по 1951 год были безрезультатными. Было бы лучше, если бы мы вообще ничего не делали».

Выступая перед коллективом разведчиков на собрании, посвященном столетию со дня рождения Ф. Э. Дзержинского, Ким Филби подчеркнул: «Большая часть моей жизни позади. Оглядываясь на прошедшие годы, я думаю, что прожил их не зря. Мне хочется от себя повторить слова Феликса Дзержинского, рыцаря революции, большого гуманиста: если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы так, как начал».

О московском периоде жизни Филби — с 1963 по 1988 год — написано, естественно, мало, если не считать отдельных разрозненных фактов, опубликованных западными журналистами. Но стараниями руководства внешней разведки, управления нелегальной разведки, коллег по работе ему были созданы все условия для нормальной полноценной жизни. Филби женился, работал, путешествовал, отдыхал. Увлеченно трудился над воспоминаниями. Во время многочисленных поездок по стране встречался с коллективами сотрудников территориальных органов КГБ. Он был консультантом Первого главного управления. Было у него и любимое дело, к которому он относился с особым старанием: занятия с молодыми сотрудниками нелегальной разведки. «Семинар Филби» — так назывались эти занятия — внес заметный вклад в разведывательную подготовку и воспитание молодых разведчиков.

Отвечая на вопрос о своей жизни в Советском Союзе, Ким Филби, в частности, рассказывал: «С удовольствием перечитываю классиков

английской литературы. Люблю хоккей (в качестве зрителя, конечно). И еще одно хобби: кулинария. Если сомневаетесь — приходите в гости».

В январе 1988 года, незадолго до своей кончины, Ким Филби дал в Москве интервью английскому писателю и публицисту Филипу Найтли, в котором отметил: «Что же касается возвращения на родину, то нынешняя Англия для меня — чужая страна. Здешняя жизнь — это моя жизнь, и переезжать я никуда не собираюсь. Это моя страна, которой я прослужил более 50 лет. Я хочу быть похороненным здесь. Я хочу, чтобы мои останки покоились там, где я работал».

20 марта 1992 года Законом Российской Федерации № 2553 было установлено звание Героя Российской Федерации и учреждена медаль «Золотая Звезда». В 1995 году первым из советских разведчиков этого звания был посмертно удостоен разведчик-нелегал Моррис Коэн. Спустя год за вклад в создание советского атомного оружия вместе с другими разведчиками звания Героя России была также посмертно удостоена боевая помощница Морриса и его супруга Леонтина Коэн.

Моррис Коэн родился 2 июля 1910 года в Нью-Йорке (США) в семье выходцев из России. Его отец был родом из-под Киева, а мать родилась в Вильно. Еще до революции семья Коэн эмигрировала в США и поселилась в Нью-Йорке, в районе Ист-Сайда. Обучаясь в колледже, Моррис прославился как отличный игрок в регби. Семья была небогатой, и полученная юным Моррисом спортивная стипендия позволила ему поступить в Колумбийский университет, который он окончил в 1935 году. Работал преподавателем истории в средней школе.

Гражданская война в Испании не оставила равнодушным Коэна. В 1937–1938 годах в составе интернациональной бригады имени Авраама Линкольна он участвовал в борьбе против испанских фашистов, был ранен в обе ноги. Отважный американец попал в поле зрения советской внешней разведки и дал согласие оказывать ей помощь в борьбе против фашистской угрозы. В ноябре 1938 года по решению Центра Коэн был направлен в США в качестве связника нелегальной резидентуры.

Со своей будущей женой Леонтиной Терезой Петке Моррис познакомился в Нью-Йорке на антифашистском митинге. В начале 1941 года они поженились. Леонтина догадывалась о связях мужа с советской разведкой и с готовностью согласилась помогать ему в его тайной деятельности.

В 1942 году Моррис Коэн был мобилизован в американскую армию и принимал участие в войне против нацистов в Европе. В ноябре 1945 года

был демобилизован и возвратился в США. В декабре с ним была восстановлена связь.

Леонтина Коэн родилась 11 января 1913 года в городе Адамс штата Массачусетс, США, в семье польского эмигранта Владислава Петке. До тринадцати лет училась в школе, затем была вынуждена бросить учебу и зарабатывать на жизнь. Работала домработницей, официанткой, продавщицей, трудилась на фабрике кожизделий, на кондитерской фабрике. С пятнадцати лет Лона, как звали ее друзья и близкие, принимала участие в работе прогрессивных групп и организаций, являлась профсоюзной активисткой, в 1936 году вступила в компартию США.

В 1941 году вышла замуж за Морриса Коэна. Без колебаний дала согласие оказывать помощь советской разведке.

Эта удивительная супружеская пара разведчиков с конца 1930-х годов активно сотрудничала с нью-йоркской резидентурой НКВД. В 1948 году Коэны обеспечивали конспиративную связь с рядом наиболее ценных источников советской разведки, причастных к разработке американского атомного оружия. В 1949–1950 годах они входили в состав резидентуры разведчика-нелегала Фишера, действовавшего в США. С 1955 года супруги по документам новозеландских предпринимателей Питера и Хелен Крогер находились на нелегальной работе в Англии, являясь помощниками К. Т. Молодого. В январе 1961 года они были арестованы и приговорены к двадцати годам тюремного заключения. В октябре 1969 года обменены на арестованных в СССР агентов британских спецслужб. 24 октября 1969 года Моррис и Леонтина Коэн оказались в Москве. Потребовалось время для того, чтобы обжиться в подготовленной для них Первым главным управлением трехкомнатной квартире. После освобождения они много путешествовали по нашей стране. В первую очередь это диктовалось стремлением руководства разведки сделать все возможное для восстановления и укрепления их пошатнувшегося здоровья. В этот период они отдыхали и лечились в разных санаториях. Вместе с тем это отвечало их желанию ближе познакомиться, больше увидеть и узнать о стране, для которой они так много сделали. Они охотно делились впечатлениями об этих поездках. Отмечали и хорошее, и плохое. Рассказывали честно, искренне, доброжелательно. Они быстро привыкли к новой действительности. Россия стала их страной, и в беседах на различные темы они всегда употребляли выражения: «у нас в стране», «наши артисты», «у наших коллег» и т. д.

До последних дней Коэны работали в подразделении нелегальной разведки. Выполняли специальные задания, участвовали в подготовке

молодых разведчиков-нелегалов. Для них Коэны всегда были образцом таких важнейших для разведчика качеств, как верность, честь, бесстрашие, чистая совесть.

За конкретные результаты в разведывательной работе Моррис и Леонтина награждены орденами Красного Знамени и Дружбы народов. Леонтина Коэн скончалась 23 декабря 1992 года, Моррис Коэн — 23 июня 1995 года.

Рассказывая об иностранных помощниках, приобретенных в период руководства разведкой А. М. Сахаровским и ставших впоследствии гражданами СССР, нельзя не сказать и о замечательном советском разведчике полковнике Джордже Блейке.

Джордж Блейк родился 11 ноября 1922 года в Роттердаме в семье натурализованного в Нидерландах состоятельного египтянина, женатого на голландке. Его отец Альберт Уильям Бехар, выходец из Египта, получил в годы Первой мировой войны британское подданство, сражаясь в составе английской армии во Фландрии. В 1919 году он познакомился в Лондоне с молодой голландской аристократкой Кэтрин Бейдервелен, вскоре они обвенчались и переехали в Нидерланды.

После смерти отца в 1936 году Джордж переехал в Каир к сестре матери, бывшей замужем за богатым банкиром, где окончил французский лицей и продолжил образование в английском колледже. В конце 1939 года возвратился в Роттердам.

В начальный период Второй мировой войны Блейк был активным участником движения Сопротивления в Нидерландах. В 1942 году перебрался в Англию и ушел добровольцем на британский флот. Окончил военно-морское училище и был приписан к военно-морской разведке. В середине 1944 года на 22-летнего морского офицера, владевшего несколькими иностранными языками, обратили внимание представители британской разведывательной службы Сикрет интеллидженс сервис. С августа 1944 года Блейк стал сотрудником английской разведки.

В октябре 1948 года назначен резидентом СИС в Сеуле. Весной 1951 года добровольно, по идейным соображениям, установил связь с советской внешней разведкой. По возвращении в Лондон в 1953 году был назначен на руководящий пост в центральном аппарате английской разведки. На протяжении длительного времени от Блейка поступали исключительно ценные документальные материалы о деятельности спецслужб и военного министерства Англии.

Его информация о прокладке американцами тоннеля к линиям связи

штаба советских войск в ГДР позволила Центру использовать этот канал для дезинформации противника.

Весной 1961 года советский разведчик был арестован, подвергнут допросам и приговорен английским судом к сорока двум годам тюремного заключения. 22 октября 1966 года Блейк с помощью своих английских друзей-пацифистов совершил побег из лондонской тюрьмы Уормвуд-Скрабс, а уже в декабре оказался в Москве.

Вскоре Джордж Блейк познакомился с Кимом Филби и Дональдом Маклейном, которые уже длительное время проживали в Москве. С их помощью Блейку удалось быстро адаптироваться в новых условиях. Они часто встречались, вместе отдыхали, путешествовали по стране.

В Москве у Блейка появилась новая семья, родился сын, а теперь растёт внук, которому он уделяет много внимания. Со временем он восстановил связи со своими сыновьями от первого брака. Они вместе с женами и детьми навещают Блейка и с удовольствием отдыхают на его даче в Подмосковье.

В настоящее время Блейк является консультантом Службы внешней разведки России. Написал книгу воспоминаний, изданную у нас в стране и за рубежом.

За заслуги в разведывательной деятельности полковник Блейк награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1 степени, «За личное мужество», многими медалями, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке» (знак № 1).

Ветеран принимает активное участие в жизни коллектива разведчиков, избран почетным профессором Академии внешней разведки, часто встречается с коллегами, выступает перед молодежью.

В одном из своих первых интервью на московской земле Блейк подчеркивал:

«Советский Союз стал для меня второй родиной, я гражданин этой страны и вместе с ее народом вношу свой посильный вклад в перестройку советского общества. Меня волнует все, что здесь происходит, я радуюсь успехам нашей страны, переживаю неудачи. Другой судьбы не хочу и счастлив, что она сложилась у меня именно так».

Проблема адаптации к новым условиям бывших ценных источников информации советской разведки привлекала пристальное внимание ее начальника Сахаровского. Он предпринимал все меры, чтобы они не чувствовали себя в СССР в изоляции. Их подключали к обучению кадров, подготовке информационных материалов. Начальник разведки заботился о

расходах на их содержание, интересовался их жилищными условиями. Все они были награждены государственными наградами. Сахаровский отлично понимал, что от всего этого зависит мотивация поведения людей, добровольно идущих на контакт с разведкой и даже рискующих при этом свободой и осуждением со стороны своих бывших сограждан.

Конечно же, рядом с Сахаровским трудился большой коллектив единомышленников, как молодых, так и с большим опытом работы в разведке, как готовившихся к своей первой заграничной командировке, так и выезжавших в резидентуры на руководящие должности. Для каждого из них Александр Михайлович должен был найти добрые слова и дельные советы, кого-то поддержать, а кого-то и «стимулировать» для ведения более активной работы.

Беседы Сахаровский предпочитал вести с глазу на глаз, при закрытых дверях. Разговоры подчас были не простыми и не легкими. И это вполне понятно: на беседы к начальнику разведки приглашают далеко не каждого. Значит, у оперработника имеются проблемы, обсуждать которые может только руководитель разведки. Помимо такта и деликатности он должен проявить в беседе и высокие профессиональные качества. Такова уж эта должность — начальник разведки. Она требует не только проницательного ума, сильной воли, решительного характера, профессионализма, но и доброго сердца.

За примерами далеко ходить не надо. Один из оперативных сотрудников впервые готовился выехать на руководящую работу в резидентуру. Зная о предстоящей беседе с начальником разведки, он подготовил подробные планы работы с агентурой, делая акцент на активизацию ее работы. В ходе беседы Александр Михайлович внимательно выслушал будущего руководителя резидентуры и в конце произнес всего одну фразу: «Ты побереги их, помощников». И молодой резидент понял, что не только о планах, но и о людях надо думать. Люди для Сахаровского всегда были на первом месте.

Иногда в кабинете А. М. Сахаровского происходили поистине удивительные встречи. Из воспоминаний Героя Советского Союза разведчика-нелегала Геворка Андреевича Вартаняна:

«В 1953 году мой отец, Андрей Васильевич Вартанян, 1889 года рождения, решил наконец оставить Иран и переселиться в Армению. В Иране он находился с 1930 года и все это время активно сотрудничал с советской внешней разведкой. Надо сказать, что организованная им резидентура содержалась исключительно на его собственные деньги. К тому времени, после трех отсидок в различных тюрьмах за

неблагонадежность, он был уже состоятельным человеком, владельцем известной в Иране кондитерской фабрики, и мог себе позволить оказывать содействие нелегальной разведке не только в получении различного рода документов, но и в содержании конспиративных квартир, размещении разведчиков-нелегалов и в проведении оперативных мероприятий.

Когда началась Великая Отечественная война, отец оказывал «легальной» резидентуре финансовую помощь. На его средства был построен даже танк, который принимал участие в боевых действиях на фронте. Перед войной он одобрил мое твердое намерение связать свою жизнь с советской внешней разведкой.

В конце мая 1953 года моего отца пригласил к себе на беседу Сахаровский, который в то время являлся заместителем начальника разведки. Хотя я сопровождал отца, на беседу меня не пригласили. Она была длительной. Очевидно, отец отчитывался о проделанной работе. Я хорошо запомнил, как он вышел из кабинета Сахаровского: довольный, с блеском в глазах, с гордостью показал мне удостоверение персонального пенсионера и сказал, посмотрев на кабинет Александра Михайловича: «До тех пор, пока в советской разведке есть такие люди, — она непобедима».

Прервем на некоторое время воспоминания Геворка Андреевича Вартапяна, чтобы сказать несколько слов о нем самом.

Геворк Вартапян родился 17 февраля 1924 года в Ростове-на-Дону в семье иранского подданного, армянина по национальности, директора маслобойного завода, находившегося в станице Степной. В семье были два сына и две дочери. В 1930 году семья выехала в Иран. Геворку в то время было всего шесть лет.

Отец Геворка был связан с советской нелегальной разведкой и покинул СССР по ее заданию. Он прочно обосновался в Иране, став преуспевающим коммерсантом. Прожив шесть лет в Тавризе, семья переехала в Тегеран.

Геворк Вартапян связал свою судьбу с советской разведкой в 16 лет, когда в феврале 1940 года добровольно установил прямой контакт с резидентурой НКВД в Тегеране.

По поручению резидента он возглавил спецгруппу по выявлению фашистской агентуры и немецких разведчиков в столице и других иранских городах. Только за два года его группа установила около четырехсот человек, так или иначе связанных с германской разведкой. По заданию Центра Геворк внедрился в разведшколу, созданную в Тегеране англичанами для ведения подрывной работы против СССР, и прошел в ней

полный курс обучения. Принимал активное участие в обеспечении безопасности лидеров «Большой тройки» в ходе работы Тегеранской конференции в ноябре — декабре 1943 года. В 1951 году был выведен в СССР и окончил факультет иностранных языков Ереванского университета. Затем последовала многолетняя работа разведчика-нелегала в экстремальных условиях и сложной обстановке в различных странах мира, отмеченная званием Героя Советского Союза, многими орденами и медалями, а также высшими ведомственными наградами.

До последних дней полковник Вартанян проживал в Москве, являлся консультантом Службы, принимал активное участие в воспитании молодого поколения разведчиков. Скончался 10 января 2012 года.

Из воспоминаний Геворка Андреевича Вартаняна:

«В 1957 году, когда Александр Михайлович Сахаровский был уже начальником Первого главного управления, он пригласил меня к себе, чтобы получить мое согласие для направления нас с супругой на нелегальную работу за границу.

Беседа была недолгой. Сахаровский вспомнил отца, вспомнил мою работу в Тегеране в годы Второй мировой войны, сказал, что наша подготовка будет короткой, поскольку у нас уже есть опыт работы в боевых условиях, и пожелал нам удачи. И действительно, через два с половиной месяца мы с супругой были уже далеко от Москвы.

В середине 1960-х годов, когда нам с супругой удалось побывать в отпуске в СССР, меня еще раз пригласил на беседу, уже с отчетом о работе, Сахаровский. Вот этот разговор был более долгим, и я тогда понял, почему отец вышел от Александра Михайловича такой довольный. Я никак не ожидал, что человек такого высокого положения может вести беседу с оперработником не как начальник с подчиненным, а как коллега с коллегой. Полное понимание сложностей в работе, мгновенная реакция на возникавшие в ходе беседы проблемы показывали, что этот человек болеет душой за разведку, за людей, которые вдали от Родины делают все от них зависящее, чтобы она чувствовала себя в безопасности. Такие беседы запоминаются на всю жизнь».

Особенно любил беседовать Александр Михайлович с молодыми оперативными работниками. Чаще всего такие встречи мало напоминали официальную беседу руководи-224 теля с младшим по должности. Скорее это был разговор двух соратников, ответственных за одно дело, беседа отца с сыном перед дальней дорогой, тяжелой и опасной. Старший знал, что тех знаний, которые молодой оперработник получил на теоретических

занятиях, мало. Необходимо помнить, что разведка — это ежедневный и ежеминутный тяжелый труд. За границей оперработник вынужден постоянно находиться на острие испытаний. Сахаровский часто подчеркивал, что ошибается тот, кто думает, что разведкой может заниматься любой человек. Он считал, что разведка — это образ мышления, состояние души, своеобразный талант и умение выдерживать постоянное напряжение.

К сожалению, не избежала разведка в период, когда у ее руля находился Сахаровский, и некоторых провалов в работе. Следует подчеркнуть, что в таких обстоятельствах начальник разведки сохранял спокойствие и требовал этого от своих подчиненных. Он отдавал себе отчет в том, что против советской разведки действует искушенный и опытный противник. Выдворение из страны, шельмование — это самое простое из того, что подстерегает разведчика в его повседневной работе. Но если он сам допускает оплошность и дает в руки спецслужб противника хоть малейший повод для провокации, то тогда они пускают в ход весь свой арсенал: вербовочные предложения, угрозы, запугивание, шантаж. Все это делается с одной целью: сломить его волю и заставить пойти на предательство. «Защитить любой ценой сотрудника, допустившего ошибку, но сумевшего противостоять противнику, — главная задача коллектива, в котором он трудится», — так считал Сахаровский. Но чего не мог понять и простить Александр Михайлович — это предательства.

Природа предательства не меняется с годами. Здесь и боязнь ответственности за промахи, и ошибки в служебной деятельности, пьянство и деградация личности, любовные увлечения, финансовые нарушения. В то же время после смерти Сталина и публикации доклада Хрущева о «культе личности» появилась новая порода предателей — «борцов против советского тоталитаризма». Подавляющее большинство этих людей, совершивших элементарные проступки и поддавшихся нажиму со стороны спецслужб противника, пытаются прикрыть свое предательство политическими мотивами и, в частности, представить себя в роли борцов с социалистической системой. Ведь предатель — это иуда, а борец — герой!

Одним из таких предателей стал Олег Калугин, который при Сахаровском являлся заместителем начальника контрразведывательного подразделения ПГУ.

В 1995 году вышла в свет его книга «Прощай, Лубянка!». Посмотрим, каким виделся начальник внешней разведки будущему предателю. Касаясь Сахаровского, Калугин пишет:

«Обычно сумрачный, как будто отягощенный постоянными думами, он

являл собой тип начальника, имя которого произносили с благоговением или страхом. Ни от кого в КГБ я не слышал худого или пренебрежительного мнения о шефе разведки.

По натуре Сахаровский был подозрителен и осторожен. Он первый обратил внимание на непоследовательность в поведении агента ПГУ Артамонова-Шадрина, в прошлом командира эсминца на Балтике... Он беспощадно расправлялся с теми, кто терял в его глазах доверие... Его упрямство, готовность постоять за себя и защитить разведку от нападков вызывали раздражение наверху».

Далее Калугин делает предположение:

«Думаю, что в тяжелом взгляде и необщительности Сахаровского скрывалась одна тайна, о которой у нас предпочитают помалкивать и поныне. Александр Михайлович нес на себе груз ответственности за «мокрые дела» советской разведки. При нем и с его ведома были физически ликвидированы лидер украинских националистов Степан Бандера и активист НТС Лев Ребет».

К сожалению, проработав длительное время в разведке, Калугин так и не понял разницы между разведывательной деятельностью и разведкой как государственным механизмом. Да, разведка того времени принимала участие во внешнеполитических мероприятиях, связанных с физическим устранением по решению суда советских граждан, дававших присягу служить Родине и существовавшему строю и преступивших закон. Такие граждане могли быть отданы под суд и осуждены заочно. И если такой человек был приговорен к высшей мере наказания, то только после вынесения приговора мог быть поставлен вопрос о приведении его в исполнение.

Касаясь этой проблемы, бывший председатель КГБ Владимир Семичастный писал:

«Я сам как Председатель КГБ не имел права единолично принимать решения о физической ликвидации людей. Пропаганда, утверждавшая обратное, опиралась прежде всего на принцип исполнения советского закона за пределами Родины, имевшего отношение прежде всего к беглецам из наших рядов с известными именами.

Единственный случай, о котором я знаю и который относился к временам шелепинского председательства в КГБ, когда чекисты действительно привели приговор в исполнение, касался Степана Бандеры, главаря эмигрантской Организации украинских националистов (ОУН).

Подробный план уничтожения этого преступника был разработан в 1959 году. Позже раскрытие его вызвало многочисленные протесты в

западных странах. Адресовались они Шелепину».

Кстати, исполнителю этой операции Богдану Сташинскому в декабре 1959 года был вручен орден Красного Знамени «за успешное выполнение особо важного задания правительства».

Необходимо подчеркнуть, что разведка, являясь частью государственного аппарата, проводила оперативные мероприятия по выявлению преступника (а то, что Степан Бандера был государственным преступником, террористом, состоявшим на службе абвера и засылавшим своих боевиков в годы Великой Отечественной войны в тылы Красной армии, — неоспоримый факт) и исполнению приговора в отношении его. Но считать, что начальник разведки был инициатором ликвидации Бандеры, не имеет никакого смысла.

Решение уйти с поста начальника ПГУ созрело у Сахаровского в начале 1971 года.

Следует отметить, что некоторые исследователи истории отечественных спецслужб связывают уход Сахаровского из разведки с предательством сотрудника ПГУ Лялина.

На самом деле переход оперативного работника лондонской резидентуры Лялина на сторону противника произошел в сентябре 1971 года, когда начальником ПГУ уже был Ф. К. Мортин. В то же время не исключено, что Сахаровский, будучи к тому времени консультантом председателя КГБ по разведке, принимал активное участие в выработке мер по ликвидации последствий предательства Лялина. А они были достаточно жесткими.

Не исключено также, что уже тогда Александр Михайлович чувствовал приближение кризиса советской партийно-административной системы. В конце 1960-х — начале 1970-х годов Запад начал активно расшатывать идеологическую основу Советского государства. Требовалась жесткая адекватная ответная реакция со стороны политического и государственного руководства страны. Однако многоопытный Сахаровский такой реакции на происходящие события не ощущал.

К тому же здоровье Александра Михайловича оставляло желать лучшего: он уже перенес два инфаркта.

15 июля 1971 года Александр Михайлович подал рапорт об отставке. Но вплоть до февраля 1975 года оставался тесно связан со Службой, являясь старшим консультантом председателя КГБ при Совете министров СССР по разведке.

Вспоминают ветераны

Сотрудники разведки, по делам службы часто встречавшиеся с Александром Михайловичем, вспоминали, что каким бы длинным и трудным, даже «горячим» ни был его рабочий день, он всегда был приветлив, внешне спокоен, нетороплив в оперативных вопросах, внимателен к людям. Эти черты были очень характерны для Сахаровского.

Вот что рассказывал о нем бывший начальник информационно-аналитической службы внешней разведки генерал-майор Филипп Артемьевич Скрягин:

«Меня поражало то, как Александр Михайлович вел беседу с сотрудниками. Он всегда выслушивал, не перебивая, если даже речь шла о вопросе, непрямо относящемся к теме беседы.

Часто наш разговор о совершенствовании информационной работы Александр Михайлович подводил к вопросу о кадрах. Я подробно рассказывал о людях, потому что его интересовали не только их деловые, но и личные качества. Он и сам беседовал с рядовыми информационными работниками, переводчиками. Приглашал исполнителей документов на доклад. У нас была общая точка зрения на то, что лишь беседуя с самим исполнителем можно глубже разобраться с вопросом, изложенным в документе, найти резервы в работе. Трудно переоценить также пользу обсуждения возникающих проблем с начальником разведки для самого исполнителя. В ходе беседы Александр Михайлович имел возможность глубже войти в проблему, лучше узнать сотрудника».

Сахаровский обладал исключительными аналитическими способностями, предвидел и рассчитывал возможный ход оперативных мероприятий, имел феноменальную память.

Бывший ответственный сотрудник разведки генерал-майор Василий Алексеевич Дождалев, принимавший в свое время участие в операциях по связи с разведчиком-нелегалом Кононом Молодым, рассказывал:

«После ареста последнего я, не зная всей сути дела, пришел в кабинет начальника разведки и взял всю вину за провал на себя. Сахаровский выслушал меня внимательно и заявил, что это вина не моя, причина совсем в другом. После этого меня не только не наказали, а, наоборот, повысили в должности».

Другой ветеран разведки генерал-майор Владимир Павлович Бурдин вспомнил такой случай:

«Где-то в 1963–1964 годах — а я в то время занимал должность заместителя руководителя Аппарата Уполномоченного КГБ СССР при МГБ ГДР — мне принесли на подпись оперативный документ. Я отказался визировать его, потому что считал мероприятие, которое предлагалось провести, неподготовленным и достаточно опасным. Я официально изложил свою позицию, однако она не была учтена.

Через некоторое время на стол Сахаровского легла бумага, в которой были указаны фамилии виновных в провале данной операции, в том числе и моя фамилия. Увидев ее, Сахаровский со словами: «Он же отказался подписывать этот документ» — вычеркнул мою фамилию из «черного» списка».

Ветеран разведки генерал-лейтенант Сергей Александрович Кондрашев на юбилейном вечере, посвященном девяностолетию со дня рождения Сахаровского, рассказал такой случай:

«В одной из ведущих натовских стран работал опытный и сильный разведчик Никита Стефанович Дерябкин. По прикрытию он занимал скромную должность технического сотрудника советского посольства. А по линии разведки на него возлагались ответственные задачи по поддержанию связи с наиболее ценной агентурой.

Как-то раз после прошедшего в Москве очередного съезда КПСС в посольство с дипломатической почтой поступили две упаковки. В одной из них содержались портреты вновь избранных членов Политбюро ЦК КПСС, а в другой — запасные части к посольскому радиопередатчику. Причем упаковка с радиодеталями в ходе транспортировки была повреждена, и Москва дала указание ее возвратить. В связи с тем что дипкурьеры собирались в обратный путь, Дерябкин, принимавший участие в получении почты, быстренько написал сопроводительную записку («возвратить за ненадобностью») и попросил своих коллег передать упаковку дипкурьерам, а сам отправился на оперативное мероприятие.

Через несколько дней посол распорядился вывесить в актовом зале портреты нового состава Политбюро, а их не нашли... Разразился скандал. Оказалось, что именно они были случайно возвращены в Москву «за ненадобностью». В соответствующие подразделения ЦК КПСС, МИДа и КГБ ушла телеграмма, в которой посол требовал отозвать Дерябкина из командировки.

Реакция Сахаровского была незамедлительной. В ответной телеграмме сообщалось, что за конкретные результаты в работе Н. С. Дерябкин награжден орденом Ленина и что он (Сахаровский) надеется, что руководство посольства присоединится к поздравлениям в адрес

сотрудника резидентуры по этому поводу. Инцидент был исчерпан, а Дерябкин проработал в стране еще несколько лет».

Бывший заместитель начальника внешней разведки генерал-майор Борис Александрович Соломатин рассказывал:

«Трудно было Александру Михайловичу Сахаровскому. Все-таки разведка подразделяется на тех, кто «в поле», и тех, кто «рядом с начальством». Я-то чаще бывал «в поле», поэтому мне сложно судить о всех «подковерных» ситуациях, которые складывались в Центре. Но я знаю, что Александр Михайлович высоко ценил руководителей подразделений и резидентур за правильный подбор и расстановку кадров, давал объективную оценку их достоинств и недостатков. Еще хочу отметить, что директивы и указания начальника ПГУ, которые направлялись в резидентуры, были всегда конкретны, они способствовали профессиональной активности оперативного состава».

В этой связи еще один ветеран СВР вспомнил такой случай:

«Сахаровский был достаточно строг к тем руководителям резидентур и подразделений в Центре, кто хотел бы завысить значимость проведенных оперативных мероприятий и получить побольше наград. Однажды ему принесли проект приказа о награждении сотрудников за удачно проведенную операцию. Список был достаточно внушительный и поощрения значительны — от правительственных наград до «может быть повышен в должности до старшего оперуполномоченного».

Внимательно изучив список, он предложил пересмотреть его в сторону снижения ценности наград и только по последней кандидатуре вычеркнул слова «может быть». И, пока новый проект приказа готовился, проследил за тем, чтобы рядовой участник операции был повышен в должности».

О ветеранах, людях заслуженных, Сахаровский заботился и всячески их поддерживал. Бывший начальник секретариата ПГУ рассказал о таком эпизоде из жизни начальника разведки:

«Накануне празднования 55-й годовщины органов ВЧК — КГБ Александр Михайлович узнал, что одному из старейших чекистов-разведчиков Василию Ивановичу Пудину исполнилось семьдесят лет. Александр Михайлович дал указание, а затем и проконтролировал, чтобы ветеран был включен в «юбилейный приказ» о поощрениях. Это один пример. А сколько их было... Постоянную чуткость, неформальное отношение к людям одни называют чертой характера, другие — стилем работы руководителя. Но дело не в названии. Важно, что внимание, забота о сотруднике положительно влияют на рабочую атмосферу в коллективе в целом».

Рассказывает ветеран Службы внешней разведки, заслуженный деятель культуры РСФСР, художник, полковник Павел Георгиевич Громушкин:

«С руководителем советской внешней разведки Александром Михайловичем Сахаровским я близко познакомился в 1956 году. Неоднократно приходилось бывать у него с докладом и обсуждать оперативные дела. И всегда он был внимателен к молодым сотрудникам, тактично подсказывая конструктивные решения, стараясь не задеть достоинства человека, приободрить начинающего, ни в коем случае не подавляя своей начальствующей высотой.

Умел создать и создавал вокруг себя спокойную, деловую обстановку; побуждал к работе мысли, к инициативе. Для меня он был Человеком с большой буквы. Вместе нам доводилось бывать у Ю. В. Андропова, докладывая о некоторых проблемах в деятельности разведки. Однажды, помнится, когда разговор весьма накалился, Александр Михайлович встал и сказал: «Юрий Владимирович, в этом случае я лично виноват, ослабил контроль за работой управления».

Принципиальность и честность при выполнении своего профессионального долга, которые были присущи Сахаровскому, подчеркивает в своей книге «Разведка: лица и личности» генерал-лейтенант Кирпиченко:

«В последнюю его заграничную командировку начальника ПГУ сопровождал я. Дело было в марте 1970 года. Предстояли переговоры с руководством Службы общей разведки и военными контрразведчиками Египта по обеспечению безопасности прибытия в страну наших ракетчиков и военной техники.

Когда после возвращения мы докладывали Ю. В. Андропову о результатах поездки, Александр Михайлович еще раз раскрылся как прямой и честный человек. Рассказав Андропову о трудных переговорах, о том, что не получил от египетских партнеров ответов на прямо поставленные вопросы, Сахаровский заявил председателю КГБ: «Таким образом, можно считать, что мне не удалось выполнить те задачи, которые на меня возлагались, и моя миссия положительных результатов не дала!»

Надо сказать, что египетскую сторону в тот раз представляли действительно недоброжелательные собеседники: это были случайные люди, и они долго не задержались на своих постах. Что же касается заявления Сахаровского председателю КГБ, то это был единственный случай в моей служебной практике, когда руководитель такого уровня при докладе прямо заявил, что ему не удалось выполнить данное ему

поручение. Обычно в таких случаях использовалась какая-нибудь спасительная формула: «Несмотря на объективные трудности, удалось достичь некоторого взаимопонимания» или «выявлены точки соприкосновения и поле общих интересов» и тому подобное».

Сахаровский хорошо знал не только руководящий состав, но и многих рядовых работников. Не раз он удивлял руководителей центрального аппарата и зарубежных точек своей осведомленностью о таких сторонах деловых и личных качеств их подчиненных, которые не всегда были известны самим этим руководителям.

Более шестнадцати лет, с конца 1953 года, секретарем и одновременно машинисткой-стенографисткой у Александра Михайловича Сахаровского была Анна Ивановна Мушникова.

В органах госбезопасности она работала с 1939 года. 5 июля 1941 года в составе 29-й армии войск НКВД ушла на Калининский фронт, попала в окружение. В 1943 году принимала участие в сражении на Курской дуге. Эта мужественная женщина была награждена двумя орденами Отечественной войны II степени, многими боевыми медалями. Она с большой теплотой вспоминала о Сахаровском:

«Александр Михайлович на работе вел себя скромно, со всеми сотрудниками имел ровные отношения. Иногда возвращался в свой кабинет после встреч с председателем КГБ — сначала с Серовым, а потом с Андроповым — в плохом настроении, как говорят, «туча тучей». Но, вызывая к себе провинившегося сотрудника, никогда на него не кричал, разбирая тот или иной промах по существу. К женщинам-сотрудницам был всегда внимателен.

К Сахаровскому нередко приходили, чтобы решить те или иные личные проблемы, и он, по возможности, помогал выполнить их просьбы, особенно по жилищному вопросу. По характеру он был, в сущности, мягким человеком, но, когда требовала служба, был тверд и принципиален. Меня ни разу не ругал, хотя были моменты, когда надо было ругать, а он просто скажет, что я не так сделала.

Но один раз он меня проучил. Один наш сотрудник, приехавший из Болгарии, дал мне для передачи Александру Михайловичу пол-литровую бутылку с болгарским розовым маслом. Это косметическое средство стоило больших денег. Я передала Сахаровскому эту бутылку. Выяснив, что это такое, Сахаровский очень строго мне сказал, чтобы я впредь ни от кого никогда и ничего не брала, никакие подарки.

Я вернула бутылку, и с тех пор мне никто не передавал подарков для Александра Михайловича».

Как уже отмечалось, Сахаровскому приходилось довольно часто решать такой животрепещущий в те времена для любого человека вопрос, как жилищный. Александр Михайлович вынужден был делать это по долгу службы совместно с парткомом и месткомом, навлекая на себя недовольство многих.

Ветеран Службы внешней разведки генерал-майор Владилен Николаевич Федоров вспоминал, как, будучи рядовым работником, он в 1957 году приехал из Анкары в отпуск в Москву. Перед отъездом в Союз резидент вручил ему в запечатанном конверте письмо с просьбой передать его Сахаровскому. Тот был перегружен делами, и у Федорова десять дней ушло на то, чтобы попасть к начальнику разведки. Каждый день его «кормили завтраками», пока Владилен Николаевич не попросил у своего непосредственного руководителя разрешения самому позвонить начальнику ПГУ. Ему разрешили. Он коротко объяснил Сахаровскому причину звонка и услышал лаконичный ответ: «Заходите». В кабинете начальник разведки тут же вскрыл адресованное ему письмо. Прочитал, улыбнулся и спросил:

— Ты читал?

— Нет.

— А знаешь, что здесь написано?

— Нет.

Александр Михайлович протянул Федорову письмо: «Читай...»

В письме резидент в очень лестных словах отзывался о работе Федорова в Анкаре, что привело Владилена Николаевича в замешательство. А в заключение просил помочь выделить сотруднику квартиру.

Александр Михайлович поговорил с Федоровым о работе в Турции, вспомнил молодые годы, когда плавал по знаменитым проливам. А вскоре Федоров получил в Москве квартиру.

Один из ветеранов вспоминал случай, когда коллега А. М. Сахаровского неправомерно хотел решить свой жилищный вопрос. Речь шла об одном из руководителей советской внешней разведки, генерал-майоре. У него с Сахаровским сложились дружеские отношения еще с времен Великой Отечественной войны. В те годы он являлся оперативным работником Особого отдела НКВД Ленинградского военного округа. Проявил хорошие способности и мужество, был награжден двумя орденами. В середине 1946 года перешел на работу во внешнюю разведку и в дальнейшем руководил важнейшими направлениями ее деятельности. Долгие годы являлся заместителем начальника Первого главного управления КГБ. Имел в центре Москвы хорошую квартиру. Когда

вводился новый дом, где получили квартиру сам Сахаровский и некоторые ответственные сотрудники ПГУ, генерал изъявил желание поменять свою квартиру на равноценную в новом доме. Сахаровский отказался даже ставить вопрос об обмене, сославшись, правда, на то, что список сотрудников уже утвержден. Это, конечно, осложнило взаимоотношения между ними, но подтвердило принципиальность Александра Михайловича при решении «острых» вопросов.

Одной из характерных черт Сахаровского являлось его уважительное отношение к парторганизации и другим общественным организациям, вера в их способность вдохновлять и мобилизовать сотрудников на выполнение задач, стоявших перед разведкой.

Несмотря на большую служебную нагрузку, он постоянно выполнял какие-то общественные поручения, активно участвовал в работе парткома ПГУ, членом которого являлся, в партийных и профсоюзных собраниях и других мероприятиях. Приведем несколько примеров.

В начале 1960-х годов в стране входила в моду производственная гимнастика. В 11 часов утра по радио передавался целый цикл упражнений, способствовавших, по мнению авторов этих передач, улучшению производительности труда. И вот однажды, сидя в президиуме профсоюзного собрания, Александр Михайлович подал реплику: «А почему бы и нам не внедрить производственную гимнастику в практику. Ведь нам нужны физически крепкие офицеры».

После этой реплики на трибуну поднялся очередной выступающий, кандидат в члены месткома, который реагировал на реплику начальника ПГУ следующим образом: «Мысль Александра Михайловича очень верна — нам действительно нужны физически крепкие, здоровые офицеры. Но надо реально смотреть на вещи: где и в каких условиях мы можем проводить занятия? В коридорах, где пыльно и душно, или в служебных кабинетах, но тогда на каждую комнату надо иметь по инструктору».

Не после ли этого собрания вопрос о строительстве новой штаб-квартиры внешней разведки в микрорайоне Ясенево стал решаться более активно и целеустремленно? И сейчас внешняя разведка имеет лучший в российских спецслужбах спортивный комплекс, где созданы отличные условия для совершенствования спортивных навыков сотрудников.

Интересен еще один случай, произошедший на партсобрании в одном из подразделений ПГУ, на котором присутствовал начальник разведки.

Партбюро подготовило достаточно острый доклад, в котором говорилось о недовольстве машинисток-стенографисток заработной платой, которая меньше, чем в МИДе, о неравноправном положении в

подразделении мужчин и женщин, которым зачастую не присваивались воинские звания, хотя режим работы у тех и других был один и тот же, и ряд других критических замечаний в адрес руководителей ПГУ.

Следует заметить, что секретарь партбюро этого подразделения отказался выступать с таким докладом, считая его чересчур резким. И тогда поручили выступить самому молодому члену партийного бюро.

Доклад начальнику ПГУ не понравился. В ответном слове он назвал его «потребительским и с гнилым душком». Все ждали, когда последует наказание и докладчика уберут из подразделения, переведя в какое-нибудь вспомогательное, именуемое местными юмористами «отстойником». Каково же было удивление сотрудников, когда через некоторое время машинисткам прибавили заработную плату, а две женщины подразделения получили воинские звания. Да и докладчик продолжал спокойно служить.

Очевидно, за такое понимание критики сотрудники ПГУ и уважали своего начальника.

Рассказывает ветеран внешней разведки генерал-майор Георгий Александрович Орлов:

«Вспоминается одно из совещаний руководящего состава и партактива, которое проходило в конце 1967 года в конференц-зале между третьим и четвертым этажами дома № 2 на площади Дзержинского. Его еще называли «колонным залом», поскольку там действительно с двух сторон зала стояли колонны.

По какому поводу проводилось совещание, не помню, но хорошо запомнилось, что в его работе принимал участие начальник разведки ГДР Маркус Вольф. Он сидел за столом президиума вместе с руководителями ПГУ. Сахаровского за столом президиума не было, он где-то задерживался. Вдруг в ходе выступления докладчика участники совещания увидели, что М. Вольф встал и, извинившись перед председательствующим, объявил, что пришел Александр Михайлович Сахаровский, и предложил пригласить его в президиум. Действительно, начальник ПГУ тихо вошел в зал и пристроился на стул у двери, а председательствующий на совещании из-за колонны его не увидел. Участники совещания встретили это предложение аплодисментами, демонстрируя, видимо, и уважение к Александру Михайловичу, с одной стороны, а с другой — воздавая должное позиции начальника разведки ГДР».

Отмечая основные черты характера начальника ПГУ, следует подчеркнуть его уважительное отношение к женщинам вообще и к женам сотрудников в частности. Он был солидарен с известной советской писательницей и замечательной разведчицей Зоей Ивановной

Воскресенской-Рыбкиной, которая считала, что женам сотрудников разведки надо ставить памятники при жизни.

Сахаровский считал одним из важных участков работы руководителей подразделений изучение положения в семьях сотрудников. Он требовал, чтобы еще до принятия решения о направлении разведчика в заграничные командировки устанавливался личный контакт с женой, выяснялось ее мнение относительно предстоящей работы мужа, региона, в который он может поехать, состояние здоровья, положение на ее работе и т. д.

Однако бывает ситуация, когда есть острая необходимость направить за границу именно этого, а не другого сотрудника, но жена по каким-либо причинам отказывается выезжать в длительную командировку. Тогда приходится проводить беседу с женой сотрудника и самому начальнику разведки.

Один из ветеранов СВР рассказал такой случай:

«Это была далеко не первая наша поездка за границу. Моя жена также являлась сотрудником разведки и хорошо зарекомендовала себя в предыдущих командировках. Свой отказ от предстоящей командировки она мотивировала тем, что после возвращения ее могут не зачислить на офицерскую должность в связи с достижением предельного возраста по званию, а стажа службы ей будет не хватать для получения полной пенсии. Беседа с руководством подразделения закончилась безрезультатно, и тогда ее вызвал на беседу начальник ПГУ.

Узнав причину отказа, он гарантировал ей зачисление на службу на офицерскую должность. Супруга заинтересовалась у Александра Михайловича: а что если после ее возвращения должность начальника разведки будет занимать другой человек? Сахаровский не возмутился, а вызвал одного из своих заместителей и начальника кадрового подразделения и приказал записать в личное дело жены сотрудника договоренность о ее зачислении по окончании командировки не только на службу, но и на офицерскую должность. «Надеюсь, что кто-нибудь из нас троих к тому времени сохранится на своей должности», — заметил он с улыбкой. Командировка состоялась и была успешной, а после ее завершения жена продолжила службу в центральном аппарате разведки».

Уже отмечалось отношение Сахаровского к жене: он был любящим, внимательным, заботливым супругом. С сыновьями отношения были отцовские, но без сюсюканья. Оба сына отслужили срочную службу в армии. Александр Михайлович считал, что это необходимо для мужчины.

Старший сын Валерий служил в войсках связи. Во время срочной службы получил серьезную травму позвоночника, но остался в армии. У

него, как и у деда, были золотые руки, и он связал свою дальнейшую судьбу с оперативной техникой. Младший сын Игорь после армии окончил институт, сделал успешную карьеру, но никогда не использовал положение отца для продвижения по служебной лестнице.

Мало кто знает, что Александр Михайлович и Вера Алексеевна с детских лет воспитывали своего племянника Диму, родители которого погибли в автокатастрофе, а сам он получил травму. Дмитрий тоже окончил институт и продолжил работать на благо родины, безопасность которой обеспечивала в том числе и Служба, которую длительное время возглавлял его приемный отец.

Сахаровский гордился своими сыновьями. Георгий Александрович Орлов рассказывал случай, когда он и начальник секретариата ПГУ навещали Александра Михайловича в больнице на улице Грановского в 1968 году по поводу его дня рождения:

«Палата, где размещался Сахаровский, была отдельной, но небольшой, без каких-либо особых удобств и излишеств. Мы поздравили Александра Михайловича с днем рождения, вручили букет цветов и какой-то немудреный подарок. В завязавшемся разговоре стали выяснять некоторые вопросы.

Мы справились о самочувствии больного, он — о новостях в главке. Затем разговор коснулся того, кто его навестил из родственников. Сахаровский перечислил своих близких, в том числе и детей. Когда о них зашла речь, то сразу было видно, что разговор о детях приятен отцу. Александр Михайлович, как всегда сдержанно, но все же отметил, что он доволен ими, их отношением к жизни и к работе».

Следует отметить мужественное поведение Александра Михайловича во время болезни. Как вспоминал его племянник Юрий Александрович, навещавший Сахаровского в больнице в том же 1968 году, он, только что оправившийся после инфаркта, говорил: «Надо пойти навестить Константина (Рокоссовского), плохо ему сейчас». (Маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский лежал в одной из соседних палат, скончался 3 августа 1968 года.)

А. М. Сахаровский старался много читать. По воспоминаниям родственников, в больнице, например, он читал книгу Марти Ларни «Четвертый позвонок». Он собрал хорошую домашнюю библиотеку, в которой насчитывалось более трех тысяч книг. Библиотеку начал собирать еще до войны и продолжал ее пополнять до последних дней. На многих книгах имеются дарственные надписи авторов. Так, известная разведчица и писательница Зоя Воскресенская-Рыбкина на своем трехтомнике написала:

«Дорогому другу и самому уважаемому моему начальнику, талантливому воспитателю коммунистов-разведчиков, с чувством огромной признательности». И дата: «Январь 1976 года».

Были, конечно, у Александра Михайловича и переживания, связанные с взаимоотношением в коллективе. Ведь коллектив сотрудников разведки представляет собой достаточно сложный сплав людей, которые в целом являются единомышленниками, но у каждого свои достоинства и недостатки. Некоторые недостатки маскируют так, что в обычных условиях их суть видится не вдруг, не сразу и для распознавания человека требуется длительное время. Часто недостатки проявляются лишь в конкретных условиях. И Сахаровскому случалось ошибаться в людях, которым он безоговорочно верил.

Однако чаще всего умение разбираться в людях, основанное на знании и опыте, помогало правильно управлять кадрами. Он не делил людей на «хороших» и «плохих», а предпочитал заниматься конкретным делом и судить о подчиненных по результатам их работы.

С течением времени объем задач, ставившихся перед разведкой, и география ее деятельности быстро расширялись. Все острее на работе начальника внешней разведки сказывались отсутствие системного образования, знания иностранных языков, серьезного личного опыта работы за границей. Словом, работать Александру Михайловичу становилось все труднее.

В возрасте 60 лет здоровье его стало резко сдавать, подводило сердце. Тогда он сам попросил Ю. В. Андропова о замене. Александр Михайлович, покидая разведку и прощаясь с коллегами, сказал: «Я оставил здесь всё — здоровье, друзей и любимую работу».

В 1971–1975 годах Сахаровский работал старшим консультантом Группы консультантов при председателе КГБ СССР по разведке. С 1 февраля 1975 года находился в отставке.

За заслуги перед Родиной почетный сотрудник госбезопасности генерал-полковник Сахаровский награжден тремя орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, «Знак Почета», многими медалями. Его труд отмечен многими высокими наградами ряда зарубежных государств.

Несмотря на то что после января 1975 года А. М. Сахаровский находился на заслуженном отдыхе, всеми своими помыслами он оставался в разведке. С радостью принимал приглашения на различные мероприятия в ПГУ и КГБ, испытывая удовлетворение от общения со старыми соратниками.

Скончался Александр Михайлович 12 ноября 1983 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

С верой в будущее

Полнее сознавая прошедшее, мы уясняем современное. Глубже опускаясь в смысл бывшего, раскрываем смысл будущего. Глядя назад — шагаем вперед.

Александр Герцен

Декабрь 1977 года. В фойе Центрального клуба КГБ имени Ф. Э. Дзержинского многолюдно, шумно и празднично. Среди присутствующих много ветеранов. С сединой на висках, а то и вовсе седые, с орденами на груди, они собираются небольшими группами, оживленно разговаривают. Здесь можно услышать не только воспоминания о минувших днях, но и рассуждения о настоящем, мысли о будущем.

А собрались они на торжественное собрание, посвященное шестидесятилетию органов ВЧК — КГБ, и выступать на нем от их имени должен комсомолец 1920-х годов, коммунист с 1930-х, чекист с 1940-х, пятнадцать с лишним лет возглавлявший советскую внешнюю разведку генерал-полковник Александр Михайлович Сахаровский.

И вот он на трибуне: высокий, подтянутый, энергичный, взволнованный. Его прямой, открытый взгляд устремлен в зал, где сидят его соратники, чекисты среднего и молодого поколения, гости. Его голос тверд, слова звучат убежденно и страстно:

«Дорогие товарищи, друзья!

Мне оказана высокая честь от имени ветеранов-чекистов выступить на торжественном собрании, посвященном шестидесятилетию советских органов государственной безопасности...

Оглядываясь на пройденный путь, мы можем с гордостью сказать, что деятельность органов ВЧК — КГБ с первых лет советской власти и до наших дней была полностью посвящена беззаветному служению советскому народу...

Большая часть моей сознательной жизни была отдана работе в органах государственной безопасности, и я счастлив этим. На глазах чекистов старшего поколения в ожесточенных схватках с врагом закладывались основы органов ВЧК — КГБ, формировались славные чекистские традиции, закалялись чекистские кадры...

В этот торжественный день особо теплые поздравления хочется передать молодым чекистам. Вы — наши преемники, наша смена и надежда. На вас в будущем ляжет вся полнота ответственности за судьбы нашей любимой Родины.

Будьте достойными продолжателями дела старшего поколения чекистов. Настойчиво овладевайте чекистской профессией. Помните, что никогда еще империалистические разведки не были столь коварными и изощренными, как в настоящее время. Свято храните и приумножайте славные чекистские традиции — крепко держать в своих руках щит и меч революции».

Обращение к молодежи, которым Александр Михайлович закончил свое выступление, прозвучало с особой теплотой. И это было не случайно. Сахаровский весь свой период работы начальником ПГУ особое внимание уделял молодым сотрудникам, ибо в них он видел будущее разведки. И сделал для их подготовки и воспитания очень много.

Следует отметить, что еще в 1932 году при Иностранном отделе НКВД впервые были созданы курсы для разведывательной подготовки лиц, не состоявших ранее в органах госбезопасности.

На основе этих курсов в октябре 1938 года была создана небольшая, в несколько десятков человек, Школа особого назначения (ШОН) при Иностранном отделе НКВД, в которую стали набирать гражданских лиц, имеющих высшее образование.

Таким образом, история этого уникального учебного заведения ведет свой отсчет от сурового предвоенного времени, когда угроза безопасности нашего государства становилась все более реальной и нужда в достоверной военно-стратегической информации об устремлениях потенциальных противников становилась жизненно важной для нашей страны. Руководство разведки прекрасно понимало, что для решения этой задачи требовались квалифицированные, образованные, готовые к сложным условиям работы разведывательные кадры.

3 октября 1938 года народный комиссар внутренних дел СССР издал приказ о создании специального учебного заведения разведывательного профиля — Школы особого назначения (ШОН) Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР для стационарной централизованной подготовки квалифицированных кадров для разведки. Этим приказом с 1 октября вводились штаты нового учебного заведения, а с 23 октября 1938 года началась его практическая работа.

Впервые вопрос о создании специального учебного заведения для

сотрудников внешней разведки органов государственной безопасности был поднят Сталиным летом 1937 года на встрече с наркомом внутренних дел СССР и начальником внешней разведки. При этом Сталин подчеркнул, что «курс разведчиков надо организовывать обязательно вне Москвы». Он считал важным, чтобы «бойцы невидимого фронта» были надежно засекречены и на время годичной учебы в ШОН исчезли из поля зрения родных и знакомых.

Более года ушло на согласование бюджета школы, который включал расходы на устройство быта слушателей, их пансионное содержание и оплату профессорско-преподавательского состава, а также на подбор в Подмоскovie необходимых для нее объектов, скрытых от посторонних взоров в глухих лесных массивах.

Слушатели школы, численностью до тридцати человек, подбирались в основном из числа гражданских лиц, имевших высшее образование.

С помощью профессионалов-практиков центрального аппарата внешней разведки, за плечами которых были многие годы напряженной и результативной деятельности в резидентурах, руководству школы удалось в сжатые сроки создать уникальное учебное заведение. Специальные дисциплины в ШОН преподавали такие выдающиеся разведчики, как Павел Матвеевич Журавлев, Василий Михайлович Зарубин, Евгений Петрович Мицкевич, Василий Иванович Пудин, Павел Анатольевич Судоплатов и другие. Со специальными разведывательными предметами соседствовали общеобразовательные гуманитарные дисциплины: русский язык, литература и география, которые преподавали лучшие профессора и специалисты московских вузов. Так, лекции по международным отношениям читал бывший участник Генуэзской конференции посол Б. Е. Штерн, экономическую географию капиталистических государств — побывавший во многих странах мира А. А. Крейн. К преподаванию в школе постоянно привлекались академики А. А. Губер, А. М. Деборин, И. М. Майский и другие специалисты.

Безусловно, большую часть учебного времени занимало изучение иностранных языков. Однако одно знание иностранного языка еще не гарантировало пропуска в «высшее общество» страны назначения. Поэтому слушателей обучали хорошим манерам, дипломатическому этикету, прививали вкус и умение красиво и модно одеваться.

Первым начальником ШОН был назначен капитан госбезопасности Владимир Харитонович Шармазанашвили.

Он родился в 1900 году в Северной Осетии, в Дзауджи-кау (Владикавказ), грузин. В 18 лет добровольно вступил в ряды Красной

армии. В 1921 году был направлен на работу в органы государственной безопасности. Окончил Московский институт внешней торговли, в совершенстве владел немецким и французским языками. Неоднократно находился на разведывательной работе за рубежом. По мнению руководства НКВД, Шармазанашвили обладал отличными организаторскими способностями, что и предопределило его выбор в качестве начальника ШОН. Позже выпускники первого набора слушателей вспоминали, что Владимир Харитонович «был замечательный грузин, общительный, всегда оптимистично настроенный и по натуре — демократ».

Среди выпускников первого набора ШОН следует отметить Николая Михайловича Горшкова, Василия Михайловича Иванова, Елисея Тихоновича Сеницына, Виталия Григорьевича Павлова. Они прошли долгий путь работы в разведке накануне и в годы Великой Отечественной войны, в послевоенное время, приобрели ряд ценных источников, добывали важную для руководства страны информацию, руководили резидентурами, занимали высокие должности в центральном аппарате разведки.

В 1943 году в соответствии с решением Государственного Комитета Обороны по дальнейшему совершенствованию разведывательной деятельности на базе ШОН была создана Разведывательная школа (РАШ) НКГБ СССР. При этом были существенно повышены требования к подготовке молодых разведчиков, расширена учебная программа, началась разработка систематизированного курса спецдисциплин, активизировалась деятельность кафедр западных и восточных языков.

Усложнение поставленных перед разведкой задач в послевоенное время потребовало кардинальных изменений в организации и содержании теоретической и практической составляющих учебного процесса, уточнения и корректировки основных направлений и приоритетов разведывательной работы.

В сентябре 1948 года на базе РАШ создается Высшая разведывательная школа (больше известная как Школа № 101). В октябре 1968 года за высокие результаты в подготовке разведывательных кадров, а также в учебной, методической и научной работе она была удостоена ордена Красного Знамени.

В 1969 году руководством КГБ было принято решение выше поднять планку учебного подразделения внешней разведки, создав на базе ВРШ трехгодичный институт со статусом высшего учебного заведения. Институт унаследовал от ВРШ почетное звание Краснознаменный, а в марте 1984 года ему было присвоено имя Ю. В. Андропова.

В различные годы в Краснознаменном институте (КИ) КГБ преподавали такие видные разведчики, ставшие Героями Российской Федерации, как Владимир Барковский, Леонид Квасников, Александр Феклисов и Анатолий Яцков.

Краснознаменный институт (КИ) КГБ просуществовал четверть века. В начале 1990-х годов Служба внешней разведки стала самостоятельным государственным органом Российской Федерации, ее основные функции были определены законом «О внешней разведке».

Новые контуры работы, новые задачи требовали структурных изменений и в процессе подготовки российских разведчиков. 17 октября 1994 года в соответствии с Указом Президента Российской Федерации на базе КИ была создана Академия внешней разведки (АВР). В 1998 году за самоотверженный труд во имя обеспечения безопасности государства, большой вклад в дело подготовки разведывательных кадров АВР была награждена почетным знаменем СВР России.

Учебный процесс в академии, рассчитанный на два-три года, построен на сочетании лекционных, семинарских, практических и лабораторных занятий. Программы обучения учитывают знания и опыт, ранее приобретенные слушателями в других высших учебных заведениях, а также в ходе их предыдущей практической деятельности.

Учебные программы составляются с учетом специфики будущей работы разведчика (информационно-аналитическая, оперативная, оперативно-техническая и др.). Помимо специальных дисциплин в академии преподаются основы международного права, политологии, истории дипломатии, страноведения.

Особое значение в академии придается изучению слушателями иностранных языков. Занятия проводятся по специальным методикам, которые позволяют овладеть навыками устной речи, перевода, а также способствуют совершенствованию страноведческой подготовки.

Альма-матер российских разведчиков имеет богатые традиции воспитания профессионалов высокого класса в духе патриотизма, верности долгу и офицерской чести. Выпускники АВР составляют костяк российской разведки.

А. М. Сахаровский прекрасно понимал, что для того, чтобы добиться успехов в будущем, необходимо глубоко осмысливать пройденный путь, на этой основе определять новые важные задачи и намечать пути их решения. Он много внимания уделял состоянию научных исследований в разведке, требовал отчеты о достигнутых результатах в этой области, призывал

ставить перед разведывательной наукой конкретные задачи на ближайшее будущее и перспективу.

Следует отметить, что лишь в 1950-х годах в учебном заведении внешней разведки появились фундаментальные учебники и пособия по таким направлениям разведывательной деятельности, как вербовка агентуры, связь в разведке, работа с агентурой, наружное наблюдение.

В конце 1950-х — начале 1960-х годов стало уделяться внимание изучению агентурно-оперативной обстановки в разведываемых странах, была создана кафедра страноведения.

Понимая, что исследовательская работа в должных масштабах не может вестись без учета практики разведывательной деятельности, а следовательно, без участия оперативных подразделений ПГУ, руководство разведки вышло с предложением создать в ее центральном аппарате специальное научно-исследовательское подразделение, которое смогло бы стать организатором научно-исследовательской работы в разведке в целом. В 1966 году такое подразделение было создано, а уже в 1967 году был утвержден первый план научно-исследовательской работы Первого главного управления и Высшей разведывательной школы.

В марте 1968 года состоялась первая научно-теоретическая конференция, обсудившая состояние научных исследований и наметившая пути дальнейшего развития этой работы в разведке.

Выступая на этой конференции, А. М. Сахаровский говорил о своем видении науки в разведке. В частности, он обратил внимание на следующие моменты:

«Разведывательная наука — наука прикладная, основными целями ее является использование результатов исследований в практической работе разведки и успешное их влияние на ее деятельность. У нас, к сожалению, пока нет современной научной системы учета оперативных и информационных материалов, а научно-исследовательскую работу можно вести лишь на базе систематизации, анализа и обобщения фактического материала, который за многие годы своей деятельности в большом количестве накопила советская разведка. В связи с этим нам нужно безотлагательно приступить к разработке, а затем и к внедрению научной системы учета, накопления, обработки, поиска и выдачи оперативных и информационных материалов, которая отвечала бы нуждам аналитической и научно-исследовательской работы и помогла бы в решении актуальных вопросов работы разведки.

Научно-исследовательская работа в разведке не может дать готовых решений на все случаи жизни. Она может дать лишь общее направление,

пути, методику решения той или иной задачи. Практическое решение ее будет зависеть от подготовки, опыта, учета всего многообразия элементов конкретной обстановки и творческого подхода к делу оперативного работника. Поэтому нужно, чтобы каждый разведчик глубоко изучил все то, что является результатом анализа и обобщения опыта, и научился творчески применять этот результат в своей практической деятельности.

Высшая разведывательная школа и оперативные подразделения ПГУ должны развивать у молодых разведчиков здравый смысл, способность, опираясь на полученные знания, самостоятельно анализировать складывающуюся агентурно-оперативную обстановку и быстро принимать правильные решения».

Интересно отметить, что Сахаровский органически связывал обучение с достижением интеллектуального превосходства советского разведчика над противником.

Он рассматривал интеллект человека как способность, опираясь на жизненный опыт и приобретенные обыденные и научные познания, интуитивно проникать в сущность как общественных процессов, так и конкретной личности.

Сахаровский считал, что обучение сотрудника, сама работа в разведке несомненно способствуют развитию его интеллекта, обеспечивают его интеллектуальное превосходство над рядовым представителем капиталистического мира. Одновременно он предупреждал, что при общении советского разведчика с опытным сотрудником спецслужб противника следует учитывать, что он также может обладать достаточно сильным интеллектуальным потенциалом.

Особенно Сахаровский ценил те направления, темы и формы обучения, которые развивают способности людей к выработке самостоятельных суждений, к совершенствованию гибкого, глубокого, диалектического мышления. Он не любил, когда на совещаниях, особенно руководящего состава, звучали ссылки на ухудшение агентурно-оперативной обстановки в разведываемых странах. В одном из таких случаев Сахаровский так объяснил свою позицию:

«Вот здесь товарищи убедительно говорили о больших трудностях, которые обусловлены сложной обстановкой. Действительно, трудностей много. Однако у нас нет оснований надеяться, что положение изменится для нас в лучшую сторону. Наоборот, опыт показывает, что трудности будут постоянно возрастать. Поэтому может быть сделан только один вывод: надо активно работать по преодолению этих трудностей.

Мы ведем непримиримую борьбу с опытным и коварным врагом. В

этой борьбе победит тот, кто будет лучше к ней подготовлен, кто сумеет быстрее изучить и правильно оценить обстановку, своевременно выявить слабые стороны противника, правильно и быстро их использовать, кто превзойдет противника в настойчивости, изобретательности и смелости. В духе этих требований и надо воспитывать оперативных работников. С этих позиций нужно подходить к разработке и внедрению в практику новых форм и методов разведывательной работы».

Одной из серьезных причин, которые затрудняли достижение более качественного уровня в практической работе разведки, Сахаровский считал консерватизм значительной части ее оперативного и руководящего состава и подчеркивал:

«Привычка мыслить и пользоваться старыми категориями, настороженность и недоверие к новому, отношение к сложившейся практике, организации и формам работы как к чему-то раз и навсегда данному являются большим злом, с которым нужно бороться решительнее, если мы действительно хотим улучшить работу разведки.

Нам надо ломать силу привычки. Надо психологически готовить весь наш оперативный состав к активному применению передовых, научных методов работы в разведке. От некоторых товарищей еще нередко можно услышать такие заявления: «Вот когда я работал за границей, никакой науки не требовали, а у меня были вербовки, была ценная информация. Теперь же этого нет, потому что просто не умеют сотрудники работать». Такие товарищи не учитывают, что они подходят к данному вопросу с меркой 1950-х годов, не принимают во внимание, что условия работы в то время были совершенно другие.

Они не учитывают того, что империалистические разведки, и особенно американская, много сделали для усиления координации работы контрразведывательных служб всех капиталистических государств. Американцы передают своим союзникам списки выявленных ими советских разведчиков, сведения о формах и методах нашей деятельности, что в значительной мере усложнило нам работу. Противник стал сильнее, и это надо учитывать. Поэтому организация работы на научной основе является одним из средств, без которого невозможно преодолеть препятствия, стоящие на нашем пути».

Знакомясь с выступлениями А. М. Сахаровского (а некоторым из них уже более пятидесяти лет), невольно удивляешься тому, насколько они актуальны сегодня и, без всякого сомнения, будут актуальны в будущем. Причина, видимо, заключается в том, что вся его работа на посту начальника Первого главного управления была направлена на то, чтобы

готовить оперативный и руководящий состав разведки к трудностям и испытаниям в борьбе с противником, думать о завтрашнем дне. Сахаровский понимал простую истину: защита безопасности государства есть защита безопасности каждого, ибо каждый человек имеет право на социальную справедливость, сохранение его чести и достоинства.

В то же время он понимал, что зло многолико, что у каждого государства, как и у людей, есть свои недоброжелатели. Вот почему он считал, что каждый из нас и все мы вместе нуждаемся в защите. Его главным девизом и жизненной программой были слова Ленина: «Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться».

В эмблеме органов госбезопасности присутствуют два основных элемента: щит и меч. И главным из них Сахаровский считал щит. Вся его жизнь — это защита существующего строя, настоящего и будущего Отечества.

В последние годы широкое распространение получила «ревизия» истории нашего государства, его органов безопасности, в том числе и их составной части — внешней разведки. Поборники «новых взглядов» стараются навязать обществу надуманные версии об агрессивности органов государственной безопасности.

Безусловно, сознание того, что чекистам-разведчикам длительное время пришлось работать под руководством таких одиозных личностей, как Ягода, Ежов, Берия и им подобных, наводит на определенные размышления. Но все же внешнюю разведку следует отождествлять не с ними, а с Дзержинским, Артузовым, Фитиным, Сахаровским.

Феликс Эдмундович Дзержинский, без сомнения, относится к выдающимся деятелям Советского государства. С 1917 года он возглавлял Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем — знаменитую ВЧК. Под его руководством были разгромлены заговорщики во главе с Локкартом. Он лично руководил исключительно ценными источниками Филипповым и Султановым, информация от которых докладывалась непосредственно руководству страны. Да, при нем было насилие. Однако судить о репрессиях того времени — дело довольно сложное. Это был период Гражданской войны и иностранной военной интервенции. Было чрезвычайно важно защитить само государство и органы власти, необходимые для его функционирования. Находясь во главе ВЧК, он проявил столь необходимое в то время умение решать общегосударственные задачи.

Став в 1924 году председателем Высшего совета народного хозяйства, Дзержинский дал первые импульсы возрождению промышленности,

способствовал ее развитию на основе новой экономической политики. Он являлся председателем созданной при ВЦИКе Комиссии по улучшению жизни детей и ликвидации беспризорности.

Артур Христианович Артузов работал в органах ВЧК с 1919 года. Принимал непосредственное участие в разработке и проведении многих ответственных чекистских операций. Являлся высокообразованным человеком с широким политическим кругозором и большим опытом успешной борьбы с контрреволюцией и шпионажем. Свободно владел четырьмя иностранными языками. Под его руководством советская разведка добилась значительных результатов, а операции «Трест» и «Синдикат», которые он разработал и возглавил, стали хрестоматийными в истории отечественных спецслужб.

Высокий интеллект и выдающиеся организаторские способности Павла Михайловича Фитина позволили ему в годы Великой Отечественной войны не только успешно решать текущие задачи разведки, но и обеспечивать политическое руководство страны достоверной информацией о стратегических замыслах германского командования, перспективах открытия второго фронта в Европе, планах союзников СССР по антигитлеровской коалиции на послевоенный период.

В сложные годы холодной войны Сахаровский умело руководил коллективом разведчиков, работавших в Центре и резидентурах. Он много внимания уделял совершенствованию форм и методов разведывательной деятельности, а также подготовке кадров разведки.

Сегодня отдельные представители «демократической интеллигенции» любят рассказывать о том, как они страдали от органов госбезопасности и в годы Сталина, и в годы Андропова. Но лишь некоторые из них имеют на это право. Остальным следовало бы строже относиться к своей собственной совести и не выдавать желаемое за действительное.

Охаивателей советских органов государственной безопасности сейчас предостаточно. Это и отдельные журналисты, историки, политики. Очерняют историю органов госбезопасности и некоторые литераторы, кинодеятели, телеведущие. Во многих российских средствах массовой информации ощущался и ощущается большой спрос на таких авторов-фальсификаторов, как Резун (Суворов), Гордиевский, Калугин, и других представителей «новой волны» борцов против собственного государства.

В свое время русский писатель, публицист и историк, автор «Истории государства Российского» Николай Михайлович Карамзин писал:

«Историк должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руководимый пристрастием, исказить факты, преувеличивать

счастье или умалять в своем изложении бедствие. Он должен быть прежде всего правдив, но может и даже должен все неприятное, все позорное в истории своего народа передавать с грустью, а о том, что приносит честь — о победах, о цветущем состоянии, говорить с радостью, с энтузиазмом».

Конечно, не все, что задумывалось политическим руководством страны, руководством внешней разведки, могло быть выполнено по объективным и субъективным причинам. В то же время объективности ради следует подчеркнуть, что успешных операций, в ходе которых с самой лучшей стороны проявили себя как руководители разведки, так и их непосредственные исполнители, было значительно больше, чем неудач.

Даже самые ярые противники Советского государства, руководители спецслужб западных государств отмечали, что советская разведка 1950—1970-х годов действовала весьма успешно. А возглавлял ее в то время Александр Михайлович Сахаровский. Его природный ум, принципиальный подход к делу и организаторские способности во многом способствовали успешному выполнению задач, стоявших перед разведкой.

В Зале истории внешней разведки, в ее штаб-квартире в Ясенева, хранится письмо одного из ветеранов, датированное 13 августа 1984 года. В нем говорится:

«Отмечая сейчас 75-летие со дня рождения Александра Михайловича Сахаровского, хотелось бы обратиться ко всем, кто работал с Сахаровским, знал его, с предложением создать коллективный очерк о нем — чекисте-руководителе, человеке-труженике. Это было бы хорошей памятью Сахаровскому, помогло бы сотрудникам, особенно молодым руководителям, в их работе. С Александра Михайловича надо брать пример как в отношении к служебному долгу, так и в поведении в жизни ветерана, наставника, старшего товарища, руководителя».

Тогда написать книгу о Сахаровском было невозможно. Но прошло время, и воспоминания его сослуживцев, друзей и родственников очень пригодились.

В Зале истории внешней разведки есть мемориальная доска, на которой среди семидесяти пяти фамилий выдающихся разведчиков и руководителей разведки почти за 100 лет ее существования золотыми буквами вписана и фамилия А. М. Сахаровского. В одном из разделов зала находится стенд с его фотографиями, а также витрина с орденами и медалями, полученными как на фронте, так и в годы тайной войны с противниками нашего государства. В Антроповском районе Костромской области, в селе Пал-кино есть школьный музей, для которого ученики по крохам собирают материалы и экспонаты, рассказывающие о их

знаменитом земляке.

Значит, память об Александре Михайловиче Сахаровском будет жить.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. М. САХАРОВСКОГО

1909, 3 сентября — родился в деревне Большое Ожегино Костромской губернии в крестьянской семье.

1926 — после окончания начальной сельской школы и восьми классов школы второй ступени переехал в Ленинград, поступил в фабрично-заводское училище при Балтийском судостроительном заводе. Вступил в комсомол. Активно включился в работу комсомольской организации завода.

1929 — перешел на работу разметчиком на завод «Северные судостроительные верфи» (позднее — завод имени А. А. Жданова). Стал кандидатом в члены ВКП(б).

1930, февраль — принят в члены ВКП(б). В составе бригады ЦК ВЛКСМ выезжал на несколько месяцев на посевную в Казахстан.

Октябрь — избран членом комитета комсомола завода и членом Нарвского райкома ВЛКСМ.

1931, октябрь — призван в РККА, служил красноармейцем 13-й отдельной стрелковой роты в Ленинграде.

1932, май — переведен во 2-й полк связи. Избран секретарем бюро ВЛКСМ полка. Стал слушателем вечернего отделения ленинградской Военно-политической академии имени Н. Г. Толмачева (позднее — имени В. И. Ленина).

1933, октябрь — направлен секретарем бюро ВЛКСМ 63-го отдельного строительного батальона в Советскую Гавань Дальневосточного края.

1934, октябрь — демобилизовался из армии, вернулся в Ленинград. Избран секретарем комитета ВЛКСМ Канонерского завода.

1935 — в Ленинград к Александру Сахаровскому переехали родители Михаил Федорович и Анна Марковна.

11 февраля — женился на Вере Алексеевне Кузнецовой.

Апрель — инструктор политотдела Балтийского государственного морского пароходства.

1936, 27 марта — у Сахаровских родился сын Валерий.

1938, февраль — избран секретарем парткома Балтийского

государственного морского пароходства.

1939, *февраль* — по партийному набору направлен на работу в органы государственной безопасности. Назначен заместителем начальника отделения Водного разведотдела Транспортного управления УНКВД по Ленинградской области.

1941, *март* — назначен заместителем начальника 1-го (разведывательного) отдела УНКВД по Ленинградской области.

21 *декабря* — у Сахаровских родился второй сын — Игорь.

1942, *май* — назначен начальником 1-го (разведывательного) отдела УНКВД по Ленинградской области.

1944–1945 — руководил и лично участвовал в разработке и ликвидации действовавших на территории СССР резидентуры СД противника и группы вражеских разведчиков из «Абверкоманды-204».

1946, *июль* — переведен на работу в Москву, в центральный аппарат внешней разведки.

1947 — назначен начальником 2-го отдела 2-го управления Комитета информации при СМ СССР. До 1950 года выезжал в спецкомандировки в Финляндию, Грецию, Турцию и Болгарию.

1948, *декабрь* — присвоено воинское звание полковника.

1950–1952 — командировка в Румынию в качестве руководителя группы советников.

1953, 17 *марта* — назначен заместителем начальника Второго главного управления (ВГУ) МВД СССР, как тогда называлась внешняя разведка, и одновременно начальником ее 12-го отдела.

5 *июня* — переведен А. М. Коротковым с понижением в Первое (контрразведывательное) управление МВД СССР.

1954, *март* — восстановлен А. С. Панюшкиным в должности заместителя начальника внешней разведки (ПГУ КГБ при СМ СССР).

1955, 23 *июня* — назначен первым заместителем начальника ПГУ КГБ при СМ СССР и исполняющим обязанности руководителя внешней разведки.

1956, 14 *января* — присвоено воинское звание генерал-майора.

12 *мая* — назначен начальником ПГУ КГБ при СМ СССР.

1959 — по инициативе Сахаровского в ПГУ создано самостоятельное подразделение для координации работы в области разработки и реализации активных мероприятий.

1960, *август* — по инициативе Сахаровского в ПГУ образован самостоятельный африканский отдел.

1961, 23 *февраля* — присвоено воинское звание генерал-лейтенанта.

1962 — по инициативе Сахаровского Политбюро ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли решение создать при органах безопасности стран социалистического содружества представительства КГБ.

10 февраля — на мосту Глинике, разделявшем Западный и Восточный Берлин, состоялся обмен арестованного в США Рудольфа Абея (Вильяма Фишера) на американского летчика Фрэнсиса Пауэрса.

1962–1969 — будучи начальником внешней разведки, А. М. Сахаровский делал все возможное, чтобы спасти попавших в беду сотрудников.

1963, 15 августа — приказом председателя КГБ при СМ СССР в ПГУ было создано Управление НТР.

1964, 22 апреля — в Берлине состоялся обмен арестованного в Англии разведчика-нелегала Конона Молодого на английского бизнесмена и агента британских спецслужб Гревилла Винна.

1967, 19 декабря — присвоено воинское звание генерал-полковника.

1969, 17 февраля — в районе КПП Херлесхаузен на государственной границе между двумя Германиями состоялся обмен арестованного в ФРГ суперагента советской разведки Хайнца Фёльфе на 21 агента спецслужб ФРГ и США.

Октябрь — арестованные в Англии сотрудники советской разведки, разведчики-нелегалы супруги Моррис и Леонтина Коэн были обменены на арестованных в Советском Союзе агентов британских спецслужб.

1971, 15 июля — подал рапорт об отставке с поста начальника внешней разведки.

1971–1975 — старший консультант Группы консультантов при председателе КГБ СССР по разведке.

1975, 1 февраля — вышел в отставку.

1983, 12 ноября — скончался. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Александров

Михаил Федорович Сахаровский, отец Александра, в период службы в армии. 1916 г.

Саха Сахаровский (первый слева) с родителями и родственниками

Михаил Федорович Сахаровский. 1950 г.

*Александр Сахаровский — секретарь бюро ВЛКСМ 2-го полка связи.
Ленинград, апрель 1933 г.*

*Александр Сахаровский — сотрудник УНКВД по Ленинграду и
Ленинградской области. 1939 г.*

Вера Алексеевна, жена А. М. Сахаровского. 1936 г.

Удостоверение А. М. Сахаровского. Октябрь 1943 г.

*А. М. Сахаровский (в первом ряду третий слева) с сотрудниками
фронтальной оперативной группы. Славковичи, июль 1944 г.*

A. M. Сахаровский. 1947 г.

Полковник Сахаровский. Москва. 1949 г.

Иван Александрович Серов, председатель КГБ в 1954–1958 годах

Александр Николаевич Шелепин, председатель КГБ в 1958–1961 годах

*Владимир Ефимович Семичастный, председатель КГБ в 1961–1967
годах*

Юрий Владимирович Андропов, председатель КГБ в 1967–1982 годах

**Удостоверение к нагрудному знаку «Почетный сотрудник
госбезопасности»**

А. М. Сахаровский (сидит первый слева) на встрече у министра госбезопасности ГДР Эриха Мильке. Берлин, март 1968 г.

А. И. Микоян вручает А. М. Сахаровскому орден Ленина

А. М. Сахаровский в Кауре. 1970 г.

*А. М. Сахаровский (третий слева) в зале заседаний XXIV съезда КПСС.
1971 г.*

Начальник ПГУ КГБ при СМ СССР генерал-полковник Сахаровский

Сахаровский, старший консультант Группы консультантов при председателе КГБ СССР по разведке. 1972 г.

Александр Семенович Панюшкин, начальник советской внешней разведки в 1953–1955 годах

Федор Константинович Мортин, первый заместитель Сахаровского в 1958–1971 годах, начальник внешней разведки в 1971–1974 годах

Александр Михайлович Коротков

Иван Иванович Агаянц

Владимир Павлович Бурдин

Борис Александрович Соломатин

Вадим Алексеевич Кирпиченко

Владилен Николаевич Федоров

Георгий Александрович Орлов

Одно из последних выступлений А. М. Сахаровского перед личным составом советской внешней разведки

Леонид Романович Квасников

Никита Стефанович Дерябкин

Филипп Артемьевич Скрягин

Сергей Александрович Кондрашев

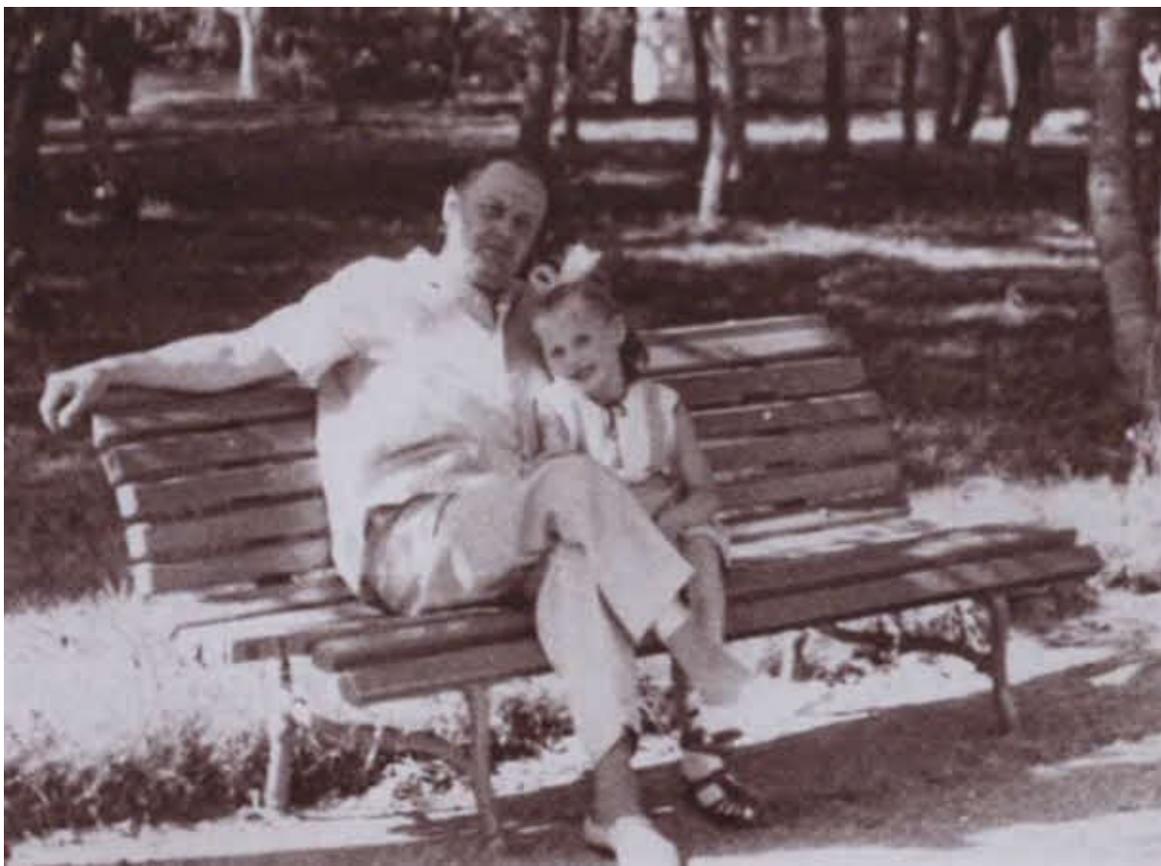
Павел Георгиевич Громушкин

В редкие часы отдыха: на рыбалке...

...и у бильярдного стола

На прогулке с внучкой

С женой Верой Алексеевной на «тихой охоте»

С сыновьями Валерием и Игорем

В семейном кругу. Последнее фото А. М. Сахаровского, сделанное в день его 74-летия. 3 сентября 1983 г.

Начальник советской внешней разведки А. М. Сахаровский на любимой зимней охоте

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Мероприятия СССР по обеспечению безопасности государства в 1954–1971 годах

1954 год

25 января — 18 февраля — совещание министров иностранных дел СССР, Англии, США и Франции в Берлине по вопросам уменьшения международной напряженности.

6 марта — пленум ЦК КПСС принял развернутое решение о путях улучшения деятельности органов безопасности, кардинальной перестройке их работы, искоренении применявшихся ранее незаконных методов, об опоре на общественность, о подконтрольности государственным и партийным органам.

13 марта — Указом Президиума Верховного Совета СССР образован Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР (КГБ при СМ СССР). Внешняя разведка стала Первым главным управлением Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР (ПГУ КГБ при СМ СССР). Председателем КГБ назначен генерал-полковник Иван Александрович Серов. Начальником ПГУ — Александр Семенович Панюшкин.

Совет министров утвердил Положение о Первом главном управлении КГБ при СМ СССР, которое закрепляло его право на ведение разведывательной деятельности за рубежом, определяло структуру внешней разведки, ее функции, задачи, штатный состав.

14 марта — советская разведка в Лондоне добыла подлинные документы Багдадского пакта, содержавшие планы нанесения ядерных ударов по СССР и его союзникам, а также создания «атомных заслонов» на пути советских войск в Турции, Иране, Пакистане и даже Северной Африке.

26 марта — опубликовано заявление советского правительства о предоставлении Германской Демократической Республике полного суверенитета во внутренних и внешних делах.

26 апреля — 21 июля — совещание в Женеве министров иностранных

дел СССР, Великобритании, КНР, США, Франции и других заинтересованных государств по корейскому и индокитайскому вопросам.

30 июня — принято решение ЦК КПСС «О мерах по усилению разведывательной работы органов государственной 256 безопасности за границей». В нем определены приоритетные направления работы внешней разведки. В ПГУ создано подразделение, которое должно заниматься разработкой спецслужб противника и обеспечением безопасности разведывательной деятельности резидентур (внешняя контрразведка).

24 июля — советское правительство направило ноты правительствам Франции, Великобритании и США по вопросу коллективной безопасности в Европе.

29 ноября — 2 декабря — в Москве состоялось совещание восьми европейских стран по вопросу обеспечения мира и безопасности в Европе.

1955 год

25 января — указ Президиума Верховного Совета СССР о прекращении состояния войны между СССР и Германией.

7 мая — указ Президиума Верховного Совета СССР об аннулировании договоров с Англией о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны от 26 мая 1942 года и договора о союзе и взаимной помощи с Францией от 10 декабря 1944 года, поскольку эти страны пошли на прямое нарушение своих обязательств и фактически разорвали их.

11 мая — Варшавское совещание восьми европейских государств по вопросам обеспечения мира и безопасности в Европе. В ходе совещания подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР, Польшей, Румынией, Венгрией, Чехословакией, Албанией, Германской Демократической Республикой и Болгарией (Варшавский договор).

18 июля — совещание в Женеве глав правительств СССР, США, Англии и Франции.

14 сентября — заключение соглашения об установлении дипломатических отношений между СССР и Федеративной Республикой Германией.

20 сентября — подписание Договора об отношениях между СССР и ГДР.

27 октября — 16 ноября — совещание министров иностранных дел СССР, Англии, США и Франции в Женеве по вопросам европейской безопасности и разоружения и по германскому вопросу.

1956 год

28 января — государства — участники Варшавского договора на заседании Политического консультативного комитета в Праге приняли декларацию, в которой заявили о готовности сотрудничать со всеми другими странами в проведении мер, направленных на обеспечение европейской безопасности и на устранение угрозы новой войны в Европе; высказались за создание системы коллективной безопасности в Европе, установление в этом районе зоны ограничения и контроля над вооружениями, разрешение споров, возникающих между странами НАТО и Варшавского договора, только мирными средствами.

2 февраля — на полигоне Капустин Яр проведено первое испытание советской жидкостной управляемой баллистической ракеты Р-5М (ОКБ С. П. Королева) с ядерной боеголовкой РДС-4 (с уменьшенным зарядом активного вещества). За 11 минут ракета пролетела 1200 километров и долетела до участка земли (ядерный взрыв малой мощности) в Приаральском районе Каракумов.

27 марта — Советский Союз внес в подкомитет Комиссии ООН по разоружению предложения об ограничении и сокращении вооружений обычного типа и вооруженных сил всех государств. Предусматривалось сокращение под международным контролем в течение 1956–1958 годов войск СССР, США и КНР до 1–1,5 миллиона человек, Англии и Франции — до 650 тысяч, остальных стран — до 150 тысяч человек, создание в Европе зоны ограничения и инспекции вооружений, безотлагательное прекращение испытаний ядерного оружия, уменьшение военных бюджетов.

12 мая — начальником ПГУ КГБ при СМ СССР назначен А. М. Сахаровский, который практически исполнял эти обязанности с 23 июня 1955 года, являясь по должности первым заместителем начальника внешней разведки.

16 июля — Верховный Совет СССР обратился к парламентам всех стран с призывом принять действенные меры к прекращению гонки вооружений, последовать примеру Советского Союза, в одностороннем порядке сократившего свои вооруженные силы.

16–23 августа — Лондонская конференция по вопросу о Суэцком канале.

19 октября — подписание в Москве советско-японской декларации о прекращении состояния войны и о восстановлении дипломатических и консульских отношений и протокола о развитии торговли.

23 октября — 4 ноября — Советский Союз в интересах защиты мировой социалистической системы и руководствуясь обязательствами по

Варшавскому договору по просьбе Венгерского народного правительства оказал ему помощь в подавлении мятежа, организованного западными державами, и в локализации политического кризиса.

29 октября — 6 ноября — Советский Союз решительно выступил в защиту Египта против агрессии Англии, Франции и Израиля на Ближнем Востоке.

30 октября — принята Декларация правительства Союза ССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами.

17 ноября — заявление советского правительства по вопросу о разоружении и уменьшении международной напряженности.

2 декабря — начало вооруженной борьбы на Кубе против диктатуры Батисты.

1957 год

11 января — ЦК КПСС принял решение о начале строительства на северо-западе страны в районе близ станции Плесецкая в Архангельской области объекта «Ангара» — ракетного испытательного полигона.

16 марта — заявление МИДа СССР в связи с планами западных держав по созданию Евратома и Европейского экономического сообщества («Общий рынок»). Договор о создании ЕЭС был подписан в Риме 25 марта.

10 мая — Верховный Совет СССР принял Обращение к конгрессу США и парламенту Великобритании по вопросу о запрещении испытаний ядерного оружия. Советский Союз предлагал создать межпарламентский комитет трех держав для обмена мнениями о возможных путях прекращения испытаний ядерного оружия и его запрещения. Парламенты США и Англии не поддержали советское предложение.

27 августа — ТАСС опубликовало сообщение об успешном проведении в СССР испытаний межконтинентальной баллистической ракеты.

Октябрь — ноябрь — Советский Союз принял меры по дипломатическим каналам и в ООН в защиту Сирии, над которой нависла угроза агрессии со стороны США и ряда государств багдадской военной группировки.

4 октября — в Советском Союзе запущен первый в мире искусственный спутник Земли.

14–16 ноября — Международное совещание коммунистических и рабочих партий социалистических стран в Москве.

21 декабря — Верховный Совет СССР принял постановление по

вопросам внешней политики советского правительства, в котором выдвигалась конкретная программа мер, направленных на сохранение и упрочение мира. Она предусматривала отказ от применения и испытаний ядерного оружия, отказ от размещения его на территории обоих германских государств, существенное сокращение численности войск, соглашение о ненападении между странами НАТО и Варшавского договора, договоренность о поддержании мира на Ближнем и Среднем Востоке, прекращение пропаганды войны.

1958 год

8 января — советское правительство направило правительствам всех стран предложения по вопросу ликвидации холодной войны и ослабления международной напряженности. Советские предложения предусматривали созыв совещания глав правительств стран Востока и Запада с целью рассмотрения широкого круга проблем: безотлагательное и повсеместное прекращение испытаний ядерного оружия; отказ от применения ядерного и ракетного оружия; создание в Европе зоны, свободной от всех этих видов оружия; заключение пакта о ненападении между странами НАТО и Варшавского договора; ликвидация на чужих территориях военных баз; сокращение численности иностранных войск, находящихся на территориях германских государств и других европейских стран; предупреждение внезапного нападения; прекращение пропаганды войны; пути ослабления напряженности на Ближнем и Среднем Востоке; расширение торговли и других связей и контактов между государствами. Западные страны отказались принять советские предложения.

20 февраля — заявление советского правительства по вопросу о создании безатомной зоны в Центральной Европе.

5 марта — опубликован меморандум советского правительства по вопросу создания безатомной зоны в Центральной Европе.

16 марта — советское правительство выдвинуло предложения о запрещении использования космического пространства в военных целях, о ликвидации иностранных военных баз на чужих территориях и о международном сотрудничестве в области изучения космического пространства.

31 марта — Верховный Совет СССР принял постановление о прекращении в одностороннем порядке испытаний ядерного оружия. В постановлении указывалось, что оно будет соблюдаться в том случае, если другие ядерные державы сделают то же самое. В связи с тем, что США и Англия не только не прекратили, а увеличили количество испытаний

ядерного оружия, советское правительство 5 октября 1958 года заявило, что действия западных держав освобождают СССР от односторонне взятых обязательств.

24 мая — в Москве прошло совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского договора. Оно поддержало предложение Советского Союза о созыве конференции глав правительств стран Востока и Запада для разрядки международной напряженности. Политический консультативный комитет рассмотрел проект пакта о ненападении между странами НАТО и Варшавского договора. Однако натовские страны не приняли это предложение.

Июль — октябрь — Советский Союз решительно выступил против интервенции США в Ливане и Англии — в Иордании. Энергичные действия СССР, поддержанные другими миролюбивыми государствами, заставили агрессоров покинуть эти арабские страны.

31 октября — в Женеве начались переговоры представителей СССР, США и Англии по вопросу о прекращении испытаний ядерного оружия. Советский Союз на первом же заседании внес проект Договора о полном прекращении испытаний на вечные времена. Западные державы всеми способами тормозили выработку соглашения, и только пять лет спустя, 5 августа 1963 года, был подписан Договор о прекращении испытаний ядерного оружия в космосе, атмосфере и под водой.

25 декабря — председателем КГБ при СМ СССР назначен Александр Николаевич Шелепин.

1959 год

9 января — на заседании Президиума ЦК КПСС было утверждено положение о КГБ и его органах на местах, в котором говорилось, что «Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР и его органы на местах являются политическими органами, осуществляющими мероприятия Центрального Комитета партии и Правительства по защите социалистического государства от посягательств со стороны внешних и внутренних врагов, а также по охране государственных границ СССР. Комитет государственной безопасности работает под непосредственным руководством и контролем Центрального Комитета КПСС».

10 января — советское правительство признало Временное правительство Республики Кубы.

23 января — заявление советского правительства в связи с переговорами трех держав по вопросу о прекращении испытаний атомного

и водородного оружия.

21 апреля — нота советского правительства правительству США с осуждением мероприятий по вооружению ФРГ и ряда других стран — участниц НАТО ядерным оружием.

11 мая — 20 июня, 13 июля — 5 августа — совещания в Женеве министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции при участии представителей ГДР и ФРГ по германскому вопросу.

Советский Союз внес на рассмотрение совещания проект мирного договора и предложения по урегулированию положения в Западной Берлине на основе признания его самостоятельной политической единицей и предоставления ему статуса вольного демилитаризованного города с международными гарантиями. Западные страны отклонили советские предложения. Со своей стороны они выдвинули «План мира», в основе которого лежала идея ликвидации социалистического государства — ГДР и присоединения его территории к ФРГ.

18 сентября — советское правительство выдвинуло на XIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН предложение о всеобщем и полном разоружении.

31 октября — опубликовано обращение Верховного Совета СССР к парламентам всех стран мира с призывом приложить все усилия для осуществления всеобщего и полного разоружения.

1960 год

3 января — начало переговоров в Женеве между СССР, США и Англией о прекращении испытаний ядерного оружия.

27 января — советское правительство направило правительству Японии памятную записку в связи с подписанием

19 января 1960 года Японией и Соединенными Штатами Америки договора о взаимном сотрудничестве и безопасности. Этому вопросу были также посвящены памятные записки советского правительства от 24 февраля и 22 апреля, нота от

20 мая 1960 года. Во всех документах разоблачалась агрессивная сущность японо-американского договора. Японское правительство было предупреждено об опасности втягивания страны в ракетно-ядерную войну. Советский Союз выражал готовность заключить договор о мире и дружбе с участием Японии, СССР, США, КНР и других тихоокеанских стран.

13 июля — советское правительство выступило с заявлением в связи с начавшейся интервенцией против Республики Конго. В этом и последующих заявлениях, а также в выступлениях представителей

Советского Союза в ООН при обсуждении данного вопроса разоблачались замыслы империалистических агрессоров и выдвигалось решительное требование прекратить интервенцию против независимой Республики Конго.

23 сентября — СССР внес на рассмотрение XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН проект Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам. 14 декабря 1960 года Генеральная Ассамблея приняла Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам, включавшую в себя основные положения советского проекта. В документе признавалось право всех народов на самоопределение, указывалось на необходимость прекращения любого вооруженного действия или репрессий против зависимых народов, выдвигалось требование немедленной передачи всей власти народам этих территорий. Провозглашение Генеральной Ассамблеей декларации явилось важным внешнеполитическим успехом Советского Союза, который неизменно поддерживал освободительное движение угнетенных народов.

Наряду с проектом Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам Советский Союз в тот же день внес новый проект основных положений Договора о всеобщем и полном разоружении. В нем предусматривалось решение проблемы ракетно-ядерного разоружения под строгим международным контролем. Уже на первом этапе разоружения намечалась ликвидация всех средств доставки ядерного оружия и иностранных военных баз, на втором этапе — запрещение ядерного, химического, биологического и других видов оружия массового уничтожения. Одновременно предлагалось осуществить значительное сокращение вооруженных сил и вооружений обычного типа.

7 декабря — опубликовано заявление советского правительства о положении в Конго в связи с арестами в стране и истязаниями ее премьер-министра Патриса Лумумбы и других патриотически настроенных конголезских деятелей.

27 декабря — заявление советского правительства по поводу Декларации Генеральной Ассамблеи ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам.

1961 год

2 февраля — состоялся первый успешный пуск межконтинентальной баллистической ракеты Р-16 с дальностью полета до 1300 километров. Ракета была разработана в КБ М. К. Янгеля.

14 февраля — заявление советского правительства в связи с убийством

премьер-министра Конго Патриса Лумумбы.

18 апреля — послание главы советского правительства президенту США Дж. Кеннеди и заявление правительства СССР в связи с вторжением американских наемников на Кубу.

27 мая — опубликовано заявление советского правительства о положении в Анголе.

6 июля — в Москве подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНДР.

9 августа — советское правительство направило правительству США ноту по вопросу прекращения ядерных испытаний.

14 августа — правительства государств — участников Варшавского договора опубликовали заявление, в котором говорилось, что они обратились к Народной палате и правительству ГДР, ко всем гражданам ГДР с предложением установить на границе с Западным Берлином такой порядок, который способствовал бы предотвращению подрывной деятельности против социалистического лагеря. Германская Демократическая Республика, руководствуясь этими рекомендациями, установила надежный контроль на границе с Западным Берлином. Осуществление этих защитных мер укрепило безопасность ГДР и других социалистических государств Европы.

29 сентября — опубликован меморандум советского правительства по вопросу об испытаниях ядерного оружия.

28 ноября — опубликовано заявление советского правительства в связи с возобновлением переговоров о прекращении испытаний ядерного и термоядерного оружия.

1962 год

19 февраля — заявление правительства СССР в связи с подготовкой США новых провокаций против Кубы.

16 марта — опубликован советский проект Договора о всеобщем и полном разоружении под строгим международным контролем.

5 апреля — на совещании Комитета 18-ти государств в Женеве советская делегация внесла проект декларации о запрещении пропаганды войны.

7 июня — на заседании Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского договора в Москве были рассмотрены вопросы германского мирного урегулирования. В принятой декларации говорилось, что государства — участники Варшавского договора стоят за мирное решение проблем, разделяющих государства. «Но

в случае, если ответом на их такую миролюбивую политику будут действия, направленные против интересов их безопасности, против суверенных прав Германской Демократической Республики, против интересов мира, то они полны решимости достойным образом оградить свою безопасность и защитить мир всеми имеющимися в их распоряжении средствами».

9—14 июля — в Москве состоялся Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир.

12 июля — в связи с подготовкой интервенции США против Кубы начались морские перевозки на Кубу советских войск (план «Анадырь»). Размещение на острове советских воинских подразделений и оборудование ракетных позиций привели к так называемому Карибскому кризису и угрозе развязывания третьей мировой войны.

13 июля — опубликовано заявление ТАСС по вопросу об усилении гонки вооружений и о происходящем между СССР и западными державами обмене мнениями по вопросу германского мирного урегулирования.

3 сентября — опубликовано советско-кубинское коммюнике об оказании Кубе помощи вооружением, а также экономической и технической помощи.

12 сентября — опубликовано заявление ТАСС о провокационных действиях США против Кубы.

21 сентября — министр иностранных дел СССР А. А. Громыко внес на рассмотрение сессии Генеральной Ассамблеи ООН проект Договора о всеобщем и полном разоружении под строгим международным контролем.

27—28 октября — обмен посланиями между председателем Совета министров СССР и президентом США по кубинскому вопросу.

24 декабря — на Семипалатинском полигоне осуществлен последний наземный ядерный взрыв.

25 декабря — на Новоземельском полигоне осуществлен последний воздушный ядерный взрыв.

1963 год

12 февраля — Советский Союз внес в Комитет 18-ти государств по разоружению проект Декларации об отказе от использования иностранных территорий для размещения стратегических средств доставки ядерного оружия. В этом документе предлагалось ликвидировать расположенные на чужих территориях базы подводных лодок, оснащенных ракетно-ядерным оружием, и стратегические ракетные установки; вывести из иностранных портов авианосцы, имеющие на борту самолеты с ядерным оружием;

перевести на свою территорию ракеты дальностью действия от 1500 километров и выше, а также стратегические бомбардировщики, предназначенные для доставки ядерного оружия. Предложения СССР не были приняты США и их союзниками по НАТО.

8 апреля — советское правительство направило участникам Североатлантического союза ноты относительно планов создания многосторонних ядерных сил НАТО. В нотах разоблачалась подлинная цель этих планов: открыть бундесверу доступ к ракетно-ядерному оружию и еще активнее развернуть подготовку к ядерной войне. В качестве альтернативы атомному вооружению ФРГ и всякому распространению ядерного оружия предлагалось всеобщее и полное разоружение, запрещение ядерного оружия и уничтожение его запасов.

20 мая — Советский Союз направил правительствам США, Англии и всех средиземноморских стран ноты в связи с размещением в Средиземном море американских атомных подводных лодок, оснащенных ядерными ракетами «Поларис». Предостерегая от опасных последствий действий американской военщины, советское правительство представило на рассмотрение этих стран предложение объявить район Средиземного моря зоной, свободной от ракетно-ядерного оружия и находящейся вне сферы его применения.

5 августа — представители СССР, США и Англии подписали в Москве Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Подписание документа явилось результатом упорной борьбы СССР и других миролюбивых государств за прекращение испытаний атомного оружия. Договор был открыт для подписания всеми странами.

17 октября — по инициативе Советского Союза XVIII сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла резолюцию, призывающую все государства воздерживаться от вывода на орбиту вокруг Земли объектов с ядерным оружием или другими видами оружия массового уничтожения, их установки на небесных телах или размещения в космическом пространстве каким-либо иным способом.

21 октября — опубликовано заявление ТАСС по поводу создания в рамках НАТО многосторонних ядерных сил.

1964 год

30 января — опубликовано заявление ТАСС о поддержке Советским Союзом законных стремлений народа Кипра обеспечить свою независимость и осуждающее попытки иностранного вмешательства во

внутренние дела Республики Кипр.

25 февраля — министр обороны СССР Малиновский и начальник Генерального штаба Бирюзов представили Хрущеву совершенно секретный документ (составленную на основе строго документированных разведанных докладную записку), из которого следовало, что США и НАТО активно развертывают свой ядерный щит в Европе. Так, по данным советской разведки за период с января 1963-го по январь 1964 года, было установлено наличие шести складов ядерного оружия на территории ФРГ, Нидерландов и Греции, 27 ядерных бомб — в Турции, 16 — в Греции и т. д. В связи с этим руководство СССР вынуждено было скорректировать свою оборонную политику.

21 апреля — советское правительство опубликовало заявление о сокращении производства расщепляющихся материалов для военных целей. Правительства США и Англии сделали аналогичные заявления.

10 июля — Советский Союз внес в ООН меморандум «О некоторых мерах по усилению эффективности ООН в обеспечении международного мира и безопасности». В документе содержались конкретные предложения по ликвидации в ООН наслоений периода холодной войны, предлагалось более широкое использование мирных средств для урегулирования международных споров, а также применение к нарушителям, в случае необходимости, принудительных мер как невоенного, так и военного характера, при условии строгого соблюдения Устава ООН.

6 августа — Советский Союз в специальном заявлении решительно осудил начавшуюся агрессию США против Демократической Республики Вьетнам и потребовал ее немедленного прекращения.

7 декабря — глава советской делегации на XIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН внес на рассмотрение международного форума меморандум советского правительства о мерах по дальнейшему смягчению международной напряженности и ограничению гонки вооружений.

1965 год

19 января — состоялось совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского договора. Участники совещания со всей решительностью выступили против опасных планов создания многосторонних ядерных сил НАТО как формы передачи ФРГ ядерного оружия. Они выдвинули конкретные предложения, направленные на обеспечение европейской безопасности, подчеркнув, что этой цели служила бы реализация предложений о замораживании ядерных вооружений и создании безатомной зоны в Центральной Европе.

4 марта — заявление советского правительства правительству США в связи с расширяющимся американским вмешательством во внутренние дела Вьетнама, Лаоса и Камбоджи.

10 мая — опубликовано Обращение ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и правительства Советского Союза к правительствам, парламентам и народам всех стран по случаю двадцатилетия со Дня Победы над фашистской Германией. Документ призвал правительства всех стран принять действенные меры по устранению угрозы новой войны и активизировать усилия для урегулирования нерешенных проблем, оставшихся в наследство от Второй мировой войны.

24 сентября — советская делегация внесла на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН проект Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета и проект Договора о нераспространении ядерного оружия.

В проекте декларации отмечалось, что все государства в своих международных отношениях должны руководствоваться принципом взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела других государств по любым причинам — экономического, политического или идеологического характера. В проекте Договора о нераспространении ядерного оружия, в частности, предусматривалось, что его участники обязуются не передавать ядерное оружие в какой бы то ни было форме во владение или распоряжение государств или группы государств, не обладающих ядерным оружием.

9 декабря — Верховный Совет СССР принял заявление в связи с агрессией США во Вьетнаме, в котором призвал парламенты и правительства всех стран предпринять необходимые усилия, чтобы добиться прекращения американцами боевых действий против Вьетнама.

1966 год

10 января — подписана Ташкентская декларация. Руководители Индии и Пакистана согласились с необходимостью не прибегать к силе и решать свои споры мирными средствами. Обе стороны заявили о своем стремлении восстановить дипломатические, экономические и торговые связи, содействовать взаимопониманию и дружбе между народами. Состоявшаяся по инициативе советского правительства Ташкентская встреча привела к ликвидации индо-пакистанского военного конфликта.

16 февраля — советское правительство направило правительству США

памятную записку по вопросу о полетах американских самолетов с ядерным оружием на борту над территориями чужих стран и открытым морем.

30 мая — заявление ТАСС о военных провокациях США против Республики Куба.

1 июля — опубликовано заявление советского правительства в связи с бомбардировками авиацией США районов Ханоя и Хайфона.

5 июля — в Бухаресте подписана Декларация об укреплении мира и безопасности в Европе, принятая на состоявшемся здесь совещании руководителей коммунистических и рабочих партий и глав правительств стран — участниц Варшавского договора.

В декларации подчеркивалась необходимость укрепления мира в Европе и предлагался ряд конкретных мер для осуществления этой цели, в частности, указывалось, что радикальным путем к этому был бы одновременный роспуск существующих военных союзов или же в качестве шага на пути к этому — достижение договоренности о ликвидации военных организаций этих союзов. Государства — участники совещания выдвинули предложение о созыве общеевропейского совещания для обсуждения вопросов обеспечения безопасности в Европе и налаживания общеевропейского сотрудничества.

6 июля — участники совещания приняли заявление в связи с агрессией США во Вьетнаме, в котором осудили американский империализм и обязались оказывать ДРВ всю необходимую помощь.

20 августа — Министерство иностранных дел СССР передало временному поверенному в делах Великобритании в СССР советский проект заявления сопредседателей Женевского совещания 1954 года по Индокитаю в связи с посягательством вооруженных сил США на независимость, нейтралитет и территориальную целостность Камбоджи.

15 декабря — опубликовано заявление советского правительства, осуждающее варварские бомбардировки Ханоя американской авиацией.

1967 год

27 января — в Москве, Вашингтоне и Лондоне страны-депозитарии — СССР, США и Англия — подписали Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства (затем он был открыт для подписания другими государствами). Этот документ разрабатывал основные правовые принципы деятельности государств в космосе. В частности, в нем было подчеркнуто, что государства — участники договора обязуются не выводить на орбиту

вокруг Земли объекты с ядерным оружием или с любыми другими видами оружия массового уничтожения, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом.

4 февраля — заявление советского правительства, в котором содержался резкий протест против антисоветской кампании, развернутой в Китае.

9 февраля — советское правительство направило правительству ФРГ ноту протеста в связи с возрождением в стране нацизма и милитаризма и претензиями ФРГ «говорить от имени всего немецкого народа».

24–26 апреля — в Карловых Варах состоялась Конференция европейских коммунистических и рабочих партий, наметившая развернутую программу борьбы за упрочение мира на Европейском континенте. Это была первая в истории европейского рабочего движения региональная конференция коммунистических и рабочих партий как социалистических, так и капиталистических стран. Она обратилась ко всем миролюбивым и прогрессивным силам и движениям с призывом организовать массовые действия, направленные на обеспечение коллективной безопасности в Европе. Конференция приняла обращение в поддержку вьетнамского народа и призвала развернуть борьбу за безоговорочное прекращение агрессии во Вьетнаме. Также было принято заявление, осуждающее военный переворот в Греции и призывающее к развертыванию широкого движения солидарности с греческим народом.

24 мая — опубликовано заявление советского правительства о положении на Ближнем Востоке в связи с провокациями Израиля против Сирии. Советское правительство предупредило, что агрессия в районе Ближнего Востока встретится не только с объединенной силой арабских стран, но и с решительным противодействием Советского Союза и других миролюбивых государств.

6 июня — заявление советского правительства в связи с вооруженной агрессией Израиля против Объединенной Арабской Республики.

7 июня — по инициативе СССР Совет Безопасности ООН принял резолюцию, требующую от Израиля прекратить огонь и все военные действия в ОАР 7 июня 1967 года в 20.00 по Гринвичу.

9 июня — в Москве собрались руководители коммунистических и рабочих партий и правительств ряда социалистических государств. Они рассмотрели положение, сложившееся на Ближнем Востоке, заявив о своей солидарности со справедливой борьбой арабских народов и готовности оказать им необходимую помощь.

10 июня — ввиду отказа Израиля прекратить агрессию против арабских стран и грубого нарушения им решений Совета Безопасности ООН советское правительство разорвало с Израилем дипломатические отношения.

11–12 июля — в Будапеште состоялось совещание руководителей коммунистических и рабочих партий и глав правительств ряда социалистических государств. Участники совещания обменялись мнениями о событиях на Ближнем Востоке и вновь заявили о своей решимости поддерживать дружеские арабские страны в их справедливой борьбе против израильской агрессии и за безоговорочный вывод израильских войск с захваченных ими арабских территорий.

24 августа — делегация СССР в Комитете 18-ти государств по разоружению внесла на рассмотрение проект Договора о нераспространении ядерного оружия.

22 сентября — Советский Союз внес на рассмотрение XXII сессии Генеральной Ассамблеи ООН проект резолюции о необходимости ускорения разработки определения агрессии в свете современной международной обстановки, а также проект Конвенции о запрещении применения ядерного оружия.

4 ноября — обращение Центрального комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета министров СССР в связи с пятидесятилетием Великого Октября.

19–21 декабря — в Варшаве состоялось совещание министров иностранных дел европейских социалистических стран. Участники совещания подробно рассмотрели развитие положения на Ближнем Востоке и подчеркнули, что вывод израильских войск со всех оккупированных территорий арабских государств является главным и непременным условием восстановления и упрочения мира в этом районе. Было высказано мнение о необходимости содействовать политическому урегулированию проблемы Ближнего Востока.

30 декабря — опубликовано обращение Центрального комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета министров СССР и советских дипломатических представительств за рубежом в связи с пятидесятилетием советской дипломатической службы. В документе отмечался крупный вклад советской внешней политики и дипломатии в защиту всеобщего мира и безопасности народов.

1968 год

18 января — в Женеве возобновил работу Комитет 18-ти государств по

разоружению. Делегация СССР внесла на рассмотрение комитета проект Договора о нераспространении ядерного оружия, включая статью о международном контроле за его соблюдением. Аналогичный проект договора внесла делегация Соединенных Штатов.

21 февраля — Министерство иностранных дел СССР заявило решительный протест правительству Соединенных Штатов в связи с преступным актом против посольства СССР в Вашингтоне, в здание которого была брошена бомба.

31 мая — сопредседатели Комитета 18-ти — СССР и США — внесли на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН уточненный и дополненный проект Договора о нераспространении ядерного оружия, учитывающий предложения и замечания, высказанные в ходе обсуждения проекта в Политическом комитете Генеральной Ассамблеи ООН.

20 июня — Советский Союз внес в ООН предложение запретить использование дна морей и океанов в военных целях.

13 августа — на заседании Комитета 18-ти государств по разоружению в Женеве представитель СССР внес от имени советского правительства предложение о том, чтобы комитет рассмотрел пути и средства обеспечения выполнения всеми государствами Женевского протокола 1925 года о запрещении применения химического и бактериологического оружия.

21 августа — опубликовано заявление ТАСС о вступлении на территорию Чехословакии по просьбе чехословацкого руководства советских воинских частей и подразделений армий Болгарии, Венгрии, ГДР и Польши с целью «помочь трудящимся этой страны отстоять свои социалистические завоевания от посягательств внутренних и внешних врагов».

29–30 октября — совещание министров обороны государств — участников Варшавского договора по вопросам укрепления Организации Варшавского договора.

6 ноября — опубликовано заявление ТАСС относительно нового обострения обстановки на Ближнем Востоке в связи с опасными вооруженными провокациями Израиля против ОАР, Иордании, Сирии и Ливана.

1969 год

21 января — советское правительство поддержало предложение Франции провести встречу представителей СССР, Франции, США и Великобритании в Совете Безопасности ООН для поисков в контакте с

Генеральным секретарем ООН средств содействия установлению справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке.

28 февраля — опубликовано заявление ТАСС по поводу новых агрессивных актов против арабских государств, совершенных за последнее время Израилем.

2 марта — начался вооруженный конфликт на советско-китайской границе в Забайкалье. Пограничными подразделениями Иманского (ныне Дальнереченского) пограничного отряда отражена вооруженная провокация китайцев на реке Уссури в районе острова Даманский.

14–15 марта — отбито повторное нападение китайских провокаторов в районе острова Даманский.

17 марта — Политический консультативный комитет государств — участников Варшавского договора учредил Комитет министров обороны, Объединенные вооруженные силы и Объединенное командование Варшавского договора.

19 сентября — министр иностранных дел СССР А. А. Громыко направил Генеральному секретарю ООН письмо с просьбой включить в повестку дня XXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН вопрос «Об укреплении международной безопасности» в качестве важного и срочного. К письму был приложен проект «Обращения ко всем государствам мира», которое правительство СССР было намерено внести на рассмотрение сессии.

24 ноября — Советский Союз ратифицировал Договор о нераспространении ядерного оружия. В этот же день договор был ратифицирован США.

22 декабря — в Москве открылось заседание Комитета министров обороны стран Варшавского договора, на котором рассматривались вопросы обеспечения безопасности границ и вопросы состояния союзнических армий.

1970 год

5 марта — вступил в силу Договор о нераспространении ядерного оружия. В Москве, Вашингтоне и Лондоне состоялись акты сдачи на хранение ратификационных грамот странами-депозитариями.

30 апреля — опубликовано заявление ТАСС в связи с прекращающимися вооруженными провокациями Израиля против Ливана.

14 мая — главы правительств восьми социалистических стран — членов Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) рассмотрели вопрос о положении в Индокитае в связи с вооруженными действиями на

территории Камбоджи.

16 июня — в Женеве возобновил свою работу Комитет по разоружению. В повестку дня были включены вопросы, касающиеся рассмотрения проекта Договора о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия, а также Конвенции о полном запрещении химического и бактериологического оружия.

14 августа — в Вене закончились начатые 16 апреля переговоры делегаций СССР и США по вопросам ограничения стратегических вооружений. Как указывалось в принятом коммюнике, была достигнута договоренность о том, что переговоры между делегациями СССР и США будут возобновлены 2 ноября в Хельсинки.

24 ноября — опубликовано заявление ТАСС в связи с бомбардировками 21 ноября американской авиацией территории ДРВ.

18 декабря — в Хельсинки закончился очередной этап переговоров между делегациями СССР и США по вопросу ограничения стратегических вооружений.

1971 год

15 января — советское правительство предложило правительству КНР заключить Договор о неприменении силы в отношениях между двумя странами.

11 февраля — в Москве, Лондоне и Вашингтоне представителями трех стран-депозитариев — СССР, Великобритании и США — был подписан Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения.

26 февраля — опубликовано заявление правительства СССР в связи с расширением агрессивных действий США против Лаоса.

28 февраля — опубликовано заявление правительства СССР в связи с отказом правительства Израиля вывести свои войска с оккупированных арабских территорий.

30 марта — 9 апреля — работа XXIV съезда КПСС. Приняты: обращение съезда «Свободу и мир народам Индокитая» и заявление «За справедливый и прочный мир на Ближнем Востоке».

19 августа — опубликовано сообщение о подписании в Москве соглашения об оказании Советским Союзом безвозмездной дополнительной помощи ДРВ с целью укрепления ее обороноспособности.

3 сентября — в Западном Берлине подписано четырехстороннее соглашение между СССР, Францией, США и Великобританией по вопросам, относящимся к Западному Берлину.

30 сентября — в Вашингтоне подписаны соглашения между СССР и США «О мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны» и «О мерах по усовершенствованию линий прямой связи».

30 ноября —1 декабря — в Варшаве состоялось совещание министров иностранных дел государств — участников Варшавского договора по вопросу подготовки к созыву общеевропейского совещания.

6 декабря — опубликовано заявление ТАСС в связи с военными столкновениями на индийско-пакистанской границе.

16 декабря — XXVI сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла резолюцию, одобряющую советское предложение о созыве Всемирной конференции по разоружению.

Приложение 2

Организационные формы внешней разведки РСФСР, СССР и Российской Федерации

Иностранный отдел (ИНО) ВЧК при СНК РСФСР
20 декабря 1920 — 6 февраля 1922

Иностранный отдел (ИНО) Государственного политического
управления (ГПУ) при НКВД РСФСР
6 февраля 1922 — 2 ноября 1923

Иностранный отдел (ИНО) Объединенного Государственного
политического управления (ОГПУ) при СНК СССР
2 ноября 1923 — 10 июля 1934

Иностранный отдел (ИНО) Главного управления государственной
безопасности (ГУГБ) НКВД СССР
10 июля 1934 — 25 декабря 1936

7-й (разведывательный) отдел ГУГБ НКВД СССР
25 декабря 1936 — 9 июня 1938

5-й (разведывательный) отдел Первого управления НКВД СССР
9 июня 1938 — 29 сентября 1938

5-й (разведывательный) отдел ГУГБ НКВД СССР
29 сентября 1938 — 3 февраля 1941

Первое (разведывательное) управление НКГБ СССР
3 февраля 1941 — 20 июля 1941

Первое (разведывательное) управление НКВД СССР
20 июля 1941 — 14 апреля 1943

Первое (разведывательное) управление НКГБ СССР
14 апреля 1943 —15 марта 1946

Первое главное управление (ПГУ) МГБ СССР
15 марта 1946 —30 мая 1947

Комитет информации (КИ) при СМ СССР
30 мая 1947 —29 января 1949

Комитет информации (КИ) при МИДе СССР
29 января 1949 —2 ноября 1951

Первое главное управление(ПГУ) МГБ СССР
2 ноября 1951 —5 января 1953

Первое управление Главного разведывательного управления(ГРУ)
МГБ СССР
5 января 1953 —5 марта 1953

Второе главное управление (ВГУ) МВД СССР
5 марта 1953 — 13 марта 1954

Первое главное управление (ПГУ) КГБ при СМ СССР
13 марта 1954 — 5 июля 1978

Первое главное управление (ПГУ) КГБ СССР
5 июля 1978 —22 октября 1991

Центральная служба разведки (ЦСР) СССР
22 октября 1991 — 18 декабря 1991

Служба внешней разведки (СВР)РСФСР
18—25 декабря 1991

Служба внешней разведки (СВР) Российской Федерации
25 декабря 1991 — по настоящее время

Приложение 3

Руководители внешней разведки

20 декабря 1920 — 20 января 1921

Давыдов (Давтян) Яков Христофорович
(исполняющий обязанности)

20 января 1921 — 10 апреля 1921

Катанян Рубен Павлович

10 апреля 1921 — 6 августа 1921

Давыдов (Давтян) Яков Христофорович

6 августа 1921 — 13 марта 1922

Могилевский Соломон Григорьевич

13 марта 1922 — 27 октября 1929

Трилиссер Михаил (Меер) Абрамович

27 октября 1929 — 1 декабря 1929

Мессинг Станислав Адамович
(исполняющий обязанности)

1 декабря 1929 — 1 августа 1931

Мессинг Станислав Адамович

1 августа 1931 — 21 мая 1935

Артузов (Фраучи) Артур Христианович

21 мая 1935 — 17 февраля 1938

Слуцкий Абрам Аронович

17 февраля 1938 — 9 июня 1938
Шпигельглаз Сергей Михайлович
(исполняющий обязанности)

9 июня 1938 — 2 ноября 1938
Пассов Зельман Исаевич

2 ноября 1938 — 2 декабря 1938
Судоплатов Павел Анатольевич
(исполняющий обязанности)

2 декабря 1938 — 13 мая 1939
Деканозов Владимир Георгиевич

13 мая 1939 — 15 июня 1946
Фитин Павел Михайлович

15 июня 1946 — 7 сентября 1946
Кубаткин Петр Николаевич

7 сентября 1946 — 19 сентября 1949
Федотов Петр Васильевич

19 сентября 1949 — 5 января 1953
Савченко Сергей Романович

5 января — 5 марта 1953
Питовранов Евгений Петрович

5 марта — 28 мая 1953
Рясной Василий Степанович

28 мая — 17 июля 1953
Коротков Александр Михайлович
(исполняющий обязанности)

17 июля 1953 — 23 июня 1955
Панюшкин Александр Семенович

23 июня 1955 — 12 мая 1956
Сахаровский Александр Михайлович
(исполняющий обязанности)

12 мая 1956 — 15 июля 1971
Сахаровский Александр Михайлович

15 июля 1971 — 13 января 1974
Мортин Федор Константинович

13 января 1974 — 26 декабря 1974
Крючков Владимир Александрович
(исполняющий обязанности)

26 декабря 1974 — 1 октября 1988
Крючков Владимир Александрович

1 октября 1988 — 6 февраля 1989
Кирпиченко Вадим Алексеевич
(исполняющий обязанности)

6 февраля 1989 — 22 сентября 1991
Шебаршин Леонид Владимирович

22–30 сентября 1991
Гургенов Вячеслав Иванович
(исполняющий обязанности)

30 сентября 1991 — 9 января 1996
Примаков Евгений Максимович

10 января 1996 — 20 мая 2000
Трубников Вячеслав Иванович

20 мая 2000 — 8 октября 2007
Лебедев Сергей Николаевич

9 октября 2007 — 5 октября 2016
Фрадков Михаил Ефимович

5 октября 2016 — по настоящее время
Нарышкин Сергей Евгеньевич

Приложение 4

Перечень спецзваний начальствующего состава органов НКВД — НКГБ СССР и их соответствие воинским званиям начальствующего состава Красной армии в 1935–1943 годах

НКВД-НКГБ СССР
Красная армия

Сержант госбезопасности
лейтенант

Младший лейтенант госбезопасности
старший лейтенант

Лейтенант госбезопасности
капитан

Старший лейтенант госбезопасности
майор

Капитан госбезопасности
подполковник

Майор госбезопасности
полковник

Старший майор госбезопасности (комиссар госбезопасности)
генерал-майор

Комиссар государственной безопасности 3-го ранга
генерал-лейтенант

Комиссар государственной безопасности 2-го ранга
генерал-полковник

Комиссар государственной безопасности 1-го ранга
генерал армии

Генеральный комиссар государственной безопасности
Маршал Советского Союза

ЛИТЕРАТУРА

Летопись советской внешней политики (1917–1967). М.: Политиздат, 1968.

Очерки истории российской внешней разведки. М.: Международные отношения, 2003. Т. 5.

Антонов В. С. Служба внешней разведки: история, люди, факты. М.: Кучково поле, 2013.

Антонов В., Карпов В. Ветераны внешней разведки России: Краткий биографический справочник. М.: Типография СВР России, 1995.

Антонов В. С., Прокофьев В. И. Календарь памятных дат российской внешней разведки. М.: СВР, 2000.

Антонов В., Прокофьев В. Служба внешней разведки России: памятные даты. М.: СВР, 2004.

Антонов Д., Жобер А., Ковальсон Л. Заговоры ЦРУ. М.: Международные отношения, 2003.

Артемов В. Л. Психологическая война в стратегии империализма. М.: Международные отношения, 1983.

Бейли Дж., Кондрашов А., Мерфи Д. Поле битвы — Берлин: ЦРУ против КГБ в «холодной войне». М.: Терра — Книжный клуб, 2000.

Берге И. Историческое недоразумение: «холодная война» (1917–1990). М.: Международные отношения, 1996.

Блейк Дж. Иного выбора нет. М.: Международные отношения, 1996.

Бобков Ф. Д. КГБ и власть. М.: Ветеран МП, 1995.

Вайда П. Опасный враг. М.: Международные отношения, 1980.

Вачнадзе Г. Н. Белая книга «холодной войны». М.: Молодая гвардия, 1985.

Витковский А. Д. СССР против США: Тайная война сверхдержав. М.: Эксмо; Алгоритм, 2012.

Вольф М. Игра на чужом поле. М.: Международные отношения, 1998.

Гасанов Р. М. Шпионаж особого рода. М.: Мысль, 1989.

Гелен Р. Война разведок: Тайные операции спецслужб Германии (1942–1971). М.: Центрполиграф, 1999.

Громушкин П. Г. Разведка: люди, портреты, судьбы. М.: Добросвет-2000, 2002.

Громыко А. А., Пономарев Б. Н. История внешней политики СССР. М.: Наука, 1986. Т. 2 (1945–1985).

- Даллес А.* Искусство разведки. М.: Международные отношения, 1992.
- Даллес А.* Доктрина: Россию надо поставить на место! М.: Алгоритм; Эксмо, 2011.
- Долгополов Н. М.* Главный противник: Тайная война за СССР. М.: Эксмо; Алгоритм, 2012.
- Донован Дж.* Незнакомцы на мосту. М.: Международные отношения, 1992.
- Дроздов Ю.* Записки начальника нелегальной разведки. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.
- Жуков Ю.* Повесть о грязных трюках. М.: Советская Россия, 1978.
- Иванов О., Попов Г, Прокофьев В.* Руководители ИНО — ПГУ— СВР (1920–2000). М.: Академия СВР, 2000.
- Кац В.* Над пропастью всю жизнь: Очерки о разведчиках. Саратов: Приволжское книжное издательство, 2003.
- Кирпиченко В.* Разведка: лица и личности. М.: Гея, 1998.
- Колпакиди А. И.* Энциклопедия секретных служб России. М.: Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2003.
- Колпакиди А., Лемехов О.* Главный противник: ЦРУ против России. М.: Вече, 2002.
- Колпакиди А., Прохоров Д.* КГБ: Приказано ликвидировать. М.: Яуза; Эксмо, 2004.
- Колпакиди А. И., Прохоров Д. П.* КГБ: Спецоперации советской разведки. М.: Олимп; Астрель; АСТ, 2000.
- Корниенко Г. М.* Холодная война: Свидетельство ее участника. М.: Международные отношения, 1995.
- Крючков В.* Личное дело. М.: Олимп, 1996.
- Маслов С.* Тайны и судьбы мастеров разведки. М.: Вече, 2012.
- Млечин Л.* Председатели КГБ: Рассекреченные судьбы. М.: Центрполиграф, 1999.
- Млечин Л. М.* Особая папка СВР. М.: Эксмо; Яуза, 2003.
- Найтли Ф.* Ким Филби — супершпион КГБ. М.: Республика, 1992.
- Павлов В.* Руководители Польши глазами разведчика. М.: Терра — Книжный клуб, 1998.
- Полмар Н, Аллен Т.* Энциклопедия шпионажа. М.: Крон-пресс, 1999.
- Прокофьев В.* Внешняя разведка: боевое содружество. Минск: Беларусь, 2002.
- Тешкин Ю.* Андропов и другие. Ярославль: Верхняя Волга, 1998.
- Феклисов А.* Признание разведчика. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999.
- Фёльфе Х.* Мемуары разведчика. М.: Политиздат, 1992.

- Филби К* Моя тайная война. М.: Воениздат, 1980.
- Фурсенко А., Нафтали Т.* Адская игра. М.: Гея итэрум, 1999.
- Холлош Э., Лайтан В.* «Холодная война» против Венгрии. 1956. М.: Прогресс, 1985.
- Шебаршин Л. В.* Из жизни начальника разведки. М.: Международные отношения, 1994.
- Широнин В.* КГБ — ЦРУ: Секретные пружины перестройки. М.: Ягуар, 1997.
- Яковлев Н. Н.* ЦРУ против СССР. М.: Правда, 1983.

INFO

Антонов В. С., Прокофьев В. И.

А 72 Сахаровский / Владимир Антонов, Валерий Прокофьев.
— М.: Молодая гвардия, 2020. — 283(5) с.: ил. — (Жизнь
замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1843).

ISBN 978-5-235-04386-2

УДК 94(47+57):355.34

ББК 63.3(2)63-36

знак информационной продукции 16+

Антонов Владимир Сергеевич, Прокофьев Валерий
Иванович

САХАРОВСКИЙ

Редактор **Е. В. Смирнова**

Художественный редактор **К. В. Забусик**

Технический редактор **М. П. Качурина**

Корректор **Г. В. Платова**

Сдано в набор 31.01.2020. Подписано в печать 27.02.2020.
Формат 84x108/32.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура
«Newton». Усл. печ. л. 15,12+1,26 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ 7021.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Суцневская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-
mail: dsel@gvardiya.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика в АО «Первая
Образцовая типография», филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ
ПЕЧАТИ» 432980, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

К. Ковалев-Случевский «ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ»
Д. Володихин «ПОЛКОВОДЦЫ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА»
Е. Деменок «ДАВИД БУРЛЮК»
И. Князький «АДРИАН»
М. Бондаренко «РОМУЛ»
М. Гуреев «УТОЧКИН»
А. Бондаренко «АЛЕКСЕЙ БОТЯН»
М. Макеев «АФАНАСИЙ ФЕТ»
А. Ветлугина «ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ»
Н. Карташов «ВАТУТИН»
С. Михеенков «ГЕРОИ КУРСКОЙ БИТВЫ»
Д. Филиппов «БИТВА ЗА ЛЕНИНГРАД»

notes

Примечания

До мая 1941 года дипломатические учреждения РСФСР и СССР за границей назывались полномочными представительствами, возглавляли их, соответственно, полпреды. В мае 1941 года полпредства стали называться, как принято во всем мире, посольствами.

Комплекс оборонительных сооружений между Финским заливом и Ладогой, созданный в 1920—1930-х годах на финской части Карельского перешейка для сдерживания возможного наступательного удара со стороны СССР и названный так по имени главнокомандующего вооруженными силами Финляндии маршала Карла Маннергейма.

В результате очередной реорганизации Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) с апреля 1943-го по март 1946 года именовался Народным комиссариатом государственной безопасности (НКГБ), а с марта 1946-го по май 1947 года — Министерством государственной безопасности (МГБ) СССР.

Корейская война — конфликт между КНДР и Республикой Корея, длившийся с 25 июня 1950-го по 27 июля 1953 года. Часто этот конфликт времен холодной войны рассматривается как опосредованная война между США с их союзниками и силами КНР и СССР.

Временное соглашение по какому-либо международному вопросу, заключенное сторонами в расчете на его окончательное урегулирование в последующем.